

Дмитрий Rogozin

АВТОБИОГРАФИЯ В ПЕРЕПИСКЕ
С БОРИСОМ ДОКТОРОВЫМ

Фонд
Общественное
Мнение

Дмитрий Rogozin

**АВТОБИОГРАФИЯ В ПЕРЕПИСКЕ
С БОРИСОМ ДОКТОРОВЫМ**

МОСКВА
2016

УДК
ББК

Библиографические данные

Это биографическое интервью Борис Докторов, социолог и историк социологии, взял у российского социолога Дмитрия Rogozina. Собеседники живут по разные стороны океана: Докторов — в Калифорнии, Rogozin — в Москве, общались они по электронной почте. Интервью не только представляет собой полноценную биографию самого «героя», но и погружает читателя в повседневность науки, становление которой в нашей стране совпало с его становлением в профессии.

Книга адресована исследователям, преподавателям, аспирантам и студентам, которые специализируются в области истории российской социологии и интересуются биографическим методом, автоэтнографией и автобиографией в социальных исследованиях. Также она будет интересна широкому кругу читателей, всем, кто увлекается опросными технологиями и историей социальных наук в России.

ISBN

© Издание на русском языке
Общероссийский общественный фонд «Общественное мнение»

Я предпочитаю разговаривать после смерти, а не при жизни, по весьма серьёзной причине: держа речь из могилы, я могу быть откровенен. Когда человек берётся писать книгу, в которой намерен рассказать о личной стороне своей жизни, одна лишь мысль, что его книгу будут читать, пока он живёт на земле, замкнёт его уста и помешает быть искренним и до конца откровенным. Никакие усилия ему не помогут, он вынужден будет признать, что поставил перед собой непосильную задачу.

Марк Твен «Из автобиографии»

Оглавление

Докторов Б. Взгляд со стороны интервьюера	6
Никулин А. Автобиография как авантюра, эксперимент, методология — антиплутопия.....	32
1 Детство на Абаканском заводе	39
2 Кирзовое студенчество.....	63
3 Жизнь без паспорта	89
4 Погружение в социологию.....	115
5 В профессиональном поле Батыгина	128
6 Летние разъезды 2014-го.....	169
7 Жизнь после Батыгина.....	208
8 Самостояние в нулевых	228
9 Пятый десяток, итоги.....	250

ДОКТОРОВ Б. ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ ИНТЕРВЬЮЕРА

В целом текст моего интервью с Дмитрием Михайловичем Рогозиным был завершен в январе 2015 года, но он не был, вопреки давней традиции, сразу размещен в онлайн-книге «Биографические интервью с коллегами-социологами»¹. Вместо этого появилась лишь достаточно развернутая информация о предстоящей публикации², а позже увидел свет сокращенный журнальный вариант интервью³.

Наше интервью происходило в начале моего знакомства с представителями шестого послевоенного поколения российских социологов, тех, кто родился в промежутке между 1971 и 1982 годами. На момент написания этого текста в моей коллекции было 21 интервью с социологами этой когорты. Таким образом, интервью с Дмитрием Рогозиным, входящим в это профессионально-возрастное образование, можно рассматривать на фоне содержания бесед со значительным числом его коллег, пришедших в социологию примерно в одно время с ним.

Назову еще одно измерение процесса интервьюирования. Наша беседа с Рогозиным стартовала в первых числах февраля 2014 года. К тому моменту в моей коллекции было немногим более полусотни интервью с социологами первых четырех поколений. Но когда беседа завершилась, на сайте было размещено 90 интервью с представителями уже шести поколений, а к ноябрю 2015 года их стало 135, и это уже были представители семи когорт социологов. Следовательно, значительно более богатым стал мой опыт интервьюирования и обогатилось мое представление о характере социологических поколений.

1 Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е, дополненное издание [Электронный ресурс] / Ред.-сост. А. Н. Алексеев. Ред. электр. издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014. http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=103

2 Рогозин Д. М. Автобиографические размышления: «Я выбирал не профессию, а просто жизнь» (Интервью Б. З. Докторову), http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=206&id=135

3 Рогозин Д. М.: «Быть рядом с наставником...». (Интервью Б. З. Докторову; журнальный вариант) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2015. № 4. С. 3–15. http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/rogozin_15.pdf

Почему в январе 2015 года я решил лишь анонсировать интервью с Дмитрием Рогозиным? Сообщил я о проведенной беседе, поскольку была закончена большая, сложная, интересная работа. Не размещал текст, поскольку он оказался во много раз больше по объему и сложнее по структуре, чем все ранее состоявшиеся беседы. Более того, думаю, что и подавляющее большинство специалистов, работающих в области биографического анализа, не встречались с подобным форматом интервью, к тому же проведенного по электронной почте.

Мои первые два интервью — с Б. М. Фирсовым и Я. И. Гилинским (2005 год), — публиковавшиеся в питерском журнале «Телескоп», по договоренности с его издателем М. Е. Илле имели общий объем около 80 тысяч знаков, то есть около двух авторских листов. Когда текст третьего интервью — с В. А. Ядовым — составил более трех листов, было решено опубликовать его в двух выпусках журнала.

На рубеже 2013 и 2014 годов, когда количество проводимых бесед резко выросло и появилась онлайн-интерактивная книга «Биографические интервью с коллегами-социологами», возникла потребность и открылась возможность сразу размещать материалы на сайте, не дожидаясь, когда они будут опубликованы в том или ином бумажном журнале. Соответственно, отпало ограничение на объем интервью, а новая технология и новая организация работы открыли путь к подготовке более объемных текстов.

Тогда же оформились еще две предпосылки к появлению пространных бесед; анализировать я их сейчас не буду, лишь обозначу.

Первая предпосылка: десятилетний опыт интервьюирования постепенно изменил саму процедуру моего общения с собеседниками. Принимая во внимание, а скорее — ощущая, что меня больше не сдерживали рамки всегда ограниченного журнального пространства, я стал так формулировать мои вопросы, что они «разрешали» более развернутые ответы, подталкивали к ним моих собеседников. Более того, иногда после получения ответов я просил респондентов детализировать сказанное, писать «ширше».

Вторая предпосылка: в начале 2014 года я начал изучать биографии исследователей шестого поколения советских/российских социологов, то есть тех, кто, как я уже упоминал, родился в промежутке между 1971 и 1982 годами. Легко понять, что старшим представителям этой страты социологического сообщества в конце 1991 года, на момент прекращения существования СССР и рождения независимой России, было 20 лет, а младшим исполнилось лишь девять. Следовательно, первичная социализация большинства составивших эту группу пришлось на последние годы СССР, а профессиональное становление относится уже ко временам новой, независимой России. Я эмигрировал в США в начале 1994 года, и мне эта когорта была особенно интересна, поскольку я хорошо знал, понимал макросреду, в которой проходили ее детство и ранняя юность, но гораздо хуже представлял пути ее вхождения в социологию. Было ясно лишь одно: историей нашей страны и всем комплексом событий, связанных со становлением и развитием социологии в России — СССР — России, на них возложена особая функция. По сути они стали первыми социологами постперестроечной России. И в этом я усматриваю особую близость шестого и первого поколений.

С Рогозиным мы знакомы давно. Во всяком случае в архиве моей переписки есть письмо Дмитрию от 27 августа 2004 года: это ответ на его вопрос относительно моих методических исследований 1970–1980-х годов. В далеком 2005 году он опубликовал в журнале «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» рецензию на мою книгу «Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина». И книга, и рецензия имели для меня очень важное значение, так как именно тогда я начинал преодолевать десятилетнее молчание, вызванное переездом в США. В 2011 году Рогозин поместил в «Социологическом журнале» статью историко-научно-исследовательского характера⁴ о том, что история опросных методов дает возможность понять особенности современных опросных технологий. Статья завершается словами: «Только через радикальную реконструкцию прошлого можно увидеть настоящее, которое, в свою очередь, позволяет

⁴ Рогозин Д. М. Как история опросных технологий помогает понять настоящее / Социологический журнал. 2011. № 4. с. 154–166 http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/rogozin_bd_12.pdf

нам рассмотреть актуальные знаки прошлого». При этом Рогозин отталкивался от анализа моей книги о творчестве Джорджа Гэллапа.

Если к сказанному добавить, что уже много лет мы с Дмитрием находимся в регулярной переписке, то не стоит долго объяснять, почему я уже давно нацеливался на проведение интервью с ним. А почему этого не произошло раньше, ясно из моего письма к нему от 8 февраля 2014 года:

«Дима, я, помню, спрашивал Вас, когда Вы родились. Я тогда начинал интервью с социологами 5-го поколения (1959–1970), Вы не прошли, оказались помоложе. Так вот, я приступаю к беседам с социологами шестого поколения — 1971–1982 годов рождения. Похоже, Вы вписываетесь в этот интервал. Мои критерии для отбора были сформулированы 10 лет назад (я начал интервью в конце 2004 года) и прошли испытание практикой: наличие и умение пользоваться электронной почтой (тогда это было серьезным ограничением для старших) и признание в кругу специалистов (не степени, не звания, не должности). Кто определяет, есть ли признание? Во-первых, я сам; полагаю, имею право, так как знаю многих и слежу за работой многих. Во-вторых, люди, с которыми я дружу, нахожусь в постоянной переписке, к примеру, А. Алексеев, Я. Гишинский, Л. Козлова, Е. Петренко, Б. Фирсов, Ф. Шереги, В. Ядов... Все — суперэксперты... Если возникает сомнение, консультируюсь с ними. Вас и Ваши работы я знаю давно, последняя Ваша статья об образе смерти — еще одно свидетельство Ваших поисков и Вашей профессиональной зрелости... Давайте поговорим «за Вашу жизнь»... Все элементарно: я Вам — вопрос, Вы мне — ответ. За 3–6 месяцев сделаем? Думаю, что да. Что скажете?».

Ответ Рогозина не вызывал сомнений относительно его согласия, и в тот же день (по-моему, калифорнийскому времени) я отправил ему первый вопрос:

«Дима, в краткой информации о Вас на сайте Шанинки отмечено, что Вы закончили Красноярский государственный университет.

Вы и родом из Красноярска, и родители «тамошние» или жизнь их забросила туда? Мое и старшие поколения мало знали о своих предках, эту информацию часто вынуждены были скрывать в семьях. А Вы насколько знаете прошлое Вашей семьи?».

Через три дня, в течение которых Рогозин ответил на три вопроса, объем текста составлял около 30 тысяч знаков; это еще не обещало ничего сверхъестественного, хотя на первые вопросы о родительской семье и о «малой родине» респонденты нередко отвечают сухо, 7–8 тысяч знаков. Работа наша шла споро, к 21 марта текст вырос до 134 тысяч знаков. Но вдоль траектории жизни Димы мы продвинулись совсем немного: я узнал лишь, что он окончил с отличием экономический факультет Красноярского государственного университета и пребывал в состоянии неопределенности относительно ближайшего будущего, не говоря о перспективе.

Здесь уже мне стало ясно: рождается некий новый вид интервью, назовем его «интервью-книга». Забегая вперед, скажу, что на момент завершения основной части нашей беседы, когда на дворе был конец 2014 года, объем текста приближался к 500 тысячам знаков, то есть к книге примерно в 12 авторских листов.

Постепенно стало ясно, что размещению текста интервью с Дмитрием Рогозиным должна предшествовать большая редакторская работа. Ясно стало и другое: в соответствии с десятилетней традицией публикацию каждого интервью — журнальную или сетевую — я сопровождал вводкой объемом 1500–5000 знаков. С конца 2014 года я стал придавать вступительному тексту статус «свободной зоны» и освещаю в нем те аспекты беседы с социологом, которые мне представляются наиболее интересными. Этот принцип остался неизменным.

В январе 2015 года я в краткой информации о завершении интервью с Рогозиным отметил, скорее всего, она станет частью более обстоятельного анализа некоторых аспектов его будущей книги. Так оно и произошло.

Есть много тем методологического интервью короткие и инструментального характера, которые я могу обсуждать, рассматривая почти каждое из проведенных интервью, но есть темы специфические, которые возникают, точнее, актуализируются, при анализе каких-то конкретных случаев. Одна из них: почему тексты некоторых интервью короткие, а некоторых — большие, обстоятельные? Для меня «норма» — это порядка двух авторских листов, или около 80 тысяч знаков. Так вот, в силу каких причин есть интервью объемом в один лист и меньше (причем нередко мне приходилось просить моего собеседника конкретизировать сказанное им, привести примеры, ответить на дополнительные вопросы), а есть и заметно превышающие указанную «норму»?

Повторю сказанное выше: «нормальным» объем в два листа стал отчасти в силу технического ограничения, поскольку журнал «Телескоп» не мог выделить больше пространства для таких материалов. Правда, замечу, ни один из журналов, которым я передавал тексты интервью для публикации, не позволял себе быть столь же щедрым. Вместе с тем практика проведения первых интервью (2005–2006 годы) показала, что ориентация на указанный средний объем, с одной стороны, дает возможность респонденту рассказать многое о себе, не очень сдерживает его воспоминания, а с другой — позволяет завершить беседу в течение 3–4 месяцев.

Таким образом, достаточно быстро у меня сложилось представление о том, что 80 тысяч знаков — это некая норма для текста биографического интервью, отвечавшего в то время, да и сейчас, целям историко-социологического исследования. То, что диалог с В. А. Ядовым в 2005 году оказался более пространственным (свыше трех листов), представлялось естественным: ведь мой собеседник стоял у истоков советской социологии, и мне хотелось узнать у него как можно больше. Тем более что Ядов был прекрасным партнером по диалогу, откликавшимся на все вопросы; к тому же на момент опроса мы были знакомы с ним свыше 30 лет, так что мне был ясен мой собеседник, я чувствовал тон и язык нашего общения.

И на протяжении следующих восьми лет у меня не было интервью, объем которых значимо отличался бы от «нормы». На рубеже 2012–2013 года

обострились сложности в поиске новых кандидатур для опросов, особенно в группах молодых социологов. Такую ситуацию определил ряд факторов. В частности, сказывалось то, что к тому времени я жил в Америке уже почти два десятилетия и плохо знал тех, кто вошел науку после, во второй половине 1990-х и позже. В январе 2013 года я впервые предложил рассказать о себе социологу шестого поколения, религиоведу, доктору социологических наук Юлии Юрьевне Синелиной (1972–2013). На следующий день после обращения к ней я получил ответ: «Честно говоря, не думаю, что я уже заслужила, чтобы у меня брали интервью. Мне кажется, рановато. Есть более достойные кандидаты». Трудно сказать, возможно, к настоящему времени я все же побеседовал бы с ней, но через два с небольшим месяца Юли не стало: 29 марта она погибла под снежной лавиной в Австрийских Альпах... Это отодвинуло на год начало моего знакомства с социологами шестого поколения.

Но еще в феврале 2013 года я получил от Синелиной короткое письмецо: «...Нашла для Вашего проекта по биографиям потрясающую кандидатку. Людмила Ильинична Григорьева из Красноярска — социолог религии, доктор наук, работает методом включенного наблюдения в НРД (новые религиозные движения). Она приезжала к нам на семинар РОС, просто потрясла меня — не жизнь, а приключенческий роман».

Забегая вперед, скажу, что так оно и вышло, как предлагала Юля. Через два дня я отправил Людмиле Григорьевой, после получения ее согласия, первые три вопроса, сопроводив их словами: «Людмила, обычно я высылаю моим собеседникам по 3-4 вопроса. Пространство у нас есть — два авторских листа, потому пишите спокойно, раскованно. Получив Ваши ответы, пришлю новые вопросы...» Так началось мое знакомство с представителями пятой когорты социологов, которую я до этого тоже не изучал. Через несколько дней пришел ответ объемом почти в лист. Рассказанное Людмилой удивило и обрадовало меня стилем и содержанием. Тогда я нарушил собственное правило и попросил посмотреть лишь начатый текст «третьего человека». Им был А. Н. Алексеев — эксперт в области проведения наблюдений и методолог биографического анализа. Приведу фрагмент отклика Алексеева: «Текст Л. Григорьевой производит очень сильное впечатление. Она, конечно, социолог-инсайдер, милостью Божьей, по каким бы иным

научным ведомствам еще не числилась. ...Этакое тождество субъекта (познания) и объекта (в смысле Ухтомского). ...Сделано ею действительно очень много (я посмотрел еще и в интернете). С ее талантами — не так диссертации, как романы писать. Кстати, слог и стиль — на очень высоком уровне».

Мы продолжали работу до середины сентября, в итоге у нас получилось более 150 тысяч знаков, то есть почти четыре листа. Я не знал, как быть, но редактор «Телескопа» М. Е. Илле, ознакомившись с текстом, снял все проблемы: «...Прочитал не отрываясь интервью с Григорьевой. Потрясающе интересно. Предлагаю опубликовать полностью, с продолжением, в 5-м и 6-м номерах...».

И все же к концу 2013 года, то есть за девять лет работы над биографическими интервью, объем лишь двух из них (В. А. Ядов и Л. И. Григорьева) намного превышал «норму» и оставался редким случаем, который можно было трактовать как случайное статистическое отклонение.

Однако в 2014 и 2015 годах количество таких объемных интервью возросло. Помимо текста беседы с Рогозиным (Москва, шестое поколение, 473 тысячи знаков) ко времени написания этого предисловия к книге в моей коллекции есть еще пять текстов, в 1,5 раза и больше превышающих «норму». Это интервью с Ю. Вешнинским (Москва, третье поколение, 263 тысячи знаков), Д. Подвойским (Москва, шестое поколение, 211 тысяч знаков), М. Горшковым (Москва, четвертое поколение, 163 тысячи знаков), Р. Абрамовым (Москва, шестое поколение, 152 тысячи знаков) и В. Вахштайном (Москва, шестое поколение, 145 тысяч знаков). Таким образом, действительно целесообразно понять, что генерирует появление подобных интервью. Почему одни респонденты склонны к обстоятельному анализу и описанию прожитого, другие воздерживаются от этого?

Прежде всего необходимо исключить допущение о том, что это эффект использования какой-либо специфической опросной технологии. Лишь интервью с М. Горшковым было комбинированным: личное и по электронной почте, все другие проводились традиционным для меня способом — только по электронной почте.

Можно ли говорить о том, что объемные интервью — следствие моего особого, многолетнего общения с их авторами? Безусловно, нет. Лишь с Ядовым и Горшковым на момент интервью у нас были продолжительные профессиональные и личные отношения, так что и в жизни, и и при опросе я обращаюсь к ним на «ты». Выше отмечалось мое давнее знакомство с Рогозиным, но, конечно, узнал я его лишь в процессе интервьюирования. С Романом Абрамовым я познакомился несколько лет назад, но это было сугубо профессиональное онлайн-общение. Что касается Григорьевой, Вахштайна, Вешнинского и Подвойского, то с ними я и сейчас лично не знаком.

Также не могут быть порождающими большой текст собственно поколенческие характеристики и места проживания респондентов. Среди моих собеседников около полусотни москвичей и много представителей всех семи поколений, причем для каждого из этих сообществ объем большинства интервью не превышает «норму».

Отмечу еще один фактор, которым можно было бы попытаться объяснить появление объемных интервью: я опрашивал социологов, у которых есть много времени для воспоминаний и описаний. Но придется отклонить и эту гипотезу. Академик М. К. Горшков возглавляет Институт социологии РАН и имеет множество других ответственных и неотложных дел; директором этого же института на момент проведения интервью был и В. А. Ядов. Огромный объем научной и научно-организационной работы осуществляется Л. И. Григорьевой. Прочтение ответов Рогозина показывает, что и он работает очень много. Аналогичное относится и к другим моим респондентам -рекордсменам по объему текстов интервью. Опуская детали, можно утверждать, что они были загружены научно-исследовательской, преподавательской и организационной работой по крайней мере не менее, чем почти все социологи, интервью с которыми оказались значительно короче.

Однако если на объем текста не влияют рассмотренные выше технологические и, скажем, другого рода внешние обстоятельства, то стоит поискать причины внутри сознания респондента. По большому счету здесь необходимо строить многомерную модель процесса, происходящего

в сознании опрашиваемого социолога, который в рамках историко-социологического проекта вспоминает прожитое и рассказывает свою биографию. Возможно, что-либо подобное может быть сделано позже. Пока же мне представляется оправданным рассмотрение трех факторов, детерминирующих характер общения респондента и интервьюера в рамках интервью обсуждаемого типа: 1) готовность человека к осмыслению прожитого; 2) его профессиональная самоидентификация и 3) его подготовленность к производству историко-биографического контента. Скорее всего, эти факторы не являются независимыми, но все же имеет смысл анализировать их по отдельности.

За многие годы я неоднократно встречался с тем, что в ответ на мое предложение рассказать о себе потенциальные респонденты отвечали, что с радостью это сделают, поскольку это соответствует их желанию осмыслить прожитое. Приведу один пример.

В августе 2004 года я писал Якову Ильичу Гилинскому: «Так случилось, что в ближайшем выпуске «Телескопа» ты найдешь мою большую статью о Грушине. ...В том же выпуске будет сообщение о том, что журнал открывает новую рубрику «Современная история российской социологии», Михаил Илле попросил меня ее вести, и я согласился. Считаю очень важным изучать историю «нашего времени». И далее шел вопрос Гилинскому: «Может, и ты что-либо вспомнишь и напишешь?» В моем архиве не сохранился его ответ, но, похоже, он отнесся к этому вопросу-предложению положительно. Во всяком случае в январе 2005 года, когда в «Телескопе» появилась упомянутая рубрика, я написал ему: «...Хотел бы я и с тобой поговорить. Найдешь ли время? Найди время. Хватит ли энергетики? Отыщи. Моя точка зрения, что это надо». И буквально через несколько минут я получил по электронной почте его ответ: «...Конечно, ты задел меня за живое. Я сам давно думаю об истории натворенного нами и лично мною..». Это один из самых ярких откликов на мое предложение, и он, помимо всего прочего, может быть объяснен нашими давними и добрыми отношениями с Гилинским. Рассмотрю другой случай.

В июле 2014 года я отправил электронное письмо Леониду Ефимовичу Бляхеру. В тот день или днем раньше я нашел о нем информацию биографического

характера в книге «Социологи России». Именно с этого я начал письмо, а далее отметил: «Не скрою, сразу обратил внимание на Ваши исследования парадигматики Бахтина и Ваш интерес к творчеству Платонова». Замечу, редкими и нестандартными для тех, кто занимается социологией, оказались и другие моменты, характеризующие этого человека: рождение в Душанбе, служба в армии, отсутствие аспирантуры, работа в Хабаровске. Все, с кем я ранее проводил интервью, либо получали образование в Москве или Ленинграде, либо учились там в аспирантуре. И наконец, докторская диссертация по проблемам социального хаоса, защищенная в 33 года. В первом же письме я кратко описал мой проект и предложил Бляхеру рассказать о себе и своих исследованиях. В тот же день пришел обнадеживающий ответ: «... На вопросы, конечно, отвечу. Правда, я сейчас в Австрии и без нормального компьютера. Но в начале августа вернусь домой, и если Вы мне пошлете список тем, которые Вас интересуют, я с радостью вышлю ответы. Единственное, в своей социологической идентичности уверен не вполне». Общение началось, и уже в начале августа я отправил Бляхеру письмо с вопросами:

«Леонид, начнем... Обычно я отправляю моим собеседникам один-два вопроса за раз. Иначе нет диалога. Однако, отвечая на вопрос, Вы свободны во всем... можете толковать вопрос как хочется, можно писать много, как хочется... В крайнем случае я вставляю один-два «технических» вопроса... Я никогда не редактирую текст интервьюируемых, иногда прошу лишь уточнить... Будут вопросы, пожалуйста..» Это было первое мое интервью с жителем Дальнего Востока, поэтому я открыл страницу интернета с хабаровским временем. Но хранить ее долго открытой мне не пришлось. Случилось то, чего в моей практике не бывало и, уверен, не скоро повторится. Интервью, несмотря на то что (а может быть, потому что) нас разделяли 18 часов, протекало в прямом диалоге, как в чате. Все было сделано за два дня, но мне трудно подсчитать, за сколько часов. Мне представляется, что в данном случае перед нами еще одна форма проявления готовности человека к рассказу о себе, но она раскрылась не в объеме интервью, а в рекордно малой продолжительности нашей беседы.

В письме, в котором Бляхер дал согласие на участие в интервью, есть слова: «Единственное, в своей социологической идентичности уверен не вполне».

Очень ценное замечание, ибо, на мой взгляд, глубина профессиональной самоидентификации отражается во многих аспектах процесса интервьюирования и самого содержания интервью, и, конечно же, она проявляется и в его объеме.

Если продолжить тему профессиональной самоидентификации, то весьма однозначно об углубленности в свое дело, в свою профессию говорит заголовок интервью с Людмилой Григорьевой: «В религиоведение я ниоткуда не приходила. Я в нем родилась, сформировалась и выросла».

Удивление, ощущение в себе чего-то нового (или новое ощущение себя), обусловленные встречей с социологией, присутствует в заголовках интервью с Романом Абрамовым («До поездки в ИС РАН я почти не видел «живых» социологов») и Виктором Вахштайном («Мы были «морем молодых», которые «выползли из тьмы»). В моем понимании здесь зафиксированы скачок, осознание того, что в результате поисков чего-то своего человек приблизился к тому, что он искал. Причем не только вовне, но и в себе.

Заголовком интервью с Юрием Вешнинским — «...Звалось судьбой и никогда не повторится...». — стала фраза из стихотворения С. Дорошенко: «А все, что унесу с собой / под твоей, кладбищенская птица, / зелёный куст, звалось судьбой / и никогда не повторится». И на подходе к этим строкам Вешнинский отмечает: «...С годами, будучи человеком бездетным, я всё отчётливее чувствую, что вместе со мной может уйти в небытие целый пласт информации о моём времени, которая может представлять ценность не только для меня, а также и весь мой жизненный мир, память о котором я очень хочу сохранить». И три раздела его интервью озаглавлены так: «Я чувствую свою ответственность перед своими предками и перед нашими потомками», «В пространстве воспоминаний» и «Мой первый учитель в науке». Сказанное можно интерпретировать как высокую готовность Вешнинского к участию в интервью, как ощущение своей принадлежности к своей семье, своему роду и как восприятие себя частью определенной исследовательской общности.

Следующий фактор моей модели, определяющей объем биографического интервью, — это подготовленность потенциального рассказчика к созданию

историко-биографического контента. В общем случае это умение, опыт погружения в свое прошлое, склонность к его анализу и описанию. В определенном смысле каждый интеллигентный человек, тем более имеющий профессиональную подготовку в области социальных наук, обладает подобными качествами. И все же одни более расположены к созданию историко-биографического контента, другие — менее. И эта мера расположенности зависит как от объективной насыщенности жизни человека различными событиями и обстоятельствами, так и от особенностей восприятия происшедшего с ним. Связана степень подготовленности, конечно, и с характеристиками памяти индивида — памяти на события, на людей, на контекст событий. Добавлю, некоторые из моих респондентов ведут дневники, в которых фиксируют и анализируют происходящее, кто-то время от времени пробует подвести итоги прожитого; некоторые при описании прошлого семьи обращаются к дневникам, которые вели родители, бабушки и дедушки, к более глубоким семейным архивам.

Здесь нет необходимости анализировать детально, в силу каких обстоятельств названные выше социологи стали «рекордсменами» в области создания объемных автобиографических текстов. Тем не менее замечу, что, на мой взгляд, есть одно важное обстоятельство, которое является общим для четырех моих собеседников, представляющих шестое поколение российских социологов: это Абрамов, Вахштайн, Подвойский и Рогозин. У них разное базовое образование: Абрамов — специалист в области организации и управления при проведении строительных работ, Вахштайн — психолог, Подвойский — философ, Рогозин — экономист. Они по-разному входили в социологию. Но профессиональные траектории их примерно в одно время прошли через общие «точки», координаты которых — это прежде всего Шанинка и Геннадий Семенович Батыгин (1951–2003), а также Институт социологии РАН.

В 1999 году Дмитрий Рогозин, пройдя перед этим в высшей степени нетривиальную жизненную дорогу, поступает в Шанинку. Теперь приведу фрагмент нашего интервью.

«Когда я поступал в Шанинку, мне были известны имена Ядова и Заславской, готовясь к вступительным, познакомился

с публикациями Радаева. Когда составлял программу обучения... думал, что буду изучать экономическую социологию. Но после первой лекции Батыгина мои предварительные предпочтения, опыт перестали что-либо значить. В это трудно поверить, и я точно не смогу передать того состояния. Могу лишь сослаться на один факт. С первых же слов Геннадия Семёновича: «Глубокоуважаемые коллеги, позвольте рассказать об эпистемологии без познающего субъекта» (так он начинал все лекции на нашем курсе), — я почувствовал, что передо мной Учитель, что я готов выполнять все его поручения, следовать всему, что он скажет, готов отказаться от всего, что было до этого. Придя домой, за ужином, обыгрывая известное изречение, сказал Наташе, что нашёл себе кумира. И ни тогда, ни после, ни на один миг не усомнился в этом... Социологическое знание для меня — предельно личностное. Я и сейчас слышу голос Геннадия Семёновича, размеренный и чуть приглушённый, с усмешкой, разрушающей натужную серьёзность научных проблем, ставящий любого стремящегося узнать (а не полюбопытствовать или проявить интерес) в равную позицию, позволяющую быть собеседником и соавтором, дерзать, спрашивать, узнавать. «Наука делается на передовой, в лаборатории, младшими научными сотрудниками. Затем разворачивается эшелонированный порядок учёных званий и должностей, создающий статусные позиции: научный сотрудник, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник, главный научный сотрудник. И мы можем догадываться, что зачастую нет более далёкой от научной работы позиции, чем звание академика, забывшего о переднем крае, об исследовании и эксперименте». Шанинка, социология, профессия — это всё для меня Батыгин».

По мнению Дениса Подвойского, человеком, перетряхнувшим все в его голове и оказавшим огромное влияние на его последующую «идейную эволюцию», был Батыгин. Они познакомились в 1995 году, однако его плотное общение с Геннадием Семеновичем пришлось на последние четыре года жизни Батыгина. В 2000 году Подвойский под руководством Ба-

тыгина завершил работу над кандидатской диссертацией и успешно ее защитил. После этого их профессиональные контакты стали еще более тесными.

Виктор Вахштайн начал учиться в Шанинке осенью 2002 года — это был последний курс, слышавший лекции Батыгина. В нашем интервью Виктор вспоминает, что его всегда поражало, как Батыгину удавалось «использовать одновременно отсылки к хасидским притчам, греческой «пайдейе», диссертации Роберта Мертона об энтузиастических сектах, этосу научного познания, количественным исследованиям, римскому праву, неокантианству марбургского толка, пролетарской поэзии Гастева и филологии в духе Гаспарова. Вот как?! А для него все это были части единой мировоззренческой конструкции, организованной вокруг базовой метафоры «мир как текст». И далее Вахштайн замечает: «Влияние Батыгина было очень сильным, но нет, он не был моим учителем. Хотя самые высокие оценки в Шанинке я получил за его курс. Увы, я так и не заговорил на его языке, хотя мы с однокурсниками регулярно сбегали на его семинары в Институт социологии РАН. Что-то остановило — вероятно, неготовность принять его аксиоматику, которая строилась на метафоре «мир как текст». И все же на одной очень важной для современной социологии платформе Батыгин и Вахштайн сблизились — «на почве общей любви к Ирвингу Гофману».

В Шанинку Вахштайн поступал, чтобы писать магистерскую диссертацию у Александра Филиппова, и он сделал это. Если принять во внимание, что среди наставников Александра Филиппова — его отец Фридрих Рафаилович Филиппов, придававший большое значение работе над текстами, и Юрий Николаевич Давыдов — философ и историк социологии, культуролог, ценивший хорошо написанные тексты, то можно с уверенностью констатировать, что Виктору повезло с наставниками.

В 1999 году поступил в Шанинку и Роман Абрамов. Он уже многое и многих знал по учебе на «кухтеринских курсах» в Институте социологии РАН, где его научным руководителем, а точнее Учителем, стала Инна Феликсовна Девятко. Она работала тогда в этом институте под руководством Ю. Н. Давыдова в секторе теории и истории социологии. И заседания сектора Абрамов начал посещать, еще будучи магистрантом.

Когда интервью с Романом подходило к концу, а интервью с Вахштайном, Подвойским и Рогозиным были закончены, я уже тогда обнаружил нечто общее в стиле этих четырех бесед. Поэтому один из последних вопросов, которые я задал Абрамову, был таким: «Если бы меня попросили охарактеризовать общее в Вашем стиле ответов на мои вопросы и в рассказах Виктора Вахштайна, Дениса Подвойского и Дмитрия Рогозина, я сказал бы: «биография в контексте повседневности». Интересно, каждый из вас пришел к подобному дискурсу самостоятельно или это свидетельство принадлежности к общей школе?» В своем ответе Абрамов заметил, что его становление и становление его коллег происходило по-разному, но добавил: «хотя и в одном контексте».

И без этого ответа я знал, что в широком плане упомянутые мной представители шестого поколения формировались профессионально в одном микроконтексте: это пространство Шанинки и Института социологии РАН. Но в моем понимании следовало продолжить поиск более конкретных факторов, детерминировавших характер профессионального становления этой «четверки», который проявился, в частности, в формате ответов на биографические вопросы.

Впервые над «загадкой» появления объемных интервью я задумался в конце 2014 года, когда писал вводный текст к интервью с Денисом Подвойским. Там было сказано: «Денис наблюдателен, его мышление ассоциативно и рефлексивно, и он прошел уникальную школу Г. С. Батыгина, обучавшего своих младших коллег методике творческой работы с текстами». Выше уже говорилось, что Рогозин называет своим «Учителем» Г. С. Батыгина; много дал Батыгин и Вахштайну. Из интервью Романа Абрамова следует, что в Шанинке он встречался с Батыгиным, показал ему свою магистерскую диссертацию, подготовленную в Институте социологии РАН, но его научным руководителем стал В. В. Радаев. При этом Роман сохранил связи с «кухтеринским центром» и И. Ф. Девятко, твёрдо решив готовить кандидатскую диссертацию под её руководством.

Тогда у меня возникла гипотеза о непрямом, опосредованном влиянии Батыгина на профессиональное становление и особенности нарратива

Абрамова. Я благодарен Инне Девятко за то, что она указала мне на ее биографическое эссе, вошедшее в сборник воспоминаний преподавателей Вышки о своих наставниках⁵. Любому ученому, в том числе и историку, всегда приятно, если исследовательское допущение оказалось верным. Действительно, Батыгин был научным руководителем Девятко, под его руководством она написала кандидатскую диссертацию, и потом у них были общие публикации. В своих воспоминаниях Девятко особенно обстоятельно описывает отношение Батыгина к тексту и его работу над текстами. Начинается все словами: «...Я хочу рассказать о Геннадии Семеновиче некоторые важные вещи. Например, о том, как он работал, как писал. Это передает природу его отношения к тексту. Все, кто его знал, помнят, что он удивительно ответственно относился к языку... У него было необыкновенно глубокое понимание природы языка, бесконечности этого семиозиса, когда у всякого текста есть подтекст, а у подтекста есть свой подтекст, и те смыслы, к которым отсылает нас даже самый короткий текст, могут бесконечно далеко отстоять от очевидного значения». И далее Инна вспоминает, как Батыгин редактировал тексты: «...Вот ты пишешь некий текст и отдаешь ему. Он берет этот текст и перепечатывает. Причем если его не остановить, он мог сам перепечатать его два или три раза. А как тогда правилась рукописи на машинке? Нужно было вырезать и вставлять, вырезать и вставлять, а потом склеивать. Вот он приносит такую пачку с вырезками и склейками и отдает ее мне. Я все это беру и заново перепечатываю текст так, как мне нравится и как я считаю правильным. А потом... я снова отдаю ему этот текст. И все это могло повторяться снова и снова. Вот такая удивительная модель».

Итак, среди многих факторов, которые детерминировали появление пространных, особо объемных интервью, есть и фактор влияния батыгинского отношения к тексту. Конечно же, я знаю и помню стиль работ Батыгина по методологии социологии, помню общий дух наших «многокилометровых» разговоров в институте и у него дома. Но для меня оказалось неожиданным, что он смог передать свое понимание тонких структур текстов и элементы своей технологии производства текстов ученикам. И несколько

⁵ Девятко И. Учителя. Поколения ВЭШ. Учителя об учителях. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2013. С. 160–166.

удивлен, что подобный вывод можно было получить в процессе анализа биографических интервью.

Теперь, пусть в самой предварительной форме, мне хотелось бы высветить те обстоятельства, которые позволили Дмитрию Рогозину превратить, можно сказать, почти рутинное дело — интервью о вхождении в профессию и о некоторых вехах траектории развития его карьеры — в книгу. Причем здесь я имею в виду даже не объем текста — это уже следствие его содержания, — а сам характер автобиографического повествования. Дело в том, что мои вопросы Дмитрию, особенно в начале нашей переписки, были стандартными: не точно такие (мои интервью не формализованные), но почти такие же задавались многим. Однако Дмитрий практически сразу отказался от плоской рефлексии, провоцируемой «прямым» пониманием жанра интервью, и дал развернутое описание соответствующих фрагментов своего прошлого.

Скажем, вот вопрос, по содержанию не отличающийся от заданных многим другим моим собеседникам: «Как, чем вспоминается школа или школы, в которых Вы учились? Вы родились в начале 1970-х, допускаю, что когда Вам исполнилось 14–15 лет и советские школьники вступали в комсомол, этой организации уже не было. Или в глубинке все сохранялось?» Обычно на такого рода вопрос следует короткий ответ, но в данном случае это 14,5 тысячи знаков, то есть почти треть «стандартного» интервью. Ответ Рогозина многомерен, многосюжетен, разноокрашен, в нем много действующих лиц. Он не старается свести все к схеме хорошего или плохого школьника и сына, хороших и плохих учителей... И потом уже в самых первых ответах я почувствовал, что Рогозин нашел подходящую для него глубину описания, фиксации и рефлексии, он отделяет себя сегодняшнего от себя того времени. Но это не литература, не художественный текст. Отвечая на мои вопросы, Дмитрий остается сегодняшним, он лишь старается объяснить читателю (тогда этим читателем был только я) себя прежнего, чтобы я мог понять, как и почему он все же оказался в социологии.

Конечно, я сразу почувствовал необычность — в плане содержания и уровня доверительности рассказа — этого интервью, а скорее беседы с Дмитрием.

Параллельно с нашей совместной работой я вел около десяти интервью с другими социологами, в основном пятого-седьмого поколений; новый материал от моих собеседников поступал ко мне ежедневно. И постепенно у меня начали складываться по крайней мере две (в действительности больше) полярные схемы методологии проведения интервью.

По отношению к одним респондентам главным было «не спугнуть», дать им возможность высказать то, что им хотелось бы высказать, поскольку согласие на беседу было ими дано. Подобной технологии, с некоторыми модификациями, я придерживался в беседах с Абрамовым, Вахштайном, Подвойским, Рогозиным и еще несколькими социологами, интервью которых, по моим представлениям, потенциально могли трансформироваться в книгу. И вторая методология — ее условно можно назвать стимулирующей или иногда «подталкивающей». В таких случаях по характеру ответов видно, что респондент «сник», сказал все, что мог или хотел, и ему нужна хотя бы минимальная поддержка. Мне трудно сказать, с чем это связано. Скорее всего, здесь нет одного универсального объяснения: это может быть и недоверие к интервьюеру, и неумение внятно изложить события своей жизни, и сомнения в том, будет ли сказанное верно понято, и нежелание «раскрываться» перед коллегами и студентами, и дела, и усталость. Я не расспрашиваю респондента о причинах такого «торможения» (может быть, лишь в отдельных случаях), только прошу добавить к рассказу детали, примеры.

Но все же, мне кажется, главное в таких интервью — это понимание человеком характера и глубины своей профессиональной идентификации, а также отчасти связанное с этим понимание истории нашей науки. Я придерживаюсь того мнения, что историю науки делают все, кто имеет отношение к научному знанию, конечно, в разной степени и на разных «участках», и эта история должна писаться всеми. Но более распространенной является точка зрения, согласно которой наука делается «другими», а «моя жизнь никому не интересна».

Теперь о форме интервью. В моем понимании «жесткое» интервью — это совокупность вопросов и ответов на них. При этом содержание и формат интервью определяются прежде всего интервьюером. Однако «жесткое»

интервью не тождественно «формализованному»: в применяемой мною схеме практически каждый новый вопрос есть реакция на последний(-ие) ответ(-ы) опрашиваемого, и нет никакой априорно выстроенной системы проведения опроса. Но без вопросов моему собеседнику сложно, он не уверен, в какую сторону ему идти.

Если же респонденту задается лишь направление беседы, а дальше он рассказывает то и так, что и как сам определяет для себя, то это «мягкое» интервью. Доминирующее число моих интервью - «жесткие», но несколько я бы отнес к той или иной разновидности «мягких». Приведу фрагмент вводного текста к «мягкому» интервью с Е. А. Здравомысловой, которое было завершено и опубликовано в 2009 году.

Согласие на автобиографическое интервью я «выбил» у Елены Андреевны Здравомысловой в августе 2007 года. Тогда же и началась наша работа; к октябрю того года уже было многое написано. Потом возникла серия обстоятельств, не позволявших мне просить Лену завершить текст. Но в сентябре 2009 года мы поняли, что пора, откладывать нельзя.

Исходно этот текст начинался как и все мои электронные интервью: были конкретные вопросы, было стремление Лены ответить на них. Но, прочитав летом 2009 года все написанное ею, я понял по стилю и логике ее изложения, что мои вопросы не помогают ей раскрыться, а, наоборот, сдерживают развитие этого процесса. Наше очень давнее знакомство и дружеские отношения позволили мне отклониться от моей традиционной методики интервью и перейти к тому, что можно назвать интервью-эссе. Я обозначил лишь несколько тем, по которым хотел бы получить ее суждения, оставив все остальное на ее усмотрение.

Возможно, кто-то найдет эту форму интервью слишком мягкой, не позволяющей интервьюеру получить ответы на многое интересующее его. Соглашусь с этим. Но использование интервью-эссе открывает и новые горизонты для изучения всего комплекса вопросов, связанных с исследованием прошлого-настоящего российской социологии. И потому я не отказываюсь от этого метода».

В вышеупомянутом объемном интервью Юрия Вешнинского представлены обе формы организации беседы, поэтому оно условно может быть названо «полумягким» или «полужестким». Время рождения Вешнинского (1943 год), общественная атмосфера, в которой формировались его личность и интересы, позже обусловившие выбор профессии и гражданскую позицию, позволяют рассматривать Юрия как представителя третьего поколения советских/российских социологов. Это те исследователи, которые родились во временном промежутке 1935–1946 годов.

Мы знакомы с Вешнинским только заочно. Поэтому, думаю, лишь увлеченные мною в самом начале интервью система его мышления и стиль его письма обеспечили плодотворность нашего общения. Его видение событий принципиально нелинейно, скорее спиралевидно. «Мягкое» интервью позволило ему возвращаться к ранее обозначенным сюжетам или введенным в повествование людям. Естественно, возникали некие повторы, но это цементировало изложение и помогало освоить содержание интервью человеку, читающему текст не подряд, а отдельные заинтересовавшие его страницы. По-видимому, почувствовав в определенный момент нашего общения, что я не стремлюсь к жесткому «предзаданию» содержания и характера его письма, Вешнинский смог спокойно «отдаться воспоминаниям» и по существу сделал свой текст «двухфокусным». Не просто «я», но в очень широком социокультурном контексте, не просто описание своих наблюдений, но с явным собственным присутствием. В целом установка Вешнинского на автобиографическое повествование, естественный для него стиль письма, методика интервью, учитывающая личностные особенности опрашиваемого, позволили получить текст, в полной мере отвечающий двуединой цели историко-социологического исследования: «история в биографиях и биографии в истории».

Интервью с Рогозиным — сложное, «кентаврическое» образование. Мне кажется, оно «жесткое», но отличается от других моих «жестких» интервью. Нередко свой вопрос я сопровождал ремарками типа «А теперь задам очевидный вопрос». Скажем, Дмитрий писал, что после окончания института он продолжил обучение в аспирантуре. По моим представлениям, человек сразу мог обозначить тему диссертации и сложности в ее разработке,

назвать имя руководителя... Но этого не делалось. И я задавал «очевидный» вопрос. Ответы Дмитрия оказывались всегда пространными, многоаспектными, и в привязке к их содержанию можно было задавать серию вопросов. Но подобное я себе давно запретил: я рассматриваю интервью как форму диалога, а в диалоге мы ведь обычно не задаем нашему собеседнику сразу несколько вопросов. Таким образом, мой вопрос был своего рода жестким инструментом, «рычагом», переводящим беседу в одно из возможных направлений. При этом, естественно, за Рогозиным оставалось право интерпретации моего вопроса, допускающей его переориентацию в ту сторону, которая представлялась моему собеседнику наиболее интересной и важной.

Так, ответ на вопрос, который я задавал всем и на который все отвечали, — о поступлении в институт и годах обучения, — у Рогозина включил в себя тему любви. Никто из опрошенных мужчин не уходил в эту сторону, хотя она, если речь идет о студенческих годах, вполне естественна и обоснованна. Любовь стала для Дмитрия в это время, скажем академически, системообразующим фактором. Он пишет о своей девушке: «Я её боготворил... Я по-другому посмотрел на происходившее, переопределил ситуацию обучения».

Затем — еще одно увлечение: «...Там, в поезде Красноярск-Абакан, столкнулся с девчушкой в чёрной с бахромой юбке. Столкнулся, споткнулся и потерял голову... Лето. Наш роман был недолгим, всего несколько месяцев. Из-за моего юношеского максимализма, прямо скажем, дурацкого характера она в какой-то момент просто выставила меня за дверь: «Больше не приходи». С этими словами у меня начался второй курс. Понятно, что было не до учебы. Не находил себе места, слонялся по улицам».

Найденная Дмитрием «краска» на палитре нашего общения появляется и далее, и я вижу в этом не только факты его биографии, но и понимание того, что без рассказа об отношениях с женщинами биографии не получится.

Теперь еще об одном неожиданном повороте в нашей переписке. Движение «вбок» привнесло в совокупный объем интервью два авторских листа и связало два жанра: биографическое повествование и путевые

заметки. Для русской классической литературы это не редкость: случайная встреча на постоялом дворе, беседа с попутчиком в купе или в каюте. В ходе проведенных мною интервью нередко возникали достаточно продолжительные паузы, вызванные длительными командировками моих собеседников, но никто не воспользовался ими для рассказа о них в самом интервью.

Я написал выше «неожиданный поворот», потому что вопрос, поразивший и обстоятельный ответ, и пару вспомогательных «очевидных» вопросов, напрямую относился к профессии и был самым что ни есть историко-социологическим. Базовый, исходный вопрос формулировался длинно, и на момент нашей беседы это было допустимо. Но здесь я приведу его в сокращенном варианте. Замечу только, что в моем вопросе упоминается известный статистик Морис Кендалл, написавший в стиле Лонгфелло поэму «Песнь о Гайавате», где обсуждаются непростые вопросы математической статистики. Теперь сам вопрос:

«...Мы с Вами очень давно вспоминали «Песнь о Гайавате» Мориса Кендалла, в которой спрашивается, что лучше: прямое попадание или статистически безупречный подход? ...Конечно, достижение высокого уровня логической валидности (правильности) требует специальных методических, когнитивных исследований. Но Садмен, да и Вы тоже, имеете в виду survey (социологическое, демографическое исследование, академический проект), полстеры же имеют дело с polling (опрос общественного мнения, измерение массовых установок). И часто их «приближенное» заключение $2 \times 2 = 5$, сделанное сейчас, много полезнее для общества, практики, чем утверждение $2 \times 2 = 4$, сказанное через полгода. Как совместить работу методической или когнитивной лаборатории, закономерное стремление ученых к учету в результатах опросов «взаимодействия с респондентом» с поточным, фабричным трудом полстеров?»

Ответ Рогозина будет процитирован ниже, но интересно, что это не просто рассуждения специалиста по поводу весьма непростых категорий качества социологического измерения и специфики российских опросов, а еще

и попытка анализа обсуждаемых сугубо профессиональных концептов в рамках конкретных социально-политических реалий и культурного контекста. Свой ответ (я специально привел мой вопрос) Дмитрий начинает так:

«В своем нынешнем автомобильном путешествии по России добрался до родителей. В Абазе — вторую неделю. Всего несколько дней назад прямо над нами, на втором этаже, вырезали семью — Серёжу и Любаню, как звали их соседи. Ему перерезали горло, а её задушили. Серёжа был инвалид с детства, кажется, даун, но с этим заболеванием закончил восемь классов общеобразовательной школы, что не типично для наших широт. Ему было чуть больше шестидесяти. Память о нём с самого раннего детства. ...Не знал даже вкуса спиртного и пробовать отказался наотрез, насмотревшись на трагичную судьбу старшей сестры и брата. Любаня - из многодетной семьи, пятеро детей-инвалидов. Какое у неё заболевание, также не знаю, но что-то ментальное. Пила много, легко, без затяжных похмелий. На днях они получили, по местным меркам, большую пенсию по инвалидности, на двоих. Это и оказалось основным мотивом для разбоя».

И далее: «Вчера получил от Вас письмо. Вопрос важный, давно знакомый, потому не мог успокоиться, вышагивал по квартире. Душно. Пошёл побродить по городу. За полночь. Фонари, машины, народ у ларьков. Пятница перед Днём молодёжи. Резко наперерез затормозила «девятка», оттуда вывалился подвыпивший парень: «Стой! Стой, я тебе говорю!». Худощавое лицо, сам сухой, жилистый. Длинные руки, костлявые пальцы. Глаза бегающие, карие, отдающие под уличным фонарём желтизной. Гнилые редкие зубы с неизменной в таких случаях золотой коронкой».

Две рассказанные Дмитрием истории могут показаться лишними, но вот он переходит к собственно ответу на заданный вопрос:

«Ни у вора со стажем, ни у почившего соседа-инвалида нет шансов попасть в выборку. Слишком неудобные они собеседники,

не вписывающиеся в привычные каноны дисциплинированного прохождения по анкете. Если даже завел бы заблудший интервьюер разговор, то сконфузился и удалился вскоре. В этом нет никаких сомнений. Построенная модель стандартизированного интервью не принимает таких людей, списывает ответы... в пропуски или затруднения. Это традиционно труднодостижимые группы, скорописью указываемые в учебниках по методике. Но сейчас граница достижимого отодвинулась, и в разряд неудобных собеседников зачастую попадают куда менее изолированные от общества люди. В этом нет ничего страшного. Мы не можем регистрировать все признаки, не можем опросить всех отобранных респондентов. Погрешности даже в самом точном измерении неизбежны».

Многим может показаться странной такая форма ответа на прямой вопрос о качестве социологического измерения. Почему не начать ответ сразу словами: «Мы не можем регистрировать все признаки, не можем опросить всех отобранных респондентов. Погрешности даже в самом точном измерении неизбежны»?

Объяснений много, но, мне кажется, главное заключается в том, что Rogozin — ученик Батыгина; он строит текст, тем более биографический, личный в батыгинской ритмике — допускаю, и с элементами его интонации. И то, и другое мне хорошо знакомо...

Виктор Вахштайн замечает, что его диалог с Батыгиным напоминал классические хасидские притчи.

«Я: Ребе, почему деревья растут корнями вниз и ветвями вверх?

Батыгин: Нельзя ответить на этот вопрос, не посадив дерева. Вот тебе лопата.

Я: Ребе, какой чудесный инструмент! Почему его следует держать древком вверх, а штыком вниз?

Батыгин: Нельзя ответить на этот вопрос, не разобравшись, как крепится древко к штыку. Вот тебе отвертка.

Я: Ребе! Отвертка — это удивительно! Почему отвертки делятся на крестообразные и плоские? При каких условиях мы можем помыслить, например, шестигранную отвертку?»

На месте Батыгина я бы уже давно ответил: «Вот тебе стена — убей себя об нее». Но Геннадий Семенович был терпелив. Он не ответил ни на один из моих вопросов, предпочитая переформулировать их до неузнаваемости. И просто снимал с полок книги, которые я исправно читал».

Вообще говоря, интервью Рогозина, начиная с главы 3, которая завершается его знакомством с Шанинкой, пронизано воспоминаниями о наставнике, да и жизнь Дмитрия делится на «до» и «после» смерти Батыгина. И ценно, что рассказ Рогозина - это не только автобиографический материал, не только воспоминания о Батыгине, одном из самых ярких представителей предпрестроечной и последующей социологии, но и фрагмент истории современной российской социологии в целом, увиденной, прочувствованной социологом шестого поколения.

Если попытаться найти совсем уже главную причину появления столь объемного текста Дмитрия Рогозина, то она задана словами, написанными в одной из глав: «Я выбирал не профессию, а просто жизнь».

Борис Докторов

НИКУЛИН А. АВТОБИОГРАФИЯ КАК АВАНТЮРА, ЭКСПЕРИМЕНТ, МЕТОДОЛОГИЯ — АНТИПЛУТОПИЯ

Автобиографическое повествование Дмитрия Рогозина в виде интервью Борису Докторову — оригинальное сочинение, основанное на рефлексивной полемике автора биографии прежде всего с самим собой, а уж потом — с Докторовым, да и всем миром.

«Авантюра» и «эксперимент» — не только часто повторяемые, но фактически ключевые слова этого автобиографического произведения. С его первых страниц читатель попадает в калейдоскопическое обозрение драматических, часто глубоко трагических событий и происшествий, связанных с самим Дмитрием Рогозиным и людьми, ему близкими.

Герой этой книги — уже достаточно известный социолог — ставит под сомнение, а порой и ни во что не ставит свою профессию, стремится быть достаточно, а местами предельно откровенным в изложении канвы личной жизни, оценке окружающих событий и людей. Эта степень полемичности и откровенности у кого-то из читателей может вызвать симпатию, у кого-то неприязнь. Но вся проблема заключается в том, что, несмотря на частую исповедальную авторскую интонацию, она не более достоверна, чем, например, «исповеди» таких виртуозов откровенного автобиографического жанра, как Блаженный Августин, Жан-Жак Руссо и Лев Толстой. Исследователи их творчества неоднократно и с удивлением отмечали, что даже эти борцы за великую интимность порой приписывали себе и окружающим такие откровения и деяния, злые и добрые, которых или в реальности не было, или они были не такими, как их излагали знаменитые авторы.

Поэтому оставим истолкование некоторых, на наш взгляд, пристрастных автобиографических картин данного сочинения желтой прессе, фундаментальному психоанализу и политической конъюнктуре. И так как автор неоднократно и недвусмысленно заявляет, что не считает себя социологом, а также в своей рефлексии особо себя не связывает ни с какими профессиональными и идеологическими идентичностями, то давайте и относиться к нему просто как к герою... герою какого времени, какого жанра?..

При первом беглом прочтении может показаться, что мы здесь имеем дело с героем нашего времени — переходного советско-постсоветского, а жанра — старинно почтенного: плутовского романа.

Из истории литературы мы знаем, что плутовской роман возникает и расцветает на сломе культурных эпох, например, при переходе к Новому времени в XVII веке или переходе к НЭПу у нас в 1920-е годы. К жанру плутовского романа порой относят такие разные произведения, как «Похождения Симплициссимуса» Гриммельсгаузена, «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена, «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова и «Сокровенного человека» Андрея Платонова. Иногда даже в путешествиях Дон Кихота и похождениях Чичикова обнаруживают признаки плутовского романа, где благодаря изобретательной и непредсказуемой эксцентричности героя разоблачаются с морализаторским оттенком условность и фальшь окружающей среды, в которой сплошь и рядом законное и криминальное, кичливое и убогое меняются местами. При этом деньги, карьера, женщины для героя плутовского романа не самоцель, а лишь перманентное средство судьбоносно приключенческого познания жизни.

В определенной степени все эти литературно-плутовские характеристики возможно обнаружить и в автобиографическом повествовании Дмитрия Рогозина.

Ведь, как оказывается, с юности ему была присуща привычка к странным поступкам иррационального характера, сопровождаемая склонностью к путешествиям по разным социальным и природным мирам — изначально его родине Сибири, а впоследствии и по другим регионам мира, от тайги российского Дальнего Востока до британских и испанских морей.

Загадочным странником он входил на время то в компании подростковых уличных хулиганов времен перестройки, то в студенческие аудитории, кришнаитские общины, офисы бизнесменов 90-х годов, наконец, в годы двухтысячных его основным местом пребывания стали собрания научных исследователей, гос- и бизнес-экспертов.

С юности же менял он порывисто свои образы и имиджи. Например, поступив в Красноярский университет, Дмитрий Рогозин объявил себя Иваном Рогозиным. Так и звали его Ваней студенты и преподаватели весь первый курс обучения. Ко второму курсу он раскрыл окружающим эту мистификацию, но не раскрыл ни им, ни себе, а для чего он так делал. Возможно, даже сам автор братства Ивана и Дмитрия Карамазовых Федор Михайлович Достоевский не смог бы разрешить загадку двойничества Дмитрия и Ивана Рогозиных.

Таким же странным было отношение Рогозина к собственной учебной, деловой и научной карьере. Никогда формально не являясь образцовым учеником, студентом, менеджером, ученым, он тем не менее с какой-то внешне непостижимой легкостью успешно закончил школу, оказался выпускником престижного факультета университета, причем с красным дипломом, стремительно делал успешную бизнес-карьеру и, внезапно прервав ее, буквально ворвался в академический мир, за несколько лет получил магистерский диплом, защитил кандидатскую диссертацию, заработал себе имя ведущего молодого методолога в социальных науках, принял участие в каскаде междисциплинарных социологических исследований (и в качестве исполнителя, и в качестве руководителя). Параллельно он быстро, почти непринужденно сменял престижные административно-академические позиции профессора ГУ ВШЭ, декана факультета МВШСЭН, руководителя исследовательского Центра РАНХиГС, при этом активно публикуя свои оригинальные статьи и книги в престижных академических и научно-популярных изданиях, а еще потихоньку становясь почтенным отцом многодетного семейства.

Нет, все-таки, пожалуй, эта история Рогозина — не просто плутовской, а какой-то даже в своем роде антиплутовской роман. Ведь рогозинское повествование принципиально отличается от классического плутовского образца прежде всего своей реальной, а не вымышленной автобиографичностью.

Второе важное отличие — последовательное стремление главного героя не просто по старинке незамысловато рассуждать о своих приключениях среди всякого социального сброда, но обосновывать эти

приключения через серию современных экспериментов, подчиняющихся поиску ряда теоретико-методологических процедур и, как правило, в финале изобличающих как плутов нашей современности легионы важных и респектабельных экспертов бюрократическо-академических миров.

В-третьих, может только изначально показаться, что наш герой — легкомысленный шалопай, учившийся чему-нибудь и как-нибудь, работавший кое-где и кое-как. На самом деле в основе его жизненных успехов лежит просто зверино сосредоточенный сибирский инстинкт к эффективной учебе и работе. Эта рогозинская перманентная цепкая рефлексия о смекалистых стратегиях обучения, сдачи экзаменов, проведения исследований, достижения результатов является, на наш взгляд, одним из самых увлекательных и ценных слоев всего автобиографического повествования.

Наконец, плутовские романы, несмотря на часто описываемые в них преступления и наказания, — как правило, очень смешные книги. Этот же антиплутовский роман, также многократно упоминающий «свинцовые мерзости» жизни, в целом оставляет, несмотря на содержащееся в нем изрядное количество забавных эпизодов, чрезвычайно тревожное, местами гнетущее впечатление. Конечно, как и полагается настоящему приключенческому роману-путешествию, здесь даны живописные картины регионов и стран, а главное — колоритные портреты людей, окружающих главного героя, однако какие-то космические тоска и метафизическая досада пронизывают все повествование.

В чем причина этого? Пожалуй, в том, что реальный герой автобиографической истории в конечном счете кардинально отличается от вымышлено веселых авантюристов, ловко приспособившихся к плутовскому миру, от всякого рода Чичиковых-Бендеров, которые стремятся к финалу своей жизни попасть в желаемую ими уютно-абсурдную плутовскую же утопию — плутопию мертвых душ в белых штанах. В то время как герой этой книги, неоднократно пробуя стать плутоватым обывателем — школьником, студентом, менеджером, ученым, экспертом, взыскующим своего регистра счастья из гармонии предполагаемой всемирной плутопии, — всякий раз недотерпевал долго находиться в таком состоянии. И тогда он восставал, бунтовал

против окружающего социума, совершая при этом, мягко говоря, странные и недальновидные поступки, которые, впрочем, в перспективе его дальнейшей судьбы порой неожиданным образом находили определенные оправдание и смысл.

И здесь мы подступаем к следующему жизненному глубинному кругу автобиографического повествования Дмитрия Рогозина, нечасто, но точно упоминаемому им, - к тому, что связано с поисками смысла жизни и смерти его самого и окружающих людей. Иногда автор пишет о циклах - своеобразных циклах умирания и рождения чего-то чрезвычайно важного в его собственных личности и судьбе, связанного с конкретными жизненными событиями. Безусловно, такими главными личностными трагическими вехами стали гибель брата в рогозинском детстве, потом, в его молодости, внезапная смерть Учителя — профессора Батыгина. Но и размышлению над смертями, физическими и духовными, многих других людей находится достаточно места в этом повествовании, а главное - размышлению над умиранием и воскрешением души самого автора.

Но это предельное, пограничное состояние, на гранях которого совершаются часто те самые непредсказуемые рогозинские поступки, и приводит к формированию такого фактически нового жанра рефлексивно-автобиографического повествования, как антиплутопия. Рогозинская антиплутопия - это авантюрное повествование о стремлении преодолеть дурную бесконечность фальсифицируемой реальности современного общества через каскад экспериментальных методик жизненных и научных практик, направленных на попытки обретения истинной полноты бытия. На наш взгляд, эта личностная антиплутопия автора в целом есть вещь проблематичная, местами беззащитно противоречивая, а потому, между прочим, легко подвергаемая критике и даже возможному уничижительному осмеянию со стороны многих, прежде всего благоразумно плутоватых читателей.

Но здесь не стоит торопиться с выводами. Ведь автор еще далеко не завершил свое антиплутопическое путешествие. Перед нами в некоторой степени всего лишь первый том его автобиографических «антиплутопических душ». Так что пожелаем Дмитрию Рогозину бескомпромиссно долгого жизненного

и интеллектуального пути, ведущего к формированию все более глубинных личностных новел авантюрно-методологического постижения мира.

В заключение особо отметим изначально замечательную роль соавтора этой книги Бориса Докторова. Вот уже многие годы с самоотверженностью легендарного Нестора-летописца он воссоздает и анализирует автобиографические хроники разных поколений российских социологов XX века. Так, наконец, среди многих больших и малых «повестей о себе» возникло и это повествование, которое само по себе является вызовом, парадоксом, предупреждением о научной проблематичности автобиографических исследований, требующих еще дальнейшего осмысления и развития. А значит, и продолжения неутомимых жизненно-интеллектуальных изысканий Бориса Докторова и Дмитрия Рогозина.

Александр Никулин

1

Детство на Абаканском заводе

Родители, улица, горы. Потерянные родословные. Пустые страницы семейной хроники, в которой даже имен нет. Не вспоминать, не думать, не касаться прошлого. В переводе с хакасского «Медвежья кровь». Отношение к власти. Обыденность тюрьмы. Мнимая асоциальность сибиряков. Комсомол на излете. Перестройка и новое мышление. Районная газета «Под знаменем Ленина». Пора упущенных возможностей. Школьные скандалы. Двойки для профилактики. Циркуль и его урок алгебры. Мишка Тарасов – красноярский хулиган. Федосеевские повести. Поездка в Питер. Вопросы о смысле. Толстые журналы. Смерть старшего брата Алеши. Полночь в Сартабане. Нелепость разговора о «жизненном пути». Книги Мераба. Единственная достойная профессия – геолог.

Дима, в краткой информации о Вас на сайте Шанинки отмечено, что Вы закончили Красноярский государственный университет. Вы и родом из Красноярска, и родители «тамошние»? Или жизнь их забросила туда? Мое и старшие поколения мало знали о своих предках, эту информацию часто вынуждены были скрывать в семьях. А Вы насколько знаете прошлое Вашей семьи?

Я не из Красноярска. Учился там и провел еще один год уже потом, в период своего «безвременья». А когда поступал, для меня и город этот существовал только на карте. Выбирал между Красноярском, Новосибирском и Москвой. Абсолютно тогда не чувствуя и не понимая разницы. Это были лишь названия, далекие, непонятные и абсолютно чужие города.

Река Абакан, Республика Хакасия. На таких лодках поднимаются в верховья — иначе не осилить течения. 2014

Родился я в маленьком шахтерском городке на юге тогда Красноярского края, теперь Автономной республики Хакасия, в Абазе. На Северном Кавказе есть национальность абазины, но это не имеет никакого отношения к моему родному городу. Его название образовалось весьма прозаично, если не сказать индустриально. Это сокращение от названия предприятия, стоящего на реке Абакан, — Абаканский завод, то есть рудник и фабрика по добыче и обогащению железной руды.

Мне трудно говорить, откуда мои родители. Судьба рода глубоко трагична. И эта трагедия как-то укоренена в семье, существует нераздельно ни от родителей, ни от меня.

Отец остался сиротой в 11 лет, сразу после войны, в 1946-м. Его родные братья и сестры умерли от тифа, последней ушла его мама. Дед по отцовской линии пропал без вести в 1941-м. От него ничего кроме повестки из военкомата не осталось. А до этого была высылка в Сибирь. Во время продразверстки их вместе с сотнями других семей просто погрузили в теплушки и через несколько дней пути выгрузили на полустанке под Юргой, а потом еще долго конвоировали до пустого болотного места с парой развалившихся домов на краю. Они были просто зажиточными крестьянами Ярославской губернии. Жили в деревне Даниловка. Было несколько коров, два двора, большая семья,

Папа с родителями. 1938 г

полдеревни родственников. Но в памяти отца остались лишь голод, холод, болота, мошка и болезни. Была борьба за выживание, которая заключалось в том, чтобы вначале все забыть, потом прекратить общаться с кем-либо, имеющим отношение к власти. На всякий случай, чтобы чего не случилось.

У отца была родная тетя по маме, которая прошла всю войну, в наградах. У нас даже где-то хранилась старая фронтовая фотокарточка. Но когда умерла мама, отец писал ей, пытался разыскать, как это мог сделать ребенок. Она не ответила. Воспитывался отец у соседей, стариков, на глазах которых умирала семья. Потом уже, через десять лет, тетя что-то написала, но отец вспылил: не ответил и постарался вычеркнуть из памяти все, что было с ней связано. Так и оборвалась последняя нить его связи с семьей. В Абазу отец попал после распределения. Он закончил горный техникум в Томске и потом всю жизнь проработал маркшейдером в абазинской шахте. Непозволительно редко я с ними общаюсь. Надо сейчас позвонить...

О моем деде по линии мамы, ее отце, также почти ничего не известно. Иван Алексеевич Казаковцев, 1917 года рождения. Работал директором деревенской семилетней школы в Тулате Чарышского района Алтайского края, офицер в запасе. Погиб 9 января 1942 года. Призвали еще до Великой Отечественной, в феврале 1940-го. У бабушки (по материнской линии) тут же закрутилась любовь с другим мужчиной, Дмитрием Васильевичем Стрельцовым, и об отце моей мамы она уже ничего не рассказывала. Отчима также вскоре призвали на фронт, и в первые же месяцы после призыва он погиб. От него в августе 1941-го родился брат, дядя Володя. Бабушка вскоре сошлась с другим мужчиной, с которым и прожила уже всю жизнь. Вторым отчим, Игорь Георгиевич Николаев, 1922 года рождения, частенько бил мою маму и относился к ней как к падчерице в народных сказках. Он был директором школы, тыловым офицером. Крепко пил. Мама его сильно боялась. Ну а на бабушку у нее на всю жизнь осталась обида за своего отца, Ивана Казаковцева, который был быстро забыт. Дед Игорь потом мне много рассказывал о подготовке офицеров перед отправкой на фронт. Всю войну прослужил в военном училище. Рассказывал с юмором, весело, но в голосе я всегда чувствовал эту горечь вины за жизнь, проведенную в тылу. О семье маминного отца ничего не известно.

Мамин отец (крайний справа) с сослуживцами. 1940

С бабушкиной линией все еще хуже. Моя бабушка по маме, Валентина Дмитриевна Третьякова, 1918 года рождения, была младшей, восьмой в семье. Мой прадед, по словам бабушки, купец первой гильдии, жил где-то на Урале, под Нижним Тагилом, в огромном особняке. Все его сыновья получили высшее образование в Питере, служили в царской армии.

Она не успела выучиться: времена настали уже не те. Прадед был очень крепким и смекалистым. Глава семьи! Когда успехи большевиков оказались уже неотвратимыми, в середине 1920-х, он нашел единственного сына. Трое других и жена к тому времени погибли. Поехал в неизвестные края, в Сибирь, чтобы полностью отрезать прошлое. Так они поселились в Таштыпе (районный центр в 30 километрах от Абазы). Поскольку оба были грамотные, не удержались и быстро вышли в начальство. Когда отец (мой прадед по маме) или его сын, этого я не знаю, занял какую-то должность в руководстве района, в органы пришли бумаги об их прошлом. Сына прадеда арестовали и тут же, через несколько дней, расстреляли. А прадед вновь бежал. И вот здесь разыгралась самая большая трагедия, о которой даже мне, знавшему все только по рассказам, вспоминать нелегко.

Прадед приходил к своей дочери (бабе Вале), но она не приняла его. Более того, чтобы выжить, она публично отказалась от отца. Была такая форма реабилитации себя перед советской властью — дети за отцов не отвечают. Страх в бабушкиных глазах я потом видел всегда, когда речь заходила о прошлом. Она об этом ничего никогда никому не рассказывала, как будто прошлого просто нет — нет ни семьи, ни родственников, ни истории. Эти скудные рассказы я услышал от тети из Красноярска, Галины Степановны Третьяковой (умерла от рака в 1990-е), дочери от брака с тем самым поехавшим в Сибирь дедом Степаном. Она была еще девочкой, когда к ним постучал грязный, измотанный, со включенной бородой дед. Она очень удивилась, когда ее мама (они жили вдвоем и своего отца она практически не видела в жизни) не просто тепло, но со слезами приняла старика. Еще больше она удивилась, когда старик в знак благодарности подарил им большие золотые часы царского времени с гравировкой. Почти сразу их обменяли на еду. А память о какой-то несурянице — о больном, изможденном старике, в язвах и обморожениях, но подарившем невиданные часы, и о маме, вдруг изменившейся и начавшей говорить на французском, — осталась у нее на всю жизнь.

Я родился в Сибири. Это моя родина, но меня никогда не покидало ощущение ссылки, неприкаянности жизни на этой земле. Насколько я люблю Саяны, горные хребты, бурные, с фантастической энергетикой реки (город стоит на реке Абакан, в переводе с хакасского — Медвежья кровь), кедрачи

Улица Ленина в Абазе, Республика Хакасия. Путь из родительского дома в школу. 1988

и болота из мха и черники в высокогорье, настолько мне чужды какие-либо социальные отношения, люди, стремящиеся хотя бы к маленькой, но власти. Тогда, в детстве, это была власть в пионерах или комсомоле, теперь — в местной администрации или муниципальном управлении.

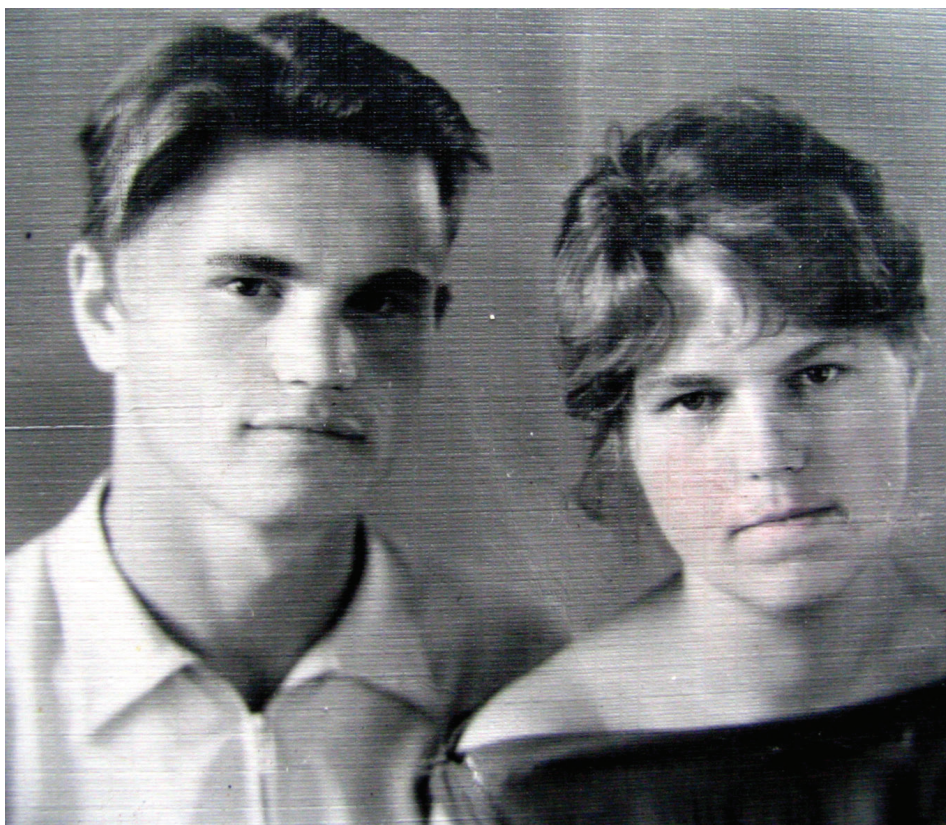
Власть во всех ее проявлениях генетически вызывает у меня отчуждение и неприязнь. Помню, мальчишкой лет десяти я как-то радостно объявил отцу, что хочу быть милиционером. На что получил ответ тихим голосом: «Не надо, держись от них подальше». И это нечто другое, отличное от протестной деятельности, но более глубокое, фундаментальное. С властью не нужно бороться ни силой или, напротив, подражая толстовцам, непотворением. Ее надо просто исключить из своей жизни, без каких-либо компромиссов и оговорок. Власти просто нет в судьбах таких людей, о каких я говорю, она слишком кровава, бесчеловечна, чудовишна, какой бы ни была. Поэтому мне как-то неловко было слышать о левадовской формуле простого советского человека с его двойной моралью. Смущала линейность интерпретации. Может, и так. Но как-то не вяжется это с личным опытом и опытом общения с людьми, которые сознательно отказались от публичности и какого-либо участия, как сейчас бы сказали, в гражданском обществе. Слишком много в их жизни индивидуального и трагичного, чтобы можно было объяснить эту жизнь простыми формулами, приписав этим людям ту или иную объединяющую их позицию.

Допускаю, что и многие из друзей Ваших родителей, соседи, одноклассники могли бы рассказать нечто похожее о своих семьях.

Власть скорее ассоциируется с карательной функцией, принуждением, наказанием и неминуемой коррупцией в делах и головах. От суммы и от тюрьмы не зарекайся — даже не поговорка, а какая-то обыденность. Нет ни одной семьи из тех мест, которую я знаю, где кто-либо из родственников не сидел бы или не сидит. Поселение это, пересылка или зона, значения не имеет.

Я продолжаю удивляться засилью шансона у таксистов, но, видимо, это последствия не столько дурного вкуса, сколько общего культурного ландшафта. Тюрьма давно стала неизбежным жизненным эпизодом, мало чем отличающимся, например, от армии. К слову, и я лишь по сложившимся обстоятельствам не отсидел свои три или два года за изготовление, хранение и ношение холодного оружия. Было следствие, допросы свидетелей, переписка с родным универом, слезы родителей, в общем, все как у людей.

Обыденность тюремного заключения даже не проблематизируется, и здесь (или там, уже даже не знаю, как лучше писать) никто и не думает выходить с пикетами или протестами. А на протестующих в больших городах смотрят косо и с неподдельным удивлением. «Истина всегда остается истиной, и вряд ли нужно тратить слова на ее доказательство». Этими словами Николай Устинович, автор книги «На охотничьих тропах», предельно точно представил позицию, объясняющую иллюзорную, надуманную черствость и асоциальность сибиряков.

Родители. 1960

Как, чем вспоминаются школа или школы, в которых Вы учились? Вы родились в начале 1970-х. Допускаю, что когда Вам исполнилось 14–15 лет — возраст вступления советских школьников в комсомол — этой организации уже не было. Или в глубинке все сохранялось?

Взросление, период от семи до семнадцати, — это целая жизнь. Спрашивать, чем он запомнился, бессмысленно. Небольшая деталь грозит перерасти в рассказ, и таких могут быть десятки, сотни.

В комсомол я все же вступил, практически перед выпускным. Учителя сложили на простом и сейчас каком-то абсурдном доводе: «без комсомольского билета ты никуда не поступишь». Поскольку принимать начали с седьмого класса, это 1986 год, продержался я три года. И это было непросто. Все же ни комсомол, ни пионерию, ни партию еще никто отменять не собирался, и даже в мыслях такого не было. Другое дело, что социальная динамика в те годы, начавшаяся через трансляции XIX партконференции, XXVII съезда КПСС и потом Первого съезда народных депутатов, была фантастическая. Мы тогда бросали все игры, драки, уроки и просиживали у телевизора часами. Ждали выступлений, обсуждали их на улицах с практически незнакомыми людьми. На меня наибольшее впечатление произвело выступление Сахарова, призывавшего свернуть войну в Афганистане, и последовавшие дикие крики в его адрес. Одна выскочившая на трибуну женщина кричала, что только этим он опозорил всю свою жизнь, предал Родину. В общем-то весьма поверхностная книжка Горбачева «Перестройка и новое мышление» была мною перечитана несколько раз, вся в подчеркиваниях и примечаниях. Это было время какого-то необычайного подъема, когда пришло ощущение, что твоя жизнь может быть гораздо больше, насыщеннее и важнее, и это зависит только от тебя. Не обошлось и без эксцессов в школе.

Я рано увлекся фотографией и начал публиковаться в районной газете. Это были мои первые заработанные деньги, и по тем временам немалые. За фотографию на четвертой полосе с каким-нибудь пейзажем давали до двух рублей, а на второй — четыре рубля. Я с гордостью приносил деньги домой и отдавал родителям, считая это своим вкладом в семейный бюджет.

Так вот, мой близкий дружок Игорь Быков написал как-то заметку о качестве школьного образования и отправил в эту районную газету (называлась она «Под знаменем Ленина»). Заметку опубликовали. На дворе был уже 1987 год. В ней ничего особенного и не было. По нынешним временам это и критикой нельзя назвать — так, описание текущей ситуации глазами пятнадцатилетнего подростка. Но что тут началось! Проверки из РОНО, родительские комитеты, классные собрания. Каждый учитель начинал свой урок с того, что поднимал класс и отчитывал за то, что мы воспитали гадюку, паразита, который гадит в своем доме. Именно так, со сниженной лексикой, сгущением метафор и жгучей ненавистью. Встал вопрос об отчислении из школы, но как-то быстро сошел на нет. Учителя сильно перепугались. Именно то, что за ненавистью мы почувствовали тотальный страх и растерянность, как-то придавало силы. А наши девочки и мальчики, до этого такие милые, вдруг стали обличать, кипеть злобой, выкрикивать какие-то несурезицы. Я сидел рядом, за одной партой с Игорем и, не поднимая головы, молчал. Это были ужасные дни. Благо мы не числились в комсомоле, и по этой линии разбирать ситуацию было как-то неловко для обличителей. На одном из классных собраний вынесли решение, что выражать свое мнение мы можем свободно, но, поскольку это касается школы, должны предварительно информировать учителей и учеников.

В тот год мы были политинформаторами в классе. Об этом можно отдельно рассказывать. И вот где-то через пару недель после того, как затихли страсти, на одной политинформации, которую специально ради этого перенесли в конец занятий (а обычно они проходили еженедельно за пятнадцать минут до начала первого урока), я зачитал уже свою статью в газету по мотивам происшедшего в школе. Класс сидел притихший, классная ерзала на стуле, но ничего не сказала. Все договоренности были соблюдены. Но потом, когда я уже уходил из школы и дивился какой-то простоте исхода всей ситуации, по лестнице, со второго этажа, перепрыгивая через ступеньки, с криками «Дима, Дима, подожди!» за мной побежала наша классная руководительница Алла Сергеевна. Она остановила меня и препроводила в кабинет директора школы. И вот тут состоялся разговор, после которого я не понес статью в газету.

С отцом. 1982

Директор, Нина Ивановна Сорокина, в школе вела немецкий. Поскольку я ходил на английский, ее и не знал толком. А тут она без криков и угроз просто рассказала мне ситуацию, которая разыгралась в результате наших писем с проверками и выговорами районных властей от образования, не желающих особо вникать в тонкости, манипулирующих бюджетами, надбавками и званиями. Даже попросила прощения за излишнее рвение учителей. Это было так неожиданно и так убедительно. Со мной разговаривал усталый, спокойный и рассудительный человек, разговаривал как с равным, без каких-либо скидок на возраст и игры в воспитательную работу. Всего один эпизод, полуторачасовой разговор в кабинете, оставил в памяти не просто теплые воспоминания о Нине Ивановне, а как-то скрепил, связал меня со школой. Классный руководитель, Алла Сергеевна Рогова, или Аллушка, как мы ее звали между собой, вспыльчивая, по-своему справедливая,

но далекая от педагогики, уже через пятнадцать или двадцать лет после окончания школы как-то при встрече покивала головой: «Ох, сколько же вы из меня кровушки выпили, лишили звания народного учителя... А то сейчас такая бы пенсия была».

Средняя школа с ее образованием воспринимается мной как пора упущенных возможностей. Среди всех учителей был у нас один по-настоящему выдающийся, знакомством с кем можно гордиться, учитель математики Владимир Федосеевич Маголин. Высокий, сухой, с пышными темными бровями и грозным взглядом. Мы звали его Циркуль, но всегда произносили это с каким-то придыханием, если не сказать с пиететом. Он не вел у нас уроки и только однажды подменял заболевшего учителя. Будь я чуточку посмышленнее в ту пору, перевелся бы в другой класс или напросился изменить свое расписание, только чтобы учиться у него. Но тогда присутствовала лишь зависть к параллельному классу, с которым он занимался алгеброй и геометрией. Еще могу выделить учителя географии Александра Ивановича Коунева. У него одна нога была значительно короче другой, что приводило к переваливающейся, прыгающей походке. Звали мы его Саней-Ваней. Предмет он свой знал не очень хорошо, но и не пытался это как-то скрыть. Зато был задорным баламутом, внося в нашу жизнь не только разнообразие, но и какой-то привкус осмысленности. На одном из первых уроков, он буквально озадачил класс вопросом: «Почему вы решили, что нужно отчеркивать поля справа на четных страницах, а слева — на нечетных? Откуда такое правило? Зачем это делать?» Никто из учителей не задавал подобных вопросов. На ровном месте Саня-Ваня проблематизировал ситуацию и в учительском коллективе играл роль шута. Мы же видели в нем удивительного, легкого и одновременно внимательного, скрывающего за иронией поразительную прозорливость человека.

Учился я неплохо (итоговый аттестат с четырьмя четверками получился), но мало и не систематически. В каждую четверть выбирал какой-то предмет, как правило, тот, который провалил в предыдущую, и изучал его как мог. Читал дополнительную литературу, искал материалы в библиотеке, тянул руку на уроках и выполнял домашние задания на несколько недель вперед. Благо, например, по физике были задачки, позволявшие самостоятельно

осваивать новые темы. Стратегия была простой: надо было набрать хороших оценок и создать среду, в которой ты не ждешь, когда тебя спросят, а сам управляешь этим процессом. Эдакая тактическая игра с противником, обладающим правом первого хода.

Во всю эту историю я ввязался с подачи родителей. Они не особо пеклись о моем образовании. В шутку за двойки покупали шоколадки. Это отдельная история, кстати. Наша Аллушка, о которой я уже упоминал, любила в конце недели проставлять в дневники оценки за других преподавателей на случай, если нерадивый или слишком смысленный ученик не подавал дневник вовремя. Понятно, что для многих плохие оценки были критичными,

Мама с моей сестренкой. 1987

Перед школой. 1979

и они не спешили подносить дневник в случае получения двойки или тройки. Кто-то старательно «бритвочкой» подтирал оценки. Было и такое. Так вот, если подобное замечалось в конце недели, Алла Сергеевна жирной красной пастой рисовала двойки и на глазах зазевавшегося ученика могла приписать парочку или тройку лишних. На возмущение она со смехом отвечала: «Для профилактики». Мне же эта ситуация была только в радость, поскольку появлявшиеся двойки или колы грозили лишь одним — дополнительными шоколадками, которые в какие-то недели с избытком накапливались в письменном столе. Как минимум стабильный «неуд» каждую неделю у меня был за поведение, но, увы, родители вскоре отказались от его поощрения. А хитрость родителей заключалась в том, что в первом классе отец объявил мне, что если за четверть я получу всего две четверки, он купит мне спортивный велосипед. К слову, эту задачу я смог выполнить только в восьмом классе. Так и учился, рассчитывая, по каким предметам и с какими усилиями я могу получить пятерку. Но поскольку усердия во мне было не много, да и талантов особо никаких, добавить сюда стремление к улице, а чуть старше — и к горам, задача получить хорошие четвертные отметки преобразовалась в форму своеобразной игры.

Реализовывался, если можно так сказать, я на улице. С ребятами каждый год придумывали какие-нибудь глобальные пакости, которые захватывали, наполняли жизнь интригой, приключениями. Так, зимним вечером седьмого класса гуляли по городу и забрели на кладбище. Среди нас был Мишка Тарасов, красноярский хулиган, сын художника, проболтавшийся целый год непонятно где и потому отправленный родителями к тетке на воспитание, в наш медвежий край. Талантлив он был чертовски. Знал все созвездия, математика ему давалась играючи, прекрасно рисовал. Его зарисовки с натуры учителей или одноклассниц с импровизациями в стиле ню приводили всех в восторг. Тогда на кладбище он немного отстал от нас и начал издавать пронзительные звуки, что-то среднее между криками сойки и скрипучими подвываниями каких-нибудь кладбищенских обитателей. Кладбище у нас старое, с беспорядочными захоронениями и дорожками, которые заканчиваются тупиками. Сказать, что было страшно, — ничего не сказать. Мы бежали, натыкались на тупик, разворачивались, бежали вновь, а нас преследовал этот крик. Просто жуть. Уже когда выбрались за кладбищенскую

ограду и отдышались, поняли, что причиной нашего страха было всего лишь проявление очередного мишкиного таланта.

Ребята мы были смышленные и подкованные в хулиганстве, поэтому тут же запустили слухи о том, что на кладбище поселилась какая-то нечисть. Сначала водили одноклассников и одноклассниц. Процедура была простой. Мы разбивались на две группы. Одна с Мишкой была на кладбище, вторая подвела к нужному месту. Потом крики, кутерьма, и первая группа незаметно присоединялась ко всей шумной братии, чтобы снять даже зачатки подозрений. Уже через несколько итераций никто не решался заходить за ограду. Тогда мы сделали апгрейд. Зима у нас холодная, за минус тридцать — это норма. Поэтому то, что мы придумали, имело большой эффект. Вновь разбивались на две группы по два человека. На кладбище в темное время один человек раздевался по пояс, надевал на голову чулок, брал свечку и под эти крики или без них выходил на открытое пространство. Второй нужен был, чтобы человека, на какое-то время ослепшего от света свечи, вывести с кладбища, помочь быстро одеться и просто подстраховать. Иногда свечку привязывали за нить и, перекинув нить через сосну (кладбище в Абазе расположено в небольшом сосновом бору), имитировали полет свечи. В общем, много было всяких решений.

В итоге эти события приобрели общегородской размах, и около кладбища выставили пост милиции. Но и это нас не остановило, поскольку на просмотр «ужастиков» собиралась уже молодежь со всего города. Мама мне рассказывала дома за чаем, что в Абазе стало как-то беспокойно, на работе говорят о каких-то хулиганах на кладбище и мне нужно вести себя поосторожней. Я лишь про себя ликовал, думая о размахе нашей затеи. Поймали нас по глупости, да и то раскрытым оказался лишь один — Сережка Лапшин, которого схватили старшие ребята, уже пришедшие с самострелами и прутами. Остальные так и остались неузнанными.

Лазить по чужим огородам, «загоняя хорька» (воруя яблоки, сливы или вишни), связывать дверные ручки на последних этажах подъезда (тогда никто не будет проходить мимо и не развяжет веревки) или вырубать свет во всех блоках, «делать стукача» (подвешивалась перед окном картошка на нити,

которую нужно было раскачивать, чтобы стучать в стекло, желательно заполночь и не ниже второго этажа) — это были наши самые рядовые развлечения. Примерно в течение года не реже двух-трех раз в неделю я уходил ночью из дома. Дождался в постели, пока родители уснут, сбивал одеяло наподобие человеческой фигуры и через окно или дверь тихонько уходил. Возвращался под утро. Мама лишь случайно обнаружила мое отсутствие, когда захотела поправить одеяло. Шок она тогда испытала сильный. Потом, когда чуть подросла сестренка Надя (ее мама родила после сорока, у нас с сестрой разница в 12 лет), а у родителей совпадали ночные смены, я, уже не опасаясь быть пойманным, уходил по ночам. По-моему, только однажды сестра не обнаружила меня дома, проснувшись ночью, а так все похождения сходили с рук.

Лишь в последние три-четыре школьных года улицу для меня полностью вытеснили горы. Отец подарил мне топографические карты нашей местности, и я с увлечением стал планировать и реализовывать разные маршруты. Чернышев лог, Средний Харанжуй, Сартабан, Таштыпский и Ангольский

Родители дома. 2014

перевалы, Поваренкин лог, Бутрахты... Горы, хребты, перевалы, горные реки. В основном ходили с Игорем на день, но были и более длительные походы. Отец же посоветовал почитать Григория Федосеева. Взял в библиотеке одну из его книжек, «Пашка из Медвежьего лога», и уже не мог остановиться. Искал и с жадностью проглатывал все им написанное: «Смерть меня подождет», «Злой дух Ямбуя», «Последний костер», «Меченый». Его безыскусная, по большей части документальная проза, рассказывающая о жизни в тайге, описание горных склонов, километров восхождений, ревущих порогов, трудной геодезической работы не просто покорили меня, я буквально жил этими текстами. Сквозь них вглядывался в окружающие горы, начинал видеть величие сибирской тайги, ее неповторимый, суровый нрав, простые отношения, таежные встречи и опасности, испытывающие человека на прочность. Одним словом, моя жизнь в школьные годы была наполнена отнюдь не школой, поэтому и школьными их можно назвать с большой натяжкой, лишь номинально. Я жил лесом и горами... немного уличным хулиганством, которое лишь однажды по пустячному поводу привело к детской комнате милиции, но как-то обошлось. Школа, с ее воспитательной работой, прошла мимо меня.

Посмотрел я на карте Хакасии Ваш городок Абазу, посмотрел фотографии, почитал написанное о нем. Невелик город, население — 16 000 человек, и красивейшие виды дикой природы. Как, какой Вам оттуда представлялась жизнь в больших городах? О чем говорили старшеклассники, когда вели разговоры о будущем? По каким местам разъезжались? О чем думали Вы?

Никак не представлялась. Большие города были для меня чем-то абстрактным, отчасти вымышленным и абсолютно неинтересным, чтобы еще о них размышлять. «Люди загнали себя в многоэтажные скворечники и еще умудряются гордиться своим чириканьем», — как-то сказал дед Игоря Быкова. Очень точное отражение моего представления о жителях больших городов в тот период. Я лишь однажды, классе в восьмом, выезжал далеко из дома в большой город с тетей Галей (младшей сестрой мамы) и ее сыном Мишкой. Это была поездка в Питер. Конечно, был поражен позолотой дворцов, решеткой и фигурами Летнего сада, бесконечными галереями Эрмитажа, соборами,

Мне пятнадцать. 1987

скульптурными композициями, мостами, Кунсткамерой, да много еще чем открытым для туриста, не слишком стесненного во времени. Но ближе мне оказались пригороды. Даже Петродворец с его нарочитой роскошью уже самим фактом удаления от городских кварталов был более близким. Я не говорю уже о Царском Селе или Павловске. Здесь, в слегка запущенных парках, я был как дома.

Уже тогда я осознал для себя странность истолкования детства и отрочества как подготовительных периодов к чему-то большому и важному. Расхожие штампы, согласно которым вот у тебя в шесть, десять, пятнадцать лет и проблем-то нет, а все, что от тебя требуется, — это подготовка к взрослой жизни, казались мне полнейшей чепухой. В общем-то я и сейчас не переменял свое мнение. Моя жизнь в эти годы была настолько насыщенной

и по-своему драматичной, что происходившие события поглощали полностью, блокировали какие-либо мечты о будущем. Единственное, что я точно знал тогда, — что после окончания школы будет новая жизнь. Но, как говорится, будет и будет, проживем — увидим.

В старших классах преобладали темы не будущего, а скорее чего-то вечного и неизменного (здесь надо было бы поставить смайлик): добра и зла, смысла жизни, других миров, дружбы и т. д. Мы часами могли говорить об этом. Это было время, когда вопросы вроде «В чем смысл жизни?» казались

Абаза. Родительский двор, где прошло детство. 2014

естественными и вполне обыденными. А поводами были как события вокруг, так и прочитанные книги, в основном русская классика — Толстой, Достоевский, Тургенев, Аксаков, Гоголь и другие. Из современников я увлекался сибирскими авторами, прежде всего Федосеевым, Астафьевым и Распутиным. Ну и, безусловно, на волне перестройки взалхлеб читались толстые журналы, с их «Детьми Арбата», «Белыми одеждами», «Чевенгуром» и т. д. Я выписывал «Новый мир», мой друг — «Дружбу народов», кто-то из класса — «Неву» и «Звезду»... В общем, охватывали весь спектр. В старших классах организовали даже у себя внеклассные чтения, на которых после уроков вслух читали романы и повести, только что появившиеся в открытой печати. Потом, через много лет, учительница русского языка и литературы Людмила Ивановна Куклина говорила, что в ее жизни такого никогда, ни с одним классом больше не было. Помню, когда закончили читать «Ночевала тучка золотая» Приставкина, почти всем классом пошли в булочную у хлебозавода. Такого вкусного горячего черного хлеба я никогда больше не едал.

Я был довольно замкнутым ребенком. Когда устраивались какие-то совместные походы или экскурсии с участием классного руководителя, предпочитал под этим предлогом (родители не всегда отпускали) уйти вдвоем с другом в горы, лучше с ночевкой или двумя. Поэтому о чем мечтали одноклассники, не могу сказать. Да и потом не слишком внимательно следил за их траекториями. Примерно половина разъехалась. Кто-то осел в Красноярском крае, кто-то в европейской части России, парочка за рубежом. Одна девочка покончила жизнь самоубийством, один мальчик повесился (или повесили) в армии, нескольких посадили (не знаю, за что и надолго ли). Время было лихое, самое начало 90-х, поэтому такие истории воспринимались естественно, как нечто рядовое.

Очень много думал о смерти. В моей семье произошла трагедия. Когда мне было шесть, погиб старший брат Алеша. Ему исполнилось всего пятнадцать. Попал под машину. Пьяный водитель сбил его на совершенно пустой улице в десяти метрах от нашего дома. Я отчетливо помню, как он выходил, а через двадцать минут — телефонный звонок и жуткий крик мамы. Потом похороны, постоянный запах табака в квартире (ни до, ни после родители не курили) и какая-то пустота во всем. После этого жизнь нашей семьи стала другой.

Родители так и не смогли оправиться от трагедии. В младших классах я играл в местном театре, ставили спектакли, выезжали в школы района. Как-то по-детски прагматично я эксплуатировал свое горе. Чтобы заплакать, мне нужно было просто вспомнить брата, представить его лицо, и нужное количество слез выдавалось в любом месте, какое бы веселье этому ни предшествовало. Режиссер видел в этом особый талант, поэтому мне доставались главные роли в наших постановках. Об истинной причине я никому не говорил.

С одной стороны, меня излишне опекали, следили за каждым шагом, с другой — держали на дистанции, отец вовсе как-то отдалился. Я не могу вспомнить ничего, за что он бы меня похвалил. С первенцем у него были особые, близкие отношения. Однажды мне попало письмо Алеши к маме, когда они с отцом были на отдыхе в Сочи. Я поразился, насколько дружеские и открытые были у них с папой отношения. Пару лет назад по телефону он начал журить меня, что я как-то не так воспитываю сына. Я ему ответил: где он был в свое время и куда смотрел? На что получил очень точное и трагичное замечание: «Мне было не до тебя». Тему смерти я не мог обсуждать с другими. Это было слишком личное и слишком болезненное. Я и сейчас чуть не плачу, вспоминая прошлое... Поэтому смерть стала основной доминантой в разговоре с самим собой, один я был или с кем-то. Это были отнюдь не суицидальные мысли, я скорее наблюдал ее присутствие, сопутствие, если можно так сказать, жизни. И тайга, с ее суровостью, размеренностью и каким-то головокружительным величием, оказалась для этого идеальным местом.

Как-то зимой, в восьмом, кажется, классе, пошли мы втроем кататься на лыжах в горы. И не то чтобы заблудились, а просто не рассчитали маршрут. Должны были по логу выйти к железной дороге, а сколько ни шли, конца все не было. Когда окончательно стемнело, решили поворачивать назад. А это в гору и практически маршрут на целый день. В итоге вернулись домой глубоко за полночь. Учитывая, что темнеет у нас в декабре где-то в шесть, температура ниже тридцати, а нам всего по 13–14 лет, был немалый переполох (отец тогда поднял спасателей и сам, откуда-то раздобыв карабин, вышел нам навстречу). Когда мы поворачивали назад, сил уже ни у кого не было, а Игорь, о котором я упоминал, и вовсе сдал. Начал мямлить, ложится в снег.

Река Она, по которой сплавлялись на резиновой лодке в старших классах с Игорем Быковым. 2014

Он потом и сам удивлялся, как вдруг потерял всякое самообладание и чувство самосохранения. Мы тогда с Сашкой Лапиным по очереди торили запыленную лыжню (шли по своему же следу), еще и кричали, толкали Игорька. И вот тогда я почувствовал удивительную хрупкость человеческой жизни. Мы были на грани, как единое целое, замерзшие, растерянные, но как-то двигались вопреки всему. Знали одно: главное — не останавливаться, это, возможно, и спасло. Через пару дней я пробежал по следам. И увидел, что за нами тогда (о чем говорили отпечатки лап в стороне от проторенной тропы)

шла небольшая рысь. Конечно, она никогда бы не напала надвигающихся людей, но это объяснило странное, до дрожи ощущение в ту ночь присутствия кого-то иного, пугающего...

В другую зиму, забравшись на доминирующую над нашим городом развалистую гору Мохнатку, мы случайно скатились в неприметный ложок и обнаружили охотничью избушку. Потом часто приходили туда ночевать. Познакомились с охотником, парнем лет тридцати, промышлявшим охотой на соболя. И там зимними вечерами, под треск дров в буржуйке, говорили до одурения.

Смерть в тайге не связана со страхом. Скорее это шум кедрача, стройных мачт, упирающихся в небо, мерцающий звездопад, медвежий помет, растерзанная на тропе птица, вой волков... Как-то летом разбили брезентовую палатку для ночевки в логу. С нами была Ласка, лайка Игорька. Всю ночь она не просто жалась к нам, а буквально забиралась на голову, жалобно скуля. Потом узнали, что умудрились не просто ночевать в волчьем логу, а разбить палатку почти на тропе к водопою. Волчий вой мы, конечно, слышали, но как-то не придали этому значения. У Григория Федосеева в его «Меченом», художественно представляющем жизнь стаи волков, есть описание важности для этих животных места, практически сакрализации пространства настолько, насколько можно это говорить в отношении диких зверей:

«Немногие животные так привязываются к местности, как волки, и так усиленно оберегают свои владения. Только длительная голодовка или появление поблизости другой, более сильной, стаи может заставить их покинуть обжитое место».

Такое, задним числом, узнавание, что ты был на грани, воспоминание ощущений и предчувствий и опознание их в текущей ситуации, здесь-и-сейчас, наполняло мою жизнь тех лет смыслом. Я уже не мог приписать происходящее собственной удали или случаю. Это было присутствие чего-то большего, чем мы могли себе представить, если угодно, ангела-хранителя, провидения, выходящего за рамки нашего понимания. Мысли об этом увлекали, составляли основу моих подростковых размышлений.

2

Кирзовое студенчество

Поступление в университет. Категорический отказ от родительской помощи. Голод первого курса. Леночка из Зелёной Рощи. Учёба как спорт. Основы музыкальной культуры от Евгения Лозинского. Учителя по экономике — Евгения Борисовна Бухарова и Наталья Григорьевна Макуха. Штудирование «Капитала». Экономическая эйфория начала 1990-х. Кришнаиты: повар на выезде. Диплом по управленческому консультированию в Красноярском ПромстройНИИпроекте. Сломанная мечта об аспирантуре на экономическом факультете МГУ. Потеря паспорта: «вас не существует». Скандал со стажировкой.

Из рассказанного Вами вырисовываются три примерно равной вероятности пути, по которым Вы могли двигаться после школы. Первый: получить профессию, нужную в Абазе, отслужить в армии, жениться и жить, в общем, понятно как. Второй: время было подходящее — примкнуть к лихим ребятам, а там как получится. И третий: продолжить учебу, начать осваивать нечто известное лишь по книгам и телевизору. Как случилось, что Вы избрали третий путь? Кто-то подсказал или само сложилось?

Метафора «пути» не совсем точная и, на мой взгляд, даже опасная в реконструкции биографии. Она толкает на линейное истолкование жизни. И даже развилки лишь подчёркивают эту линейность, так как предполагают выбор или отказ от других альтернатив. Более того, такое построение возможно лишь сквозь призму сегодняшнего дня. За выбором всегда встает вопрос: кем ты стал? Отсюда я угадываю линию: вот так сложился социолог,

а мог быть кто-то другой. Оступись, сделай неверный шаг, пойдешь по другому пути — перед нами была бы биография преступника или злодея. Таким образом, подобное повествование — это всегда расширение границ настоящего, как бы разговор о себе в расширенном временном континууме.

И всё бы хорошо, но мы принимаем априорно посылку о целостности человека, даём ему возможность лишь духовного роста или падения, но оба варианта всегда связаны с неким единством, приращением, развитием тех или иных свойств и качеств. С такой моделью жизни и личной истории трудно что-то сделать. Она, как памятник, предполагает образ зодчего, место и время своего создания. Разговаривай я не с Вами, а с кем-то другим,

На первом курсе в общежитии. 1990

расставляй акценты иначе — и образ имел бы все шансы трансформироваться, быть иным. Мне как-то неуютно в такой даже потенциальной пролиферации биографических нарративов, поэтому ближе дискретное или, если хотите, цикличное восприятие жизни. На своём примере я вижу законченность, самодостаточность, если не сказать аутопоэтичность, нескольких периодов моей жизни. Если выбирать метафоры, то это никакая не развилка, не выбор пути, а скорее смерть, отказ от прошлого, предательство себя. Да, именно так.

Три раза я совершил странное и в каком-то смысле бесчеловечное действие по отношению к себе, буквально стирал, вымарывал прошлое. Звучит, конечно, залихватски, и несколько вычурно. Но давайте хотя бы ненадолго дадим этим метафорам жизненных циклов и социальных смертей реализоваться, представим нарратив не в линейном измерении развития, а в возвращении к вечным вопросам, через отказ и преодоление себя, в какой-то момент настолько радикальный, что трудно примириться с физическим, телесным единством человека, находящегося в столь разных ментальных состояниях.

На излёте своего студенчества я зачитывался выходявшими тогда в избытке книжками Мамардашвили. У него есть одно наблюдение, предельно точно отражающее такой взгляд на биографию. Чтобы что-то состоялось, чтобы чего-то достичь, говорил он, нужна очень высокая, предельная ставка. И для человека эта ставка — жизнь. Можно много рассуждать о выборе, влиянии внешних обстоятельств, социальной среде, включённости в те или иные сообщества или исключённости из них, писать о социальном, культурном или человеческом капитале, но пока не выявлены точки предельного напряжения, в которых у человека просто нет выбора, поскольку он противопоставил обстоятельствам себя, сделал максимальную ставку, не будет никакой биографии. Мы получим лишь её имитацию, возможно, расширенное настоящее, текущее понимание себя, но не биографию, которая прежде всего есть спектакль, чьи динамика и драматургия не укладываются ни в какую линейность. Мамардашвили, упоминая о предельной ставке (фактически рассуждая о жизни и смерти), говорил о мышлении, о самой реальности мысли, которая со всей очевидностью невозможна и нелогична, не должна состояться, но которая есть как безусловный факт. Биография и должна вскрывать эту

невозможность мысли, в какие-то моменты прорывающую обыденность, создающую иную конфигурацию реальности.

С этой точки зрения неважно, по какому пути я пошёл, развилок просто нет. Оставшись в Абазе или в каком-нибудь сибирском городке, я также имел бы все шансы открывать что-то новое. Более того, не было ни одного места, куда меня забрасывало, где было бы пусто, тускло и бессмысленно оставаться. Везде люди с фантастическими судьбами, везде у человека есть все возможности, чтобы реализоваться, быть собой. Просто не всегда мы готовы это осознать и зачастую сами отворачиваемся, предаём свою судьбу.

Любопытно, что тогда, в 1989-м, когда, казалось бы, делался выбор, я навряд ли мог сказать о том, что одна моя жизнь закончилась. Переезд, другой социальный статус, другие условия навряд ли достаточны для этого. Сейчас вспоминается цепочка внешне разрозненных событий, рассматривая которые уже на значительной дистанции, можно говорить о радикальных переменах.

Во-первых, если иметь в виду склонности, то единственная профессия, которая мне представлялась тогда достойной, — это геолог. Возможно, моё поколение захватило последнюю, на излёте, романтизацию дальних походов, ночёвок у костра, жизни посреди дикой природы... В тайге я ощущал себя человеком, этот мир был близок, понятен, увлекал своим неповторимым величием и торжественностью. Но к нам в школу приехал агитатор из какого-то геологического факультета. Я послушал, что и как он говорит, задал несколько вопросов... и как отрезало, расхотелось учиться в таком месте, а заодно и по такой специальности. Весьма странное, предельно эмоциональное решение. Поскольку мне было все равно, в каком городе продолжить учебу, я выбрал Красноярск как ближайший крупный город (плюс к тому там проживали две мои тётки), а в нём — самый престижный вуз, самый престижный на тот момент факультет и самую престижную специальность. В 1989 году это был Красноярский государственный университет, экономический факультет, специальность «Экономика и социология труда». Руководствовался я лишь одним: если учиться, то у самых лучших. Не знаю, откуда была такая уверенность, что качество преподавания измеряется проходным баллом и количеством желающих поступить, но из песни слова не выкинешь.

Я не могу назвать это решение конъюнктурным, поскольку разыгравшаяся во время поступления коллизия как-то не вяжется со стремлением сделать карьеру. Проходной балл был девять. Нужно было письменно сдать на оценку математику, устно историю, а кроме того, написать на заданную тему сочинение, по которому ставился зачет. Историю я сдал на пять. А вот в математике был не слишком силен, да к тому же как-то доверчиво воспринял уверения на консультации, что нужно обязательно всё писать на черновиках, поскольку они также рассматриваются в качестве отчетной документации. Всего было пять заданий. Одно я сделал в двух вариантах, причём сходу не мог разобраться, какой из них правильный. Один оставил в черновике, дополнительно переписав, второй — в чистовике. Расчёт был в том, что с вероятностью 50 % я должен попасть в цель, а при плохом исходе черновик даст хотя бы один-два балла (каждое задание оценивалось предварительно по пятибалльной шкале, потом определялось среднее). В общем, я не додумал или не угадал. В черновике было правильное решение, но за эту задачу я получил ноль баллов. На апелляции пытался доказать, что раз в черновике есть решение и оно правильное, то можно дать за него хоть сколько-то баллов. Тогда же выяснилось, что, получи я за эту задачу всего один балл из пяти, итоговая была бы четверка. Но экзаменатор оставался непреклонным, сказав, что про черновик я несу какую-то чушь и никто в экзаменационной комиссии не мог такое говорить. В итоге, набрав восемь баллов (три по математике), я попал в категорию «полупроходников». Надо сказать, что со всем юношеским максимализмом я воспринял эту ситуацию как чудовищную несправедливость, хотя сейчас она мне не представляется таковой. Проходные девять баллов были только на выбранной мною специальности. На «бухгалтерском учете» проходной был восемь, а на «финансах и кредите» и того меньше — семь. Любопытно, что уже через год ситуация с проходными баллами изменилась: специальность «финансы и кредит» стала самой престижной.

Таких, как я, набралось человек двадцать, и нас попросили приехать в деканат после прохождения всех вступительных испытаний. Когда меня вызвали в кабинет, я увидел длинный Т-образный стол. Во главе — декан, по краям — преподаватели, потом уже я узнал в них заведующих кафедрами. С важным лицом перелистывая мои бумаги, председательствующий сказал, что видит

во мне способного парня и уверен, что я вполне смогу успешно учиться. А поскольку я не прохожу на выбранную специальность, то в качестве исключения они могут предложить мне одну из тех («бухгалтерский учет» или «финансы и кредит»), на которые у меня хватает баллов, и, соответственно, зачислить в университет. Каково же было удивление комиссии, когда на эту речь я ответил, что не хочу учиться на предложенных мне специальностях. «Вы что, в армию собрались?» — спросил меня кто-то. «Лучше в армию, чем бухгалтером». Вот такой предельный максимализм. Я помню, что комиссию мои слова ввергли в шок. Это на фоне слёз и уговоров родителей других абитуриентов и прочей истерии, обычно сопутствующей поступлению. Декан попросил меня выйти и хорошенько подумать, прежде чем я приму окончательное решение. Я вышел и, ни минуты не медля, уехал из университета.

Через несколько дней приехал за документами. В голове уже были мысли о работе фотокором в газете или, если не возьмут, службе в армии, а потом буду вновь поступать на этот же факультет. Девушка долго не могла найти мои документы, даже успела перепугаться, не потерялись ли они. А потом, заглянув в другой ящик, сообщила мне, что я поступил на выбранную специальность. Сказать, что я был изумлен, — ничего не сказать. Целый день бродил по городу, глупо улыбаясь и ничего не понимая. Так я стал студентом. Но на этом радикализм моих решений не закончился. Сейчас, задним числом, я могу назвать все это глупостью, бравадой, какой-то нелепицей. Но именно такие глупости определили мою последующую студенческую жизнь, которая, как и школьная, была во многом лишь номинально студенческой.

Второе событие того периода жизни, или лучше сказать решение, — это отказ от родительской помощи. Категоричный, наотмашь. Родители вначале не восприняли мою позицию всерьез и несколько раз присылали деньги переводом. Я брал ровно столько, чтобы оплатить обратный перевод, и возвращал деньги назад. Первый год сильно голодал, во второй умудрился заболеть цингой. Один раз за первые полгода позволил себе сразу выпить литр молока и съесть батон хлеба. Испытал мгновенное опьянение и ощущение сытости на два дня. Когда после первой сессии приехал домой и зашёл в квартиру (у нас дверь всегда была открытой), мама удивленно спросила: «Вам кого,

молодой человек?» А когда я заговорил, заплакала и кинулась обнимать. К слову, она дважды меня не узнавала, но второй раз был уже намного позже.

Потом всё пошло легче. Работал грузчиком и сторожем в разных местах. О своих приключениях, встречах с удивительными людьми, среди которых были и гении, и злодеи, многое могу рассказать. Часто ездил, просто бросая все, залезая «зайцем» в поезда, на попутках, пешком. Один раз чуть не улетел «зайцем» на самолете, прошыгнув мимо всех контролей. Сняли меня уже с борта, обратив внимание, видимо, на слишком растрепанный вид. На первом курсе купил себе фуфайку (телогрейку ватную, если следовать словарю) и кирзовые сапоги. Всем представился Ваней, и даже в контрольных ведомостях у преподавателей проходил как Иван Рогозин. Однокурсники меня видели редко и только ко второму курсу узнали, что это не моё настоящее имя. В общем, чудил так, что мало не покажется. Сейчас это поведение не могу ничем объяснить, тем более никак не могу вписать в стремление что-то узнать или что-то увидеть новое. Тогда я просто яростно боролся за жизнь, и это приводило к какой-то странной эйфории. Я чувствовал, что живу на грани, но по-другому тогда не мог. Мне это было нужно. Зачем? Сейчас теряюсь в догадках. Если бы меня в тот период показали психиатру, наверняка поставили бы какой-нибудь соответствующий диагноз.

В-третьих, я влюбился. Практически сразу, еще на колхозных работах. В один из дней меня откомандировали на склад сортировать овощи. В бригаде еще были четыре девчонки. Я острил, рассказывал небылицы, организовывал работу так, чтобы, не утруждаясь, выполнить план, а в конце дня, расставив всех «на стрёме», еще и вынес мешок лука (которым питался потом во всех видах несколько месяцев). В общем, произвёл впечатление и сам впечатлился от одной девочки. Леночка была на год старше меня. Училась на втором курсе матфака. Была круглой отличницей и заводилой в компании правильных и целеустремленных ребят. В школе занималась парным фигурным катанием, стала кандидатом в мастера спорта. Пошла бы дальше, но череда травм, а потом и сильное падение из-за партнёра поставили крест на ее спортивной карьере. Школа для неё была фоновым занятием, прежде всего — большой спорт. Но даже во второстепенном она не могла себе позволить не быть первой. Как-то мы рассматривали её фотографии

с выступлений, и я что-то промямлил про собственную недалекость, непонимание, как можно совмещать математику и еще что-то. «О чём ты говоришь? Разве от тебя требуется сделать открытие? Самому построить доказательство теоремы? От тебя требуется самая малость — просто быть осведомленным, расставлять в нужном порядке то, что уже продумали и сделали другие. Разве это много? Разве для этого нужен талант? Всего-то и нужно — поставить задачу и выбрать оптимальные средства ее решения. И всё! Требования для хороших оценок — это ерунда, нелепица». Я ее боготворил. И эти слова прозвучали тогда не просто как вызов. Я стал по-другому смотреть на происходящее, переопределил для себя ситуацию обучения.

Тогда же, на первом курсе, я сформулировал свою программу по оценкам. Во-первых, в зимние сессии мне нужны были только пятёрки, чтобы получить повышенную стипендию, в летние мог позволить себе четверки, там важнее быстрее уехать домой. Во-вторых, все сессии в любом случае нужно сдавать досрочно. Потом, уже через год, это привело к удивлявшей поначалу всех преподавателей стратегии. На первом же занятии я подходил к лектору и спрашивал: «Что мне нужно сделать, чтобы через две недели получить пятёрку по вашему курсу?» Заполняя неизменно возникавшую в разговоре паузу, я добавлял, что не прошу оценки, а всего лишь хочу точно узнать, какие содержательные требования нужно выполнить, чтобы получить оценку. Не могу сказать, что я заканчивал обучение через неделю или даже через месяц, но большинство предметов действительно сдавал досрочно. А те один-два предмета, для которых все же требовались общий экзамен или зачёт, сдавал с теми группами, которые шли по расписанию раньше. В-третьих, при желательном тогда регулярном посещении занятий, часто с фиксацией активности, я выбрал стратегию редкого посещения (либо надо было работать, либо тянуло скитаться по стране). Но если я был на занятии, то должен был показать максимальный результат. Каждая пара, на которую я приходил, равнялась короткой дистанции, где приходилось напрягаться, дабы создать впечатление понимания предмета.

Неудивительно, что при вручении мне красного диплома мои одноклассники не поверили своим глазам. Меня редко видели на занятиях и почти никогда на экзаменах. Такая стратегия не была рассчитана на получение знаний:

я редко бывал в библиотеке, не старался вникнуть в тонкости логических умозаключений, не продолжал изучать то, что формально считалось пройденным. Но она оказалась весьма эффективной для продолжения обучения, с моими перепадами настроения и многодневным отсутствием не только в университете, но и в городе. Я неизменно вспоминал Леночкину улыбку и её насмешливое: «Разве это задача? Глупо такое не выполнить».

Возвращаясь к заданному мне вопросу о выборе пути, подсказке со стороны кого-то другого, внешних обстоятельствах... Разве можно в этих категориях описать такую странную конфигурацию юношеского максимализма, бессмысленной категоричности, глупых, надуманных испытаний и постоянного искушения себя всё новыми и новыми «подвигами», о которых и вспоминать-то не хочется? Я не выбирал, не готовился к новой жизни, не строил планов, не жалел о случившемся, не рассматривал альтернативы. Я жил в открытом океане своих же страстей, где штить случался в те годы нечасто. Это была уже абсолютно другая жизнь. И я лишь редкими вечерами вспоминал ставшее в одночасье далёким детство, вспоминал как сказку, как жизнь другого человека, которую уже никогда не вернуть.

Что в годы Вашего обучения понималось под экономикой и особенно социологией труда в Красноярском университете? Был ли у Вас курс общей социологии?

Социология имела у нас статус философии в каком-нибудь заштатном техническом вузе. Одним словом, никакой. В программе были один-два курса, но не только их названия в памяти не остались, а и само слово «социология» так не вязалось с полученным образованием, что когда я поступал в Шанинку, то даже и не вспомнил, что выбрал когда-то для изучения схожую дисциплину. Социология для меня началась лишь в Москве. Хотя в Красноярске был один скорее забавный эпизод, связанный номинально с социологией. По одноименному курсу преподаватель попросил студентов поучаствовать в студенческой конференции, написав тезисы на любую из тем, затрагиваемых в курсе. Я ради шутки взял у товарища словарь по психологии и, полистав, остановился на статье о пирамиде Маслоу. Потратив не более часа

и согласовав между собой разные статьи из этого словаря, написал небольшой залихватский текст. Выступление оказалось одним из лучших, и я даже получил какой-то поощрительный приз. Но от всей авантюры осталось лишь чувство недоумения. Что это за наука такая, если пара часов работы со словариком позволяет тебе «блистать» на конференции?

В первые два года несравненно большее влияние на всех нас без исключения оказал курс «Основы музыкальной культуры», читавшийся на протяжении трех семестров Евгением Андреевичем Лозинским. К нему неизменно набивалась огромная аудитория. Наш поток, более 150 человек, нередко дополнялся студентами с других курсов. Повествование строилось на биографиях, личных трагедиях, переплетениях судеб людей и их произведений. Лекционные часы сопровождался бесплатным абонементом в Малый зал Красноярской консерватории, где Евгений Андреевич предварял небольшими рассказами уже сами произведения. Вивальди, Бах, Гендель, Вагнер, Моцарт, Чайковский, Рахманинов и многие другие становились живыми, подчас близкими людьми. Я находил в их музыке схожие со своими переживаниями, иногда не соглашался с финальными композициями, сопровождаемыми триумфальным громом барабанов. Мне казалось, что здесь форма переломила основную трагическую канву, показав в угоду публике величие трагедии, отодвинув героя на второй план. Но это не мешало силе моего восприятия.

Лозинский не раз повторял, что музыкальные произведения не должны быть для нас способом прочтения авторских намерений. Это удел профессионалов. Мы можем лишь стараться проживать свою жизнь, обогащать собственный ряд эмоций, понимать себя во время прослушивания. Классическая музыка — это уникальный инструмент коллективного переживания, расширяющего горизонт, казалось бы, твоего частного мира, личных, интимных состояний. Она позволяет быть иным, оставаясь собой; думать и чувствовать и, как следствие, понимать себя не как никчёмного, одинокого человека, а как часть чего-то великого, удивительного и не поддающегося разгадке. Как-то на лекции, отвечая на вопрос, Евгений Андреевич высказался о смысле курса: «Я ставлю перед собой весьма узкую задачу. Я не пытаюсь сделать из вас ярких почитателей Вагнера или Бетховена,

например. Я лишь хочу, чтобы, оказавшись в Москве, Петербурге или Вене, вы за чередой текущей суеты не забывали спросить лишний билетик в консерваторию и позволяли себе какое-то время побыть наедине с собой».

У меня нет слуха, я не разбираюсь в музыкальных произведениях, но до сих пор самыми лучшими остаются те редкие субботние дни, первую половину которых можно провести в Ленинке, а затем потеряться в эмоциях, слушая классические произведения в консерватории. Евгений Андреевич умер в 1997 году, и нет никаких сомнений, что университет отчасти лишился своего обаяния действительно высшего учебного заведения.

Учиться по выбранной с весьма странной категоричностью специальности так и не пришлось. Вначале я больше увлекся экономико-математическими методами. Факультет в основном был сформирован из выпускников Новосибирского университета, кроме того, все математические курсы у нас читались преподавателями с матфака. С математического факультета, расположенного всего этажом выше, к нам, конечно, не направляли звёзд из числа преподавателей, но практически все предметы читались добротнo. На первых курсах было очень тяжело. Я сразу почувствовал, что в нашей школе учили чему-то другому, имеющему лишь опосредованное отношение к математике, не говоря уже о математическом анализе или линейной алгебре. Математическое мышление я так и не выработал, и здесь нет ничего странного, если учесть внеучебные страсти, занимавшие практически всё мое время. У меня с математикой сложились странные отношения. С одной стороны, по формальным признакам я был в числе лучших и не только сдавал на отлично контрольные, но и несколько раз подрабатывал, решая менее смышленным однокурсникам «дифуры» (дифференциальные уравнения). С другой — это происходило как-то случайно, помимо меня. Не понимая сути, я умудрялся на какое-то время «видеть» задачу и находить верные логические решения.

Весьма показателен пример с большим, полуторагодовым курсом по теории вероятности и математической статистике, который у нас читала Татьяна Валерьевна Крупкина, доцент с матфака. Пожалуй, единственная из всех наших университетских преподавателей, она разработала

универсальную и почти безупречную систему оценивания, которая включала множество контрольных, домашних заданий, проверочных тестовых работ, со сложной системой подсчета оценки. Чуть ли не еженедельно (конечно, я здесь могу несколько преувеличить, но в памяти осталась именно такая периодичность) на факультетской доске объявлений вывешивался общий рейтинг студентов, и казалось, что объективность торжествует. Но я, плохо разбиравшийся даже в основах теории, умудрялся раз за разом оказываться в верхних строках рейтинга, а в итоге попасть в десятку, если не пятёрку, лучших.

Когда в грязной, с пробегающими по столу тараканами, общежитской кухне я пытался подготовиться к контрольной по «терверу», у меня ничего не выходило. Из комнаты традиционно гремела музыка, кто-то уже бежал за выпивкой, слонялись студентки в халатах, в общем, было не до того. Я ровным счётом ничего не понимал и был в отчаянии. Поэтому на контрольной старался сесть рядом с отличниками. Она традиционно проходила в большой аудитории, где вариант каждому раздавался так, чтобы не было близко соседей с подобным. Разговоры пресекались. В общем, обстановка была не менее серьезной, чем на вступительных испытаниях. Но я умудрялся как-то найти решения тех задач, которые не мог решить. И в конце отпущенных полутора часов, перед самой сдачей, неожиданно видел ошибочность списанных решений. Буквально покрываясь испариной, я судорожно изменял полученные варианты. Доходя до дрожи в руках, с последующим чувством полной опустошенности и с подкашивающимися ногами, я интуитивно находил правильные решения и в итоге получал высшую оценку. Уже в коридоре я не мог объяснить, почему сделал такой выбор.

Даже большие математические курсы у нас читались по принципу энциклопедических статей. От студентов требовались эрудиция и умение быстро переключаться с одной задачи на другую. Я так не мог. Самые элементарные решения начинал чувствовать лишь через довольно длительное время, совмещая собственные мысли с авторскими текстами, ведя внутренние разговоры, медленно «прожёвывая» аргументацию. На этом и заметила меня Евгения Борисовна Бухарова, тогда только что выбранный, а теперь уже бессменный декан экономического факультета (сейчас

директор института в Сибирском федеральном университете), преподававшая экономико-математическое моделирование. Один из немногих, я интересовался первоисточниками, спрашивал исходные монографии, а не задачи, брал у неё какие-то книжки. Построение межотраслевых балансов, теория операций, оптимизационные модели и т. п. представлялись мне основой действительно научного знания. Что говорить, даже теоремы из школьного курса геометрии до сих пор вызывают у меня какой-то непередаваемый пиетет и восхищение. Практически всё, что можно назвать на факультете научным, исследовательским, было связано с математикой. Евгения Борисовна искренне расстроилась, узнав, что я не выбрал ее научное направление, предпочтя новомодное тогда поветрие — менеджмент. Так я вновь свернул на самую конъюнктурную специализацию, на которую уже внутри факультета был немалый конкурс. Но опять причина выбора была отнюдь не конъюнктурной.

У Евгении Борисовны была лучшая подруга, Наталья Григорьевна Макуха. Я пишу «была», потому что они поссорились, как это обычно бывает, по какому-то пустячному поводу. Отношения сохранили, но былой доверительности и взаимного понимания уже не осталось. Очень жаль, поскольку обе они тогда и сейчас фактически составляют лицо факультета, оставаясь абсолютно непохожими как по характеру, так и по сложившейся карьере. Евгения Борисовна — профессор, заслуженный экономист, входящая в элиту Красноярского края. Наталья Григорьевна, экономист по образованию, так и не защитила кандидатскую и по формальным критериям всегда проигрывала даже весьма посредственным доцентам. Но при этом входила в незримый круг интеллектуалов, объединяющий психологов, программистов, физиков, химиков, математиков, считалась одним из ярких и выдающихся гуманитариев. Я пишу в прошедшем времени исключительно потому, что как-то выпал из этой среды, оставив её в прошлом. Что, конечно, неправильно, но так уж сложилось. Её мнимый неуспех в профессиональной карьере можно объяснить лишь одним. Она человек устной культуры, носитель знания, выстраиваемого в диалогах и теряющего свои краски при переносе на бумагу. Увы, но среди студентов (здесь камень и в мой огород!) не нашлось таких, кто мог бы не только слушать, но и записывать, а потом издавать лекции, выступления Натальи Григорьевны, тем самым расширяя

круг ее собеседников, формируя признание, выходящее за рамки среды непосредственного общения.

Наталья Григорьевна стала на несколько лет моим наставником, ярким собеседником и учителем в очень многих вопросах. Она-то и увлекла меня теорией управления, со стратегическим менеджментом, стимулированием персонала, моделями принятия решений и организационным поведением. Я не просто учился у неё, получал какие-то рекомендации, формировал круг чтения. Оставаясь один, скитаясь по городам, прогуливаясь по лесу (наш университет в Красноярске расположен на сосновых склонах), я продолжал с ней разговаривать, приводить какие-то аргументы, защищать свою позицию и прислушиваться к её доводам. Часто бывал у неё дома. Приходил в обед и мог засидеться за полночь. Это было фантастическое ощущение осмысленности самого образования, постижение чего-то нового — профессионального и одновременно личного, что складывалось здесь-и-сейчас. Каждая курсовая работа становилась интеллектуальным поиском. У неё я писал и о марксовом понимании товарообмена, и о ницшевской «воле к власти», и об агентах изменения внутри организаций. Она стала научным руководителем моего диплома. Но это уже отдельная и по-своему драматическая история.

Что касается понимания экономики как научной дисциплины, у нас был какой-то винегрет, усугубившийся ещё и мировоззренческим разломом начала 90-х, который пришелся как раз на годы моего обучения. Начинали со штудирования марксистско-ленинского подхода, тщательного чтения «Капитала», но уже в середине пути переключались на академический курс, получивший название «Экономикс», с особым акцентом на теориях свободного рынка, макроэкономической нестабильности, инфляционных моделях и экономике товарных рынков. Тогда вышло первое переводное издание одноименного учебника Макконнелла и Брю. Стоил он весьма существенные тогда для меня деньги, но Евгения Борисовна сказала, чтобы я даже не задумывался и подписался (в свободную продажу книга не поступала, поскольку тираж расходился ещё на уровне заявок). Так и вышло, что оставшиеся два года моей учебы экономическое знание на разных курсах фактически воспроизводилось по главам этого учебника. Вместе с тем, видимо, ни студенты, ни преподаватели не были готовы к столь радикальному переосмыслению

экономической науки, поэтому наиболее яркими оставались те лекции и семинары, которые читались в «устаревшей» парадигме. С моей же оптимизацией участия в учебном процессе мне больше запомнились сессии.

Любовь Николаевна Абрамовских принимала у нас дифференцированный (значит, с оценкой) зачёт по политэкономии. Это была летняя сессия, и я привычно шёл в первых рядах, рассчитывая на четверку, поскольку не особо вникал в содержание курса. Но в итоге попал на череду пересдач. Раз за разом приходил, уже подготовившись по какому-то вопросу, но получал лишь кивок головой и рекомендацию подготовиться лучше. Это длилось где-то месяц. В результате я уже давно прочитал первый том «Капитала», купил и осилил еще три, куда менее популярные у экономистов. Перечитывал, подчёркивал, рисовал какие-то схемы, силился, чтобы у меня получилось нечто большее, чем простой пересказ. Я даже увлёкся материалом и до сих пор считаю, что это один из наиболее фундаментальных и одновременно доходчиво написанных научных текстов. Но мне надо было уезжать домой, и это было полным провалом — проводить месяц в Красноярске, сдавая всего один предмет. По-моему, на шестой или седьмой попытке я взбунтовался, сказав, что если есть возможность, хотел бы идти сдавать зачет на комиссию. В ответ Любовь Николаевна, улыбнувшись, попросила зачетку, и быстро написала в ней. Только покупая билет на поезд и все еще негодуя, я с удивлением обнаружил, что там была пятёрка.

**В годы студенчества Вы пробовали работать по будущей профессии?
Была в городе потребность в подобного рода специалистах?**

Потребность была колоссальная. Мои однокурсники уже с третьего курса занимали должности начальников экономических отделов на предприятиях, возглавляли управления в банках. Ребята несколькими годами старше организовывали собственный, иногда отнюдь не малый бизнес. Не стоит сбрасывать со счетов, что факультет был престижным и на нём обучались либо способные, либо вышедшие из весьма состоятельных семей дети. Экономическая эйфория была настолько сильна, что, казалось, вовсе не нужно никакого образования, вполне достаточно наличия связей и немного здравого смысла.

На первом курсе я сдружился с Рафиком Алиевым. Он поступил на заочный, поэтому через год ушёл в армию. Когда вернулся, ему уже было не до учёбы. Я пытался помочь. Даже однажды, переклеив фотографию в зачётке, сдал за него экзамен по одному предмету. Но в то время ажиотаж вокруг ваучерной приватизации был настолько силен, что всё остальное казалось пустой тратой времени. В какой-то момент Рафик сказал, что я просто протираю штаны, а настоящие дела делаются на свободном рынке. Теперь он работает мясником в своей же мясной лавке.

Я часто ездил домой. Сначала поездом до Абакана, потом автобусом до Абазы. Поезд шёл ночь, но было скучно и как-то неестественно просто так ложиться спать. Поэтому обычно я ходил по вагонам, балагурил, знакомился. Там, в поезде Красноярск — Абакан, я столкнулся с девчужкой в чёрной с бахромой юбке. Столкнулся, споткнулся и потерял голову. Её тоже звали Леночка. Я тогда перешёл на второй курс. Лето. Наш роман был недолгим, всего несколько месяцев. Из-за моего юношеского максимализма и, прямо скажем, дурацкого характера она в какой-то момент просто выставила меня за дверь: «Больше не приходи». Так у меня начался второй курс. Понятно, что было не до учёбы. Не находил себе места, слонялся по улицам.

Тогда были в моде всякие боевые искусства — так, на уровне баловства и тонких брошюр, отпечатанных на плохой бумаге. Самостоятельно я по подсказке Игоря Быкова сделал себе нунчаки (две деревянные палочки со свинцовыми набалдашниками, соединенные цепочкой). Очень хороший инструмент. По утрам, проснувшись и еле продрал глаза, достаточно было покрутить их пару минут, чтобы, обливаясь потом, бежать в душ. Как-то, напившись игристого вина и захватив с собой нунчаки, я оказался в Доме офицеров, куда после небольшой потасовки вызвали ОМОН. В отделении, еще не протрезвев, я подписал все бумаги. Через несколько дней, придя по повестке к следователю, узнал, что мои нунчаки на судебной экспертизе признаны холодным оружием и я нахожусь под следствием. Вменялась статья. Так я получил подписку о невыезде и примерно полугодичное разбирательство. Смешно сказать, но только это как-то отодвинуло любовные страсти на второй план и заставило меня заняться учёбой. Познакомился с одногруппниками. Владимир Иванец, пожалуй, лучший студент нашего курса, справил мне коллективную

характеристику о моих высоких моральных качествах. В деканате пообещали временно не поднимать вопрос об отчислении. В общем, в университете я стал появляться гораздо чаще.

Хотя фуфайку я проносил только первый курс, а потом стал более-менее походить на своих сокурсников, все же, видимо, странное сложилось обо мне впечатление. Не вписанной в динамику тех дней была и моя жизнь. Я как бы жил в другом измерении, чем люди вокруг. Обществоведы обычно вспоминают «лихие девяностые» как годы материальных лишений. Для многих из тех, кто окружал меня, это были годы взлета и накопления первоначального капитала. А в моей жизни наблюдалась полная стабильность и устойчивость. Лишь проходя мимо обменных пунктов, я иногда решал задачку, сколько бы мог заработать на колебаниях курса, имея возможность спекуляций с валютой. Но такие мысли были мимолетными, и даже странно, что я об этом сейчас вспомнил. Университет давал мне крышу над головой и уверенность в пяти неизменных годах. Разовые работы и личные авантюры приглушали излишнюю азартность и патологическое стремление к потрясениям. Поэтому я даже не задумывался о профессии. Получаемое образование вовсе не связывалось с какой-то специализацией и тем более карьерой.

На четвёртом, кажется, курсе мой сосед по комнате заподозрил неладное. Я каждое утро в начале шестого уходил из дома и возвращался через три-четыре часа. «Ты что, работать где-то устроился?» — спросил он как-то. Трудно придумать другие причины для столь раннего подъема и довольно продолжительного отсутствия. Но причина была совсем в другом. Я пристрастился ходить к кришнаитам на утренние службы. Хотя мне очень нравилось всё происходившее в ашраме (на деле всего лишь пустая трехкомнатная квартира), но больше привлекала именно кухня. Поваром был Володя, мужчина лет сорока, как он говорил, потерявший себя на наркотиках и только здесь понявший смысл жизни. Готовил он так вкусно, что день за днём, преодолевая сон, я приходил в ашрам, пел и танцевал вместе с кришнаитами, а потом вкушал просад (так называется пища, предварительно предложенная Богу на алтаре). «Джая Шри Кришна Чайтанья, Прабху Нитьянанда (и затем с ускоряющимся темпом) Шри Адвайта Гадакхарта, Шри Васоди Гоор, Бхактавринда-а...» Я купил себе деревянные чётки из 109

бусинок. На каждую нужно было пропеть основную мантру: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна, Кришна, Харе Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама, Рама, Харе, Харе...» Полных кругов из 109 мантр нужно было прочитать за день шестнадцать. Это очень хорошо дисциплинировало и создавало своеобразный дневной ритм. Я и без того очень любил гулять по лесу. С чётками многочасовые прогулки стали обязательным ритуалом в те дни.

Причина прихода к кришнаитам была банальной. Мой друг Игорь Быков курсе на третьем бросил учёбу в Днепропетровске и переехал жить в кришнатский храм в Подмосковье. Вскоре прошёл инициацию и принял духовное имя — Бодарайна. Его и сейчас многие зовут Бод, хотя от кришнаитов он давно отошёл. Возглавляет небольшую группу предприятий по изготовлению и реализации черепицы на Украине. В начале 90-х он занимался распространением книг по всей России и время от времени приезжал по книжным делам в Красноярск. Иногда я ему помогал. Работой это назвать нельзя, поскольку ничего не платили. Но опыт по продажам был накоплен колоссальный.

Мы вдвоём или троём везли вагон книг из Москвы и реализовывали где-нибудь в поселке в устье Ангары за два-три дня. Вагон книг! С учётом того, что стоимость комплекта из восьми-десяти книг тогда равнялась примерно средней месячной зарплате по стране, доход от такой сделки был феерическим. Для этого использовались различные схемы взаимозачётов. Нужно было ходить по цехам или отделам предприятия и подписывать работающих на получение книг под зарплату. Тогда огромная инфляция дополнялась весьма продолжительными задержками зарплаты. Люди всё равно не видели денег до тех пор, пока они окончательно не обесценивались. Плюс к этому ценность самих книг была высока (еще не успела забыться эпоха книжных дефицитов!), а «Бхагавад-гита» или «Упанишады» издавались в роскошных переплётах с цветастыми суперобложками и вовсе не смотрелись как однодневки, продаваемые на лотках. Поэтому все работники, независимо от уровня образования или дохода, соглашались на такого рода сделку. Затем нужно было провести взаимозачет с другим предприятием или включить в схему расчётов погашение энергетических или дорожных векселей. Наличные деньги стоили дороже безналичных на 25–35 %. Этой суммой

приходилось пренебрегать. За счёт сотен подобных мобильных групп, ничего не требовавших взамен, кроме пригоршни риса и бобов, Россия в те годы показывала фантастические книжные продажи. На эти деньги были заложены храмы в Индии, выкуплены в собственность здания в Крыму, Москве, Краснодаре, других российских городах.

В какой-то момент Игорь позвал меня пожить в храме, попробовать, что это значит — быть кришнаитом. Я бросил всё и переехал на полтора месяца в Екатеринбург, где он тогда остановился. Запомнилась одна поездка в Серов, на севере Свердловской области. В нашей группе по реализации книг я был поваром. Поскольку служба начиналась в половине шестого, повару приходилось вставать раньше, чтобы успеть приготовить еду для предложения её божеству. В отличие от традиционной кухни, у кришнаитов даже завтраки состоят минимум из трех блюд. Однажды спросонья я перепутал соль с содой, и все блюда оказались с весьма специфическим вкусом. Поскольку отказаться от них было уже нельзя, дабы не обидеть богов, мои напарники съели все вчистую. Я был глубоко потрясен, так как сам я оказался на такое не способен.

Постоянные молитвы, чтение книг, медитации и песнопения приводили в какое-то удивительное, приподнятое состояние. После туалета нужно было делать обязательное полное омовение, причём не снимая нижнего специального белья (я уже забыл, как оно называется). Всё это стиралось и развешивалось сушиться. Пол, где спали или готовили пищу (кришнаиты у нас спят в спальниках), мылся несколько раз на дню. Всем этим создавалось обострённое чувство чистоты. После недели или двух жизни в храме я начал осязать грязь. Каким-то шестым чувством ощущал её в проходящих людях, предметах. Никакого осуждения не возникало, просто тело и мысли были настолько чистыми, что мир вне храма представлялся чрезвычайно странным.

Уезжать из храма не хотелось. И только подступающая сессия, необходимость сдавать экзамены заставили меня вернуться в Красноярск. Когда я приехал в общагу, то в первый момент не мог взяться за дверную ручку. «Насколько же мы свыклись с грязью!» — была единственная мысль. Я просто

не мог без содрогания смотреть на всего несколько месяцев назад привычные картины помоев, забрызганной жиром плиты, замасленных столов на общей кухне. И дело вовсе не в какой-то брезгливости. Я до сих пор уверен, что подобные религиозные практики позволяют настраивать себя на иное восприятие реальности, видеть то, что сокрыто от утопающего в страстях человека.

И все же. Университет закончен, даже с отличием. На рынке труда — колоссальная потребность в специалистах Вашего профиля. Получили ли Вы распределение или этой практики уже не существовало? Что Вы сами предприняли?

Распределение осталось в прошлом, но в нём и не было необходимости. Выпускники выбирали из множества альтернатив, и я не был исключением. Сразу после защиты диплома на третьем этаже нашего «колодца» (здание университета спроектировано как три больших полых внутри куба) ко мне последовательно, с разницей в несколько минут, подошли три человека: заместитель председателя правления небольшого, но тогда стремительно развивавшегося коммерческого банка (КБ «Стромкомбанк»), директор крупнейшего в Сибирском и Дальневосточном регионах проектного института (Красноярский ПромстройНИИпроект) и наш декан. Во-первых, мне предложили сформировать и возглавить аналитический отдел в банке, занимающийся вопросами организационного и стратегического развития. В качестве бонусов предлагались высокая заработная плата и возможность сразу участвовать в принятии решений на уровне высшего руководства. Во-вторых, предлагалась должность заместителя директора по маркетингу с небольшой (относительно банка) зарплатой, но предоставлением квартиры практически в центре города, которую через год-два можно было выкупить в собственность по остаточной стоимости, и полным карт-бланшем в разработке и реализации стратегии развития института. В-третьих, предложили поехать поступать в аспирантуру экономфака МГУ, снабдив всеми необходимыми рекомендациями. У нашего факультета, представленного в основном прекрасной половиной, были очень хорошие отношения с тогда гремевшей на всю страну троицей ведущих экономистов

в области организационного и стратегического управления — Олегом Самуиловичем Виханским, Александром Ивановичем Наумовым и Вадимом Ивановичем Маршевым. На них смотрели как на живых классиков управленческой науки. В основном занимаясь переводами зарубежных работ, они говорили на новом для многих тогда языке, задавали тон дискуссий, определяли актуальность исследовательских вопросов. Я выбрал третий вариант.

Даже учитывая огромный спрос на экономистов, это был, безусловно, не типичный ряд предложений. На пятом курсе мои разговоры с Натальей Григорьевной перешли из разряда отвлеченных бесед о прочитанной литературе к весьма практичным, предельно капиталоемким задачам. В бизнес 90-х пришли не только бандиты, но очень много интеллектуалов. Я бы даже сказал, что многие коммерческие вопросы рассматривались весьма замысловатыми способами, которые придавали простым техническим решениям отблеск научных разработок. Многие друзья и ученики Макухи владели разного рода бизнесами или стояли у руководства крупных компаний. Так невольно и я втянулся в обсуждение насущных для того времени проблем, по большей части корпоративного управления и организационного развития. Тут стоит рассказать о тех двух организациях, откуда я получил предложения работы сразу после получения диплома.

Стромкомбанк был полностью укомплектован выпускниками нашего факультета — от председателя правления до рядового экономиста или бухгалтера. У руководства стояли те, кто закончил учиться всего несколько лет назад. Может быть, поэтому строились фантастические планы развития. Порой банк больше походил на креативное агентство, нежели на финансово-кредитное учреждение. Хотя все атрибуты людей с большими деньгами соблюдались: строгая форма одежды, подчеркнутая сдержанность, дорогие аксессуары и разные другие мелочи, указывавшие на принадлежность к состоятельному слою. Тогда речь шла о развитии новых банковских услуг, прежде всего о расширении кредитных предложений по импортным операциям, депозитных вкладов, обслуживании экспортно-импортных операций, выходе на международный рынок фьючерсных сделок. Стремительный рост коллектива и расширение отделов создавали риск несогласованности

и дублирования значимых задач. Небольшой всего год-два назад, коллектив уже начинал насчитывать сотни подчиненных, расширялась филиальная сеть. Всё это требовало проектирования и управления организационными процессами, перехода от привычных оргсхем к динамическому управлению персоналом и пр. Перед защитой диплома у меня было несколько встреч с Галиной Петровной Манаповой, заместителем председателя правления банка, и мы обсуждали возможные варианты становления аналитического отдела. К слову сказать, он так и не был создан. А начальное бурное развитие постепенно сменилось нишевой, весьма частной формой обслуживания аффилированных предприятий, и амбициозные планы сошли на нет. Совсем недавно, в 2013 году, после серии судебных тяжб банк был ликвидирован.

Красноярский ПромстройНИИпроект — место моей дипломной практики. Диагностика организационных преобразований и возможных сценариев развития организации стала темой диплома. Если описывать ситуацию предельно сжато, то когда-то гигант проектной индустрии, в стенах которого были спроектированы все крупнейшие промышленные стройки от Урала до Японского моря, испытывал огромные финансовые трудности. Возглавлявший десять лет институт Владимир Петрович Абовский, высокоменклатурный человек, оказавшийся в руководстве через понижение в должности, но не растерявший ни связей, ни привычки к масштабным решениям, умер просто накануне, в 1993 году. Было время выборов руководителей коллективами, и предвыборную гонку выиграл Валерий Анатольевич Лойко, на тот момент амбициозный 50-летний руководитель среднего звена. Он-то и посетил университет, чтобы поискать способного выпускника, желательно молодого человека, дабы разобраться с управлением. Сейчас о таком и писать-то диковинно, но в 90-х это было возможно. Макуха порекомендовала меня. Встретились, поговорили, и уже на следующий день я получил доступ ко всем документам, начал участвовать в селекторных совещаниях, отдельно общался с руководителями подразделений. А самым главным моим наставником и советчиком в сложных и запутанных отношениях большого, стремительно разваливающегося коллектива стала ученый секретарь института Людмила Анатольевна Наумова. Удивительно, до фанатизма порядочный человек. Ей я во многом был обязан и успехом своего диплома.

В то время еще не забылись две формы хозрасчета, но дабы идти в ногу со временем и снизить растущие долги предприятия, все подразделения были обозначены центрами прибыли. Это означало довольно жёсткое решение — все затраты на оплату труда переводились в разряд переменных, и от того, сколько контрактов удавалось заключить и сколько было оплачено фактически, зависели заработки людей. Институт оставил еще правило гибких отчислений в общий фонд, на поддержание единой инфраструктуры. Вокруг этих отчислений и возникали основные конфликты. Дотационные подразделения пытались повлиять на их увеличение, доходные — всячески уходили от того, чтобы что-то перечислять. Отдельным игроком выступал плановый отдел, который взял на себя роль распределителя и начал её явно саботировать, не показывая основания сделанных расчетов, запутывая людей с инженерным образованием в общем-то элементарными формулами, относившимися к статьям калькуляции и смете затрат.

На фоне жуткого конфликта в коллективе ученый секретарь взяла на себя по существу роль центра управленческого учета. Она самостоятельно, руководясь здравым смыслом, разработала стандарты учёта, и руководители подразделений несли в первую очередь ей свежие данные о заключенных контрактах и поступающих или должных поступить на счета платежей. Это просто фантастика, как один человек смог вести оперативный учёт в масштабе большого тогда института, не имея для этого никаких ресурсов и никакого базового образования. Основной мотив был — острое чувство несправедливости по отношению к ним, которое вдруг обрушилось на порядочных в общем-то людей, вмиг ставших врагами друг другу. Лойко, видимо, не случайно отвёл мне стол в кабинете Людмилы Анатольевны. Мы быстро сдружились, и благодаря ей я уже точно знал, у кого и что спрашивать, чтобы не тратить недели на получение нужных сведений.

В дипломной работе я показал, что, ведя речь о стратегическом планировании, нельзя рассматривать организацию, ограничиваясь лишь её юридической формой. Получившие самостоятельность руководители подразделений начали оптимизировать свои поступления, отчисления в государственный бюджет и казну института. Соответственно, стали появляться различные бюро, коммерческие проектные центры, организации по контролю

и сертификации. Все они фактически выполняли роль расчетных счетов, необходимых для выведения части денежных потоков из распределительной системы института. Когда я собрал сведения об аффилированных организациях и примерно оценил финансовые показатели с учётом выведенных денежных средств, получилось, что институт вовсе не бедствует и его оборотный капитал сократился не так катастрофически, как об этом кричал плановый отдел. Для оптимизации финансового управления следовало отказаться лишь от двух-трех убыточных подразделений (в числе которых находился этот самый плановый отдел) и сформировать иную систему договоренностей, не позволяющих наиболее эффективным звеньям паразитировать на общей структуре. Но стремительно растущая враждебность между сотрудниками, их агрессивность не позволяли говорить лишь о финансовых трудностях. Необходимы были решительные шаги по разрешению такого рода конфликтов, порой через прямое их провоцирование и актуализацию уже на открытом дискуссионном пространстве.

Одним словом, я ничего сам не предпринимал для формирования наиболее успешного «распределения». В последний год учился так, как должен учиться бизнес-консультант, по существу получая эквивалентное MBA (Master of Business Administration) образование. Наталья Григорьевна была постоянным собеседником и оппонентом в этом обучении. Ей первой я проговаривал лишь смутные поначалу догадки, рисовал схемы; с ней обсуждал текущие разговоры и даже снимал неминуемо возникающий стресс. Тогда, в ПромстройНИИпроекте, я впервые почувствовал, насколько глубоко инкорпорированы в работу консультанта этические вопросы. Ведь узнавая сведения, зачастую скрытые от постороннего взгляда, я мог невольно нанести ущерб своим доверителям, что требовало каждый раз дополнительного осмысления собственной позиции.

Хорошо, Вы добрались до МГУ и начали учиться в аспирантуре... Или не совсем? Честно говоря, не знаю, чего и ожидать...

Я не поехал в МГУ, причем дважды. Сначала в спешке собирал документы в аспирантуру. Помню, как обычно в те годы, всё откладывал

на последний момент. Не успевал. Пришлось разброшюровать свой диплом (набирал его на пишущей машинке, без копий) и из отдельных частей сложить реферат для поступления... Несмотря на все усилия, так и не смог улететь в Москву и думал, что мечта учиться или работать на экономическом факультете МГУ уже навсегда потеряна. Но через полгода появилась новая возможность: в МГУ на экономическом факультете по нашей инициативе открыли ставку стажёра-исследователя. Предполагалось, что для меня. Разразился форменный скандал, когда пришла телеграмма на имя ректора, что из-за разгильдяйства нашего персонала ставка простаивает. Меня в смятении чувств вызвала к себе декан. Она разговаривала по телефону с О. С. Виханским (на тот момент заведующим кафедры управления общественным производством в МГУ), и тот поведал, каких трудов стоило получить эту ставку, которой не было на кафедре лет десять или пятнадцать. Они, конечно, на неё кого-нибудь возьмут, но со стороны нашего факультета, инициировавшего всю эту беготню, ситуация просто некрасивая.

Однако я снова так и не поехал. Причина оба раза состояла в том, что в июне или июле, через месяц после окончания университета, я потерял паспорт. Возможно, живи я в своём городе, это было бы не столь критичным. Но тогда у меня была лишь временная прописка, и ее срок истек как раз в месяц потери документа. Плюс к тому, как я узнал уже через несколько месяцев, при пересылке моих документов из Абазы в Красноярск они затерялись в дороге.

Почти еженедельно я приходил в паспортный стол узнавать ситуацию, отстаивал очередь — иногда большую, иногда всего из двух-трёх человек. Потом на меня смотрела пустыми, равнодушными глазами паспортистка, которую я видел уже в сотый раз. Называл фамилию. Она перебирала папки, начинала улыбаться в документы, поднимала на меня глаза и с улыбкой здоровалась. Сначала это производило неизгладимый эффект. Потом я привык и молча ждал, пока отыщется моя папка, чтобы начать улыбаться в ответ и самому сказать «Здравствуйте!» Разговор, как правило, был коротким и заканчивался предложением прийти через неделю или позвонить. Поскольку своего телефона у меня не было, а задавать такие вопросы с чужого не хотелось, посещение паспортного стола переросло у меня в своеобразный ритуал. Лишь однажды, видимо, находясь в лирическом настроении,

паспортистка позволила себе немного порассуждать: «Понимаете, вас просто нет. Вы не существуете, — Она улыбалась и смотрела мне прямо в глаза. — На вас нет никаких документов. Я, конечно, вам верю, вашей справке из университета, но это может быть и фикцией. Может быть, вы всё придумали. Посмотрите, нигде ничего нет». Тогда я читал и перечитывал Кафку. Удивительно, но то, что было описано в «Процессе», очень напоминало то, что происходило с мной. Это помогало отстраниться, смотреть на свои мытарства как бы со стороны и даже иронизировать над сложившейся ситуацией.

В деканате пошли мне навстречу и взяли в родной университет стажёром-исследователем, с условием, что после разрешения моей идиотской ситуации я отправлюсь в Москву. Так возникла идея о стажировке в МГУ до следующей возможности поступления в аспирантуру. Но я вновь не смог поехать — паспорта на руках так и не было. Работал в приёмной комиссии летом, в сентябре отправился с первым курсом в колхоз. Поскольку я вот-вот должен был уехать, нагрузку мне никакую не назначили. Я лишь числился в университете, с которым меня по существу связывали только разговоры с Макухой, посвящённые обсуждению очередных бизнес-проектов.

3

Жизнь без паспорта

Таштынский район. Фабрикация гражданства. Восточно-Сибирская страховая компания. Игорь Сиротинин. Банк «Находка». Костюмы, галстуки, рестораны. «Не бузите ночью – и точно утром проснетесь». Организационно-деятельностные игры (ОДИ) в финансовом бизнесе. Мир Михалыча. Право первой подписи. Задержка выплат заработной платы. Возвращение Ивана к должности. Банкротство за счёт населения. Бегство в Красноярск. Сертификация консультанта по малому бизнесу. Знакомство с Караной. Жизнь в гостиницах. Бюджетирование и управление финансами. Шарлатанство с немалой подготовкой. Информации бывает много. Потребность в учёбе. Библиотека Шанинки. Уход из финансовой сферы.

Похоже, мои ожидания неожиданности были верными. Это в каком году Вы окончили университет и когда ситуация неопределённости сменилась какой-то стабильностью?

Университет я закончил в 1994-м. Паспорт смог получить только через два с половиной года, в конце 1996-го. И то не получил, а буквально сделал вместе с сердобольными сотрудниками паспортной службы. Поскольку всех необходимых документов не было, какие-то пришлось составить самому. Так я столкнулся с удивительным миром документарного оформления мужской особи в нашей стране. Многочисленные справки, анкеты родителей с их подписями, результаты различных медкомиссий, бумаги из средней школы, характеристики... Всё это требовалось для оформления и выдачи «пурпурной книжицы». Большинство документов я составлял сам,

заполняя необходимые поля в бланках, что-то придумывая на ходу, подписываясь за нужных людей.

Не обошлось и без казусов. Видимо, не разобрав мой почерк, паспортистка вписала в документы место моего жительства как город Абаза ТаштыНского района. Правильно название района пишется через букву «п» — ТаштыПский. Когда уже в Москве, спустя несколько лет, я менял паспорт, то попросил исправить в документе неточность, на что умудренная опытом женщина с гневом посмотрела на меня: «Вы что, молодой человек, ослепли? Раз в документе написано Таштынский, значит Таштынский. И не надо вашей самодеятельности». Вот так. С тех пор и живу с местом рождения в несуществующем районе, везде в документах подписывая «правильно», через букву «Н». Уже тогда я подумал, что мог бы беспрепятственно написать о себе любую историю — родиться в другом городе, иметь других родителей, учиться в другой школе. Но кое-какие документы пришли всё же и из Абазы. Пожалуй, более всего умилили последние строчки характеристики, подписанной нашим классным руководителем: «В автобусе не укачивает. Годен к службе в Военно-Морском Флоте». Помню, прочитав это, я тогда не выдержал и расхохотался прямо в кабинете. Вот спасибо, Алла Сергеевна, а то ведь я мог никогда и не узнать об этом своем таланте!

Выдан паспорт был не в Красноярске, а в Находке (Приморского края), куда я в большей степени ради получения «серпастого» документа и уехал жить и работать. Как уже было упомянуто, новый паспорт вместо потерянного появился у меня в 1996 году. Дальше я подробно расскажу обо всем этом, как и о переезде в Москву. А пока замечу только, что окончательно ситуация с моими документами стабилизировалась лишь в начале 2003 года, когда я смог получить военный билет и получить московскую прописку (как теперь полагается говорить, «зарегистрироваться»). До этого времени я работал и жил нелегально. Всегда напрягался, когда рядом оказывался милиционер, поскольку знал, что в случае проверки документов мне грозит минимум штраф за отсутствие прописки. Если же начнут разбираться дальше, негативные последствия могли быть предсказуемыми. За годы научился с лёгкостью фабриковать нужные документы, уверенно врать, когда того требовали

обстоятельства, имитировать невозмутимость и выкручиваться из самых сложных ситуаций. В общем, лет восемь жил как нелегальный мигрант в прямом смысле этого слова.

Возвращением гражданства я всецело обязан Г. С. Батыгину, человеку, определившему всю мою дальнейшую биографию (о нем будет много говориться дальше). Именно он мне сказал, что надо исправить недоразумение с документами. К слову, к тому времени я уже успел защитить диссертацию, и Геннадий Семёнович не раз помогал мне с получением нужных справок и подписей для того, например, чтобы попасть в библиотеку ИНИОНа или пройти оформление кандидатской степени, или решить какие-то другие вопросы, требующие предъявления московской прописки, военного билета или трудовой книжки. Я преподавал в РУДН (Российский университет дружбы народов) курс политической социологии, но оформлен там был Батыгин, поскольку я не имел официального права работы. Он просто отдавал мне те деньги, которые причитались ему за прочитанные лекции. Так вот, весной 2002 года он сказал мне, что нужно исправить ситуацию. Уже через месяц я улетел в Находку, а еще через два месяца вернулся с документами, позволявшими мне «восстановить гражданские права». Батыгина я слушался беспрекословно. Потому, видимо, и хватило сил за относительно короткий срок распутать чрезвычайно усложнившуюся к тому времени ситуацию с оформлением моих документов.

Может показаться, что трудности ситуации, о которой я рассказываю, объяснялись моим нежеланием служить в армии: ведь все эти мытарства пришлись именно на годы возможного призыва. Но реально всё было более запутанно. Я дважды улетал (в первый раз из Красноярска, второй — из Москвы) в Находку, чтобы пойти служить, и дважды меня разворачивали назад. Доходило до комичных сцен. Помню, звоню из Москвы в находкинский военкомат, спрашиваю, когда начинается призыв и могу ли я приехать на медкомиссию. А в ответ такой раздражённый скрипучий голос: «По телефону справок не даём. Подходите, здесь всё и расскажем». И — короткие гудки. Чтобы «подойти», мне надо преодолеть восемь тысяч километров. В Красноярске я просто пропал из поля видимости военкомата из-за отсутствия паспорта и прописки. А затем, в Находке, уже слишком много было про-

плачено «нужным людям» со стороны ходатайствовавших за меня коммерческих структур, чтобы вот так взять и призвать в армию. Потому военные чиновники и выбрали «наилучшую стратегию» — держать паузу, пока ситуация каким-то образом не разрешится сама собой. А не принимать решения они могут годами, в чём я смог убедиться на своём личном опыте.

Мы подошли к третьему, весьма насыщенному этапу в моей жизни. Я бы даже сказал, не этапу, а целой жизни, поскольку сейчас, вспоминая то время, с трудом могу представить, что происходило со мной. Слишком приключенческим, до гротеска, сложился этот кусок биографии. По времени он начался где-то с февраля 1995 года и закончился моим поступлением в Шанинку летом 1999-го. Целых четыре с половиной года тотальной партизанщины. И хотя полного комплекта документов у меня не было гораздо дольше, но до и после этих дат жизнь стала намного менее динамичной и непредсказуемой.

Чем вообще Вы занимались в Москве четыре года? Каким образом на Вашем пути оказалась Шанинка? Что исходно Вас в ней заинтересовало? Какой оказалась реальность?

Тот период был настолько насыщенным событиями, что я невольно скомкал рассказ. В Москву я попал только через несколько лет после окончания университета. До этого жил почти год в Находке, потом вернулся в Красноярск. И лишь с 1997 года оказался в Москве, да и то номинально, поскольку всё время проводил в переездах и гостиницах. Шанинка — совсем из другого мира, из другой жизни. Она как бы замкнула круг моих безумных, волюнтаристских скитаний... Позвольте вернуться к хронологическому порядку изложения, иначе нагромождение фактов и событий может окончательно запутать.

Шёл 1995 год. Я жил в Красноярске и всё больше погружался в тематику организационного поведения, связанную с особенностями подчинения, власти и одновременно некоторой управленческой рациональности, в основе которой лежит идея эффективности. Одновременно читал Ницше

и начавшие выходить переводы англоязычных монографий по управлению (Франклина Мескона и Альберта Хедоури, Стафорда Бира, Ли Яккоку и др.), штудировал непривычные тогда большеформатные англоязычные учебники. В них поражала смешанность жанров, постоянное включение реальных примеров, разноголосица изложения, заставляющая читателя то и дело переключаться с одной задачи на другую. Интересовало меня и другое. В то время Ельцин вошёл в какой-то управленческий кураж. И я с утра бежал покупать «Российскую газету», чтобы прочитать очередной указ о назначениях или о снятии с должностей, очередное постановление об организации тех или иных комиссий, комитетов, ведомств. Время жизни новых образований было недолгим. И меня интересовали эти однодневки на уровне страны не меньше, чем если бы это было на уровне города или какой-то организации. Ещё не улеглись впечатления от написания диплома, и я видел во всём происходившем следы организационной пролиферации, которая сопровождалась разложением устоявшихся форм и зачастую паразитированием на них новых, только еще зарождающихся образований.

В таком контексте Наталья Григорьевна познакомила меня с молодыми и амбициозными бизнесменами, которые только что создали страховую компанию. Называлась она Восточно-Сибирская страховая компания, или сокращенно ВОССКОМ. Просуществовала недолго. Ребята пришли из мелкооптовой торговли, чуть более разветвлённой, чем привычные тогда «челночные» заработки, и имели какие-то романтические представления о финансовом рынке. Я со своими фантазиями и плохо переваренными западными книжками, видимо, пришёл к двору. В частности, мы всерьёз обсуждали внедрение страховых схем, которые бы смогли создать некоторое подобие соседства, локальное дворовое сообщество. Сейчас бы это могли назвать, с определенными оговорками, местным самоуправлением. Но ни тогда, ни сейчас в России такого рода социальные инновации невозможны со стороны коммерческих структур, слишком ограниченных как в средствах, так и в мировоззренческих установках, не имеющих достаточного багажа для установления доверия, столь необходимого в данном случае. Одним из руководителей компании был Юрий Сиротинин. Его родной брат Игорь, возглавлявший крупный в то время дальневосточный банк, стал основным учредителем страховой компании. И в какой-то момент

Юрий предложил слетать в Находку и просто поговорить о возможном дальнейшем сотрудничестве, не в пример более перспективном, чем моя текущая работа. Все расходы по организации разговора брал на себя банк, поэтому я с лёгкостью согласился.

В Находке я провёл пару дней. Игорь Александрович Сиротин приехал в гостиницу, где я остановился. Когда я запросто открыл на стук дверь, то первым, что я от него услышал, были слова: «В наших краях лучше так не делать». Я вспомнил об этом чуть позже, когда работал в банке. Однажды на планёрку не пришёл Костя (не помню, к сожалению, фамилию), тогда первый заместитель правления. А вскоре появившийся начальник службы безопасности пояснил, что снаружи его двери сняли растяжку с ручной гранатой. «Я всегда говорю: не бузите ночью — и точно утром проснётесь», — с усмешкой проговорил тогда Игорь.

На следующий день Игорь показал мне банк. Мы пообедали в ресторане. Он провёл меня по строящемуся тогда, кажется, итальянской фирмой новому зданию на месте находкинского Дома культуры. Это был многомиллионный проект, которым Игорь очень гордился. Амбиции у него были громадные. Банк «Находка», тогда крупнейший в городе, намечалось сделать первым в Дальневосточном регионе. Сиротинин не ограничивался Россией, сразу же ставилась задача освоения азиатских рынков. Команда специалистов набиралась в основном из Новосибирска и Питера. Нужны были молодые, амбициозные экономисты, готовые идти на авантюры, но имеющие достаточное образование, чтобы оценить сопутствующие риски. Моя роль представлялась весьма странной для российского бизнеса — специалист в области организационного развития, способный проектировать организационные изменения и управлять ими в стремительно растущей компании. Огромные риски, связанные с бешеными темпами роста, весьма авантюрными финансовыми операциями и вынужденным предоставлением невозвратных кредитов отдельным коммерческим структурам, уже тогда вполне осознавались и виделись как проблемы не только финансового, но и организационного положения банка.

В конце того же дня я получил просто роскошное предложение — мне предстояло самостоятельно организовать работу, с прямым подчинением

председателю правления и участием во всех заседаниях правления, осведомленностью в вопросах стратегического развития банка. По части обязанностей здесь была полная неопределенность. Сейчас я могу объяснить это лишь сильным влиянием «щедровитян» — чрезвычайно успешных бизнес-консультантов, весьма ловко эксплуатировавших наследие Георгия Петровича Щедровицкого в проведении разного рода организационно-деятельностных игр (ОДИ), проектировании и реализации коллективных или личных консультационных услуг. Заработную плату я мог назвать на своё усмотрение. Мне давали двухкомнатную квартиру. Но самое главное — банк брал на себя обязательство решить все мои проблемы с документами. На тот момент как раз разворачивалась история с возможной стажировкой в Москве. Я очень хотел туда поехать. Учиться или работать в МГУ было просто моей мечтой. И будь у меня на руках документы, я не задумываясь отказался бы от работы в банке. Но по иронии судьбы, мечтая о Москве, я находился как раз на другом конце страны. Короче, я принял предложение.

Перед моим отъездом из Находки (нужно было вернуться в Красноярск, чтобы собраться и уволиться с моего номинального места в университете) Игорь поинтересовался, есть ли у меня жена или подруга. Я ответил утвердительно. «Тогда пусть свяжется со мной, мы устроим её в страховую компанию на хорошую должность». Я об этом даже не думал и лишь удивился такой опеке, тем более при отсутствии благодаря предстоявшей работе каких-либо финансовых затруднений. На мой вопрос, зачем ей работать, я услышал надолго запомнившийся ответ: «Женщины ходят на работу не для денег, а для общения».

Так в Находке я получил сразу всё то, от чего год тому назад отказался в пользу продолжения учёбы, плюс впервые почувствовал, что в таких решениях важно место семьи. Столь радикальные шаги не могут делаться в одиночку. Я давно заметил, насколько неполными смотрятся профессиональные автобиографии, когда из них исключаются воспоминания о семье и любимых. Считается, что это область личной жизни, не имеющая никакого отношения к профессиональным достижениям или провалам рассказчика. По-моему, это не так. Я весьма критически отношусь к творчеству Андрея Кончаловского,

а последние его фильмы, на мой взгляд, и вовсе из разряда заурядного, никчёмного ширпотреба. Но то, как он построил автобиографию через описание окружавших его женщин, то, с какой любовью и теплотой представил каждую, вызывает у меня искреннее восхищение. При отказе, говоря о себе, касаться чего-то интимного, личного остается скрытой важная часть жизни, ни рассказчику, ни нам не удается разобраться в каких-то порой весьма противоречивых и странных поступках.

Наверное, как и у многих, у меня складывались непростые отношения со слабым полом. Но удивительно, что все женщины, с которыми мне посчастливилось иметь близкие отношения, не только выносили мой несносный характер, а еще и очень помогали мне в моих безумных прожектах, никак не участвуя в самом принятии решений. Я никогда не советовался и не рассказывал о своих планах, а лишь ставил перед фактом и ожидал реакции. И всегда получал поддержку, даже вопреки их собственным планам и ожиданиям. Это отнюдь не красит меня. Скорее наоборот, показывает негативную сторону свойственной мне на протяжении многих лет частой смены работ и мест проживания. Скажу больше, самые нелюбимые поступки я совершал именно в отношении близких людей. И только на некоторой дистанции времени осознал, какой силой, сдержанностью, мудростью должна была обладать та молоденькая девочка, насколько любить, чтобы без лишних слов пускаться в авантюры со столь нелегким партнёром.

В те годы моей спутницей была Наташа Слизько. Познакомились, когда я учился на третьем курсе, она — на втором того же экономического факультета, но по специализации «финансы и кредит». Мы прожили вместе восемь лет и расстались только в 2000 году. А тогда, в 1995-м, она заканчивала пятый курс, и я, улетев один в Находку, сильно скучал. Бродил по сопкам, сидел на берегу моря и постоянно разговаривал с Наташей, как будто она была рядом и могла всё слышать. Помню, когда она прилетела, я опоздал ее встретить, просто не рассчитал время (ближайший аэропорт — только во Владивостоке, и до него надо было ехать 200 километров). С цветами выскочил на площадь. А она сидела на чемоданах, такая уставшая от перелета, в вязаной кофточке, накинутой на ею же сшитое платьице, и как-то неуверенно улыбалась. В этом было столько преданности, доверия и любви,

что на какое-то время я забыл о цветах. Когда они выпали из рук на землю, мы дружно рассмеялись.

Итак, я начал работать в банке «Находка». Сначала всё шло по привычному со времен ПромстройНИИпроекта сценарию. Изучал документы, сидел на совещаниях, разговаривал с людьми и регулярно встречался с Игорем Сиротиным. В банке его боготворили и боялись одновременно. Называли «папой», при этом в глазах видна была смесь страха и восхищения. Полностью седой к своим сорока, голубые глаза, орлиный нос, узкие, всегда сжатые губы, подтянутый, с военной выправкой. Сейчас его стиль общения, манеры я бы назвал путинскими. Небольшой рост и стремительная походка. Он буквально врвался в банк, подъезжая (о чём с гордостью говорили водители) на единственном на весь Дальний Восток, специально доставленном самолётом в Находку огромном последней марки роллс-ройсе. Проходил

**Наташа Слизько (слева) с подругой в университетском общежитии.
1991**

в свой кабинет, и банк погружался в особый ритм. Не надо было никого спрашивать, здесь ли «папа». Это было видно по испуганным лицам пробежавших с документами рядовых сотрудников, подтягивающим галстуки руководителям. Проницательный, буравящий взгляд, резкий стиль общения, с частыми прерываниями говорящего и вопросами, мгновенные реакции на услышанные реплики делали его очень сложным собеседником. Он невольно подавлял говорящего, и это вовсе не зависело ни от рассматриваемого вопроса, ни от компетентности, возраста, образования того, с кем он говорил. По большому счёту у него не было оппонентов. Помню, как на одном из совещаний он загнал главного бухгалтера в тупик вопросами о том, что такое бухучёт и что она в нём понимает.

Я не был исключением из общего правила. К счастью, мне приходилось много размышлять до этого о природе власти, и у меня уже был опыт общения с высшим руководством. Я сразу буквально ультимативно настоял на обязательной аудиозаписи наших разговоров. Кроме диктофона, еще и делал пометки в блокноте. Это помогало создать ситуацию отстранения от происходящего, что время от времени просто выводило Игоря из себя: «Ну что ты за человек? Я ору, а ты сидишь как каменный, и даже камнем это не назвать. Как можно так себя вести? Как?!». Потом я прослушивал записи, разговаривал по их мотивам с сотрудниками банка. Столь нехитрый приём очень помог мне тогда. Действительно, в личной беседе, под давлением столь харизматичной и одновременно невротичной личности многое просто не воспринималось, вытеснялось сначала взрывом эмоций, а потом физическим и эмоциональным опустошением. Аудиозаписи и навигация по ним, которую я осуществлял посредством дублирования высказываний на бумаге прямо по ходу разговора, структурировали коммуникацию, позволяли контролировать собственную позицию и — главное — задавать вопросы. Именно вопросами я создавал непривычную для Игоря коммуникативную ситуацию, поскольку в общении с остальными прерогатива спрашивать была только у него. Люди не решались выяснять у него что-то. Я же искренне пытался понять, чего он хочет, чего добивается от банка и что ему мешает достигнуть поставленных целей. Вот такие нехитрые вопросы. Наверное, тогда я начал играть роль скорее психотерапевта, нежели консультанта по управлению. Но это мне казалось так.

А для него это была игра в управление, тот самый ельцинский административный кураж проявлялся и здесь.

Игорь Сиротин вышел из среды комсомольских работников, и старшие, более влиятельные товарищи (ему всегда покровительствовал Валентин Завадников, впоследствии член правления РАО «ЕЭС России» и член Совета Федерации свыше десяти лет) поставили его смотреть за финансами, а под это дело организовали и банк. Забавно, но сам он не переставал повторять: «Я не банкир, я не считаю деньги. Я управленец, и с таким же успехом мог бы управлять птицефермой». Вот это представление об управлении как наборе техник манипулирования людьми и достижении посредством их знаний, умений и ресурсов поставленных целей составляли стержень его профессиональной идентичности. Похожая позиция легко считывается у многих крупных российских начальников. Подчиненные боготворят их и приписывают им всевозможные заслуги, мудрость и умение видеть недостижимые для простого смертного истины, на деле же харизма подпитывается здесь искусственным отграничением себя от содержательных размышлений, эдакой гигиеной мысли, когда налагается строгий запрет на любые толкования ситуации, а все ресурсы бросаются на систему отношений, коммуникацию. Это весьма любопытный феномен: обрезание когнитивной функции позволяет усилить коммуникативную и эмотивную, если описывать ситуацию в терминологии Новака.

Конечно же, таковы мои сегодняшние интерпретации. Тогда же я регулярно впадал в отчаянье, не понимал, что происходит, ругал себя и постепенно поддавался влиянию своего облеченного властью собеседника. Задача Игоря заключалась в том, чтобы переключить меня с содержательных вопросов на управленческие, как он это понимал. Ему нужен был человек, который внутри банка мог бы заменить его, со всей накопленной им харизмой, мог бы держать людей на грани нервного срыва и подпитывать банк энергией для, казалось бы, невозможных, но реализуемых дел. Может показаться странным, почему в качестве такого человека был выбран еще не сформировавшийся специалист, по современным меркам, считай, подросток (мне было тогда всего 23–24 года), человеку, которому следует не управлять, а идти в подмастерья, учиться у других. Но это вполне вписывается в распространенную

идеологию управления вне знаний, в своеобразный надсодержательный полёт коммуникативных практик, который теоретически подпитывался советскими методологами (Г. П. Щедровицкий, П. Г. Щедровицкий, С. В. Попов и др.). В Приморском крае их площадкой для экспериментов как раз и стал, о чем я уже упоминал, «Банк Находка».

Пока мне подыскивали квартиру в Находке, на месяц поселили в пансионате. Кроме меня из сотрудников банка там разместили начальника департамента автоматизации Вадима Михайловича Волкова и только что приехавшего из Питера специалиста по банковским автоматизированным системам Владимира Ряшина. Банк тогда закупил дорогую английскую систему полной автоматизации банковских операций Equation и занимался её внедрением. Лучших соседей трудно себе представить. С одной стороны, профессиональная специализация моих коллег позволяла обсуждать с ними алгоритмы управленческих решений при выполнении самого разнообразного функционала. Их техническое мышление и западные стандарты ведения банковских операций, транслируемые в новой системе, открывали широкие возможности как для понимания текущей ситуации в банке, так и для спонтанного обучения банковскому делу, о котором я до этого имел весьма поверхностные представления. Вместе с тем в личном общении у нас сложилось своеобразное «межпоколенческое трио». Мне на тот момент было чуть больше двадцати, Владимиру — за сорок, Вадиму Михайловичу — около шестидесяти.

Пансионат находился километрах в пяти от города. У Вадима Михайловича была машина, и это как-то организовывало нашу жизнь. Мы вместе ели, ходили в гости, выпивали, по вечерам очень много разговаривали. Вадим Михайлович, или Михалыч, как мы его звали, был самым большим балагуром и затейником в банке. Собирал коллекцию эротических игрушек и любил озадачить новенькую операционистку очередным сюрпризом. При этом всегда подводил какое-нибудь резюме под свои шутки, умел превратить смех в ненавязчивое поучение. Или афоризм: «Надо все делать быстро и криво, тогда, может быть, что-нибудь получится», «Если надумал разводиться, отдай бывшей супруге все, что имеешь. И тогда, увлечшись разбором имущества, она быстро забудет о тебе». В банке его любили.

И вновь, как и в ПромстройНИИпроекте, мне посчастливилось подружиться с инсайдерами организации. Через них я узнавал много дополнительной информации, получал шанс проверить собственные догадки, посмотреть, как работает аргументация до предъявления её моему главному оппоненту — Игорю Александровичу Сиротину.

Столь благостное вхождение в коллектив продолжалось недолго. Один из заместителей председателя правления уходил в отпуск, и исполняющим его обязанности назначили меня. Так в одночасье из человека с весьма странным набором должностных обязанностей (в трудовой книжке у меня стоит запись «специалист по проектированию управленческих процессов», которую я сам себе и придумал) я стал обладателем права первой подписи в банке с соответствующим набором полномочий. Впридачу получил служебный автомобиль с водителем, стол с кипой документов, вереницу посетителей, требующих незамедлительно принять то или иное решение. Во все это трудно поверить, поскольку подобное назначение лежит фактически за гранью здравого смысла, но для организационно-деятельностной игры событие вполне рядовое. А управление в банке и строилось по типу таких игр.

Моей областью ответственности была организация работы банка. Сюда входили курирование службы по управлению персоналом, график работы автотранспорта, отчасти охрана и инкассация, строительство нового здания и т. д. В общем, то, что, вероятно, и составляет основу организационного развития. Только теперь из статуса консультанта я перешёл в статус руководителя. Мгновенно рабочий день стал тотально занятым, вопросы были расписаны вплоть до минут. Решения требовалось принимать мгновенно, иначе возникала угроза экспоненциального накопления всё новых задач. И я ничего не успевал. Любопытно, что большинство задач были чисто рутинными. Принятие соответствующих решений предполагало лишь следование инструкциям и, возможно, здравому смыслу. Но никто не хотел брать на себя ответственность, поэтому количество бумаг, на которых должна была появиться моя визирующая подпись, неуклонно возрастало.

Сначала меня охватила паника, но довольно быстро я взял себя в руки. И помогло в этом всего лишь одно правило, усвоенное из общения с Игорем.

Я не пытался сам разобраться в существе той или иной проблемы, а требовал детального объяснения ситуации, как если бы я был абсолютно сторонним человеком. Вначале это вызвало бурю негодования. Ко мне приходили за формальной подписью, а я просил объяснить суть документа и только после этого подписывал или отдавал на исправление. Конечно, процесс принятия решений существенно замедлился. Но это было лишь полбеды. Начали возникать конфликтные ситуации, когда я обнаруживал, что существующие в банке практики отклонялись от утвержденных регламентов. Одним из самых больших конфликтов стала задержка выплаты зарплаты всему коллективу на пять дней, которая произошла из-за моего отказа подписывать ведомости. В условиях инфляции это было немыслимое своеволие, и главный бухгалтер поначалу просто не верила своим глазам. Но я настаивал (в существе вопроса разобрался лишь позднее), и коллеги вышли из положения, срочно вызвав из отпуска другого заместителя, чтобы выплаты стали возможными. Это был летний месяц, и я оставался в банке фактически единственным человеком с правом подписи на такого рода документах.

Суть же конфликта состояла в следующем. Когда мне принесли ведомости всех управлений и отделов, я обнаружил странное завышение выплат сотрудникам бухгалтерии по сравнению с работниками других подразделений. Занимая те же позиции в квалификационной сетке, они получали зарплату в среднем на 30–50 % больше, чем другие. А главный бухгалтер и её заместители получали больше первого заместителя председателя правления. Я попросил принести штатное расписание и сетку окладов. Согласно этим документам, таких расхождений быть не могло — как по специалистам, так и по руководителям бухгалтерии. В банке действовала унифицированная система оплаты труда для всех сотрудников. Зарплата главного бухгалтера должна была быть такой же, как у заместителей председателя правления и ниже первого из них. Именно эту ситуацию я и потребовал объяснить, но не получил вразумительного ответа.

Позднее, разбираясь с документами, я нашёл причину такого перекоса. Для оптимизации налогообложения оклады в банке были установлены небольшие. Основная часть заработной платы состояла из процентов на депозиты, которые размещались на каждого сотрудника. Депозиты

были открыты единовременно, приказом по банку, когда на счета сотрудников поступили два или три их оклада. При этом были установлены большие проценты, примерно 300–400 % годовых, что и позволяло уходить от налогов на фонд оплаты труда. Перед тем как был подписан приказ, вся бухгалтерия задержала себе выплату зарплаты, и у них на счета поступили также и средства образовавшейся задержки. Это и привело к увеличению депозитов сотрудников бухгалтерии и фактическому перекосу уровня их оплаты труда, хотя по нормативным документам в банке была установлена единая для всех шкала.

Конечно, эта ситуация была известна Сиротинину. И отчасти наличие таких «шалостей» и допущенных отклонений давало ему дополнительные рычаги управления, сохраняло лояльность в куда более щепетильных вопросах. Поскольку мне это не объяснили, то я, следуя букве закона, не стал подписывать ведомости. Видимо, моя позиция пришлась по душе Игорю, поскольку через неделю после инцидента ко мне подошла отвечающая за начисления оплаты труда заместитель главбуха, с которой у меня был максимальный по накалу конфликт, чтобы урегулировать ситуацию. Она сказала, что нам всё же вместе работать и лучше на будущее как-то договариваться в более спокойной атмосфере, а если у меня будут какие-то вопросы, то она постарается их разрешить. Такой шаг с её стороны мог быть сделан только после разговора с Игорем. Я тогда ликовал, поскольку моё упрямство было оценено и руководители подразделений начинали воспринимать меня не просто как носителя подписи, а как руководителя, принимающего решения.

Мой ритм жизни стал совсем другим, чем раньше. Питаться я стал в ресторанах, перемещаться только на служебной машине, наверное, изменилась и манера поведения. Приходилось быть более резким, подчас грубым, поскольку не всегда ощущение времени подчиненных совпадало с моим собственным. Там, где люди хотели поговорить подольше, я мог уделить им не больше пяти-шести минут. В результате я не только понял, но и почувствовал, буквально пережил всю двойственность положения «большого начальника». С одной стороны, очень большая свобода в реализации собственных идей, власть, переходящая в ощущение личной незаменимости. С другой — растрата времени на мелочёвку, обилие ненужных операций и согласований,

отнимающих время от решения более важных вопросов. По существу, руководитель высшего звена занимался в банке оперативным управлением, а на стратегические задачи у него не оставалось ни времени, ни сил.

Так прошёл месяц. Вернулся из отпуска Иван, должность которого я замещал. Но приказ о его выходе на работу так и не подписывался. Прошла еще неделя. Иван слонялся без дела, как-то растерянно улыбался, но не решался напроситься на приём к Игорю. К слову, никто в банке, за исключением двух-трех человек, не рисковал сам заявлять о себе высшему руководству. Ждали, пока их вызовут, и Иван не был исключением. Тогда я пошёл к Игорю и сказал, что человек вернулся из отпуска и надо принимать по нему решение. «Ты действительно хочешь, чтобы я подписал приказ?» — «Да, хочу». — «Хорошо».

Я намеренно передаю практически дословно этот разговор, чтобы показать особенности игры с формальными правилами и неформальными отношениями, которые регулировали едва ли не всё в банке. От меня ожидалось, что я пойду на некоторую неформальную сделку, покажу, что могу продолжать занимать должность, перешагивая через человека. И это не столько этический вопрос, сколько некоторая форма организации деловых отношений, которую я впоследствии наблюдал и в других местах. В основе её лежит нивелирование нормативной документации до уровня неформальных договоренностей. Фактическое, реальное состояние дел помещается в некоторую теневую зону недосказанностей и недомолвок, взаимных соглашений и обязательств, которые не прописываются в документах. В такой системе на первое место выходят лояльность, доверие и преданность, а не вопросы оптимизации, производительности или эффективности. Именно здесь я вижу скрытую, латентную природу коррупции как элемента вывода в тень важнейших решений. «Мы-то знаем, как все обстоит на самом деле», — слоган менеджмента негласных условий, выполнение которых позволяет вести двойную игру в больших социальных группах, не подвергая себя излишнему риску. Если открываются какие-либо недочёты или провалы в такой организации, то ответственность не распространяется вверх, поскольку негласное решение принималось на более низком уровне, в соответствии с неформальными правилами и нормами.

Конечно, в моём случае нет оснований говорить о коррупции. Я лишь обращаю внимание на схожую природу этого явления и той ситуации недосказанности, с которой столкнулся и не захотел быть её соучастником. Вне сомнения, по установленным правилам игры я должен был оставаться в должности «как бы» своим, завуалированным в организационной игре решением. И отказ от этого мне достался нелегко. Когда я выпал из сферы высшего руководства и вновь занял странную позицию «специалиста по проектированию управленческих процессов», то чуть не завыл от бессилия и не востребоваемости.

Вместе с тем втягивание в статус «большого начальника» произвело на меня сильный эффект. Именно тогда я наиболее остро почувствовал нехватку образования, потребность учиться, осваивать профессиональные навыки и умения. В это время как раз заканчивала аудиторскую проверку банка очень известная консалтинговая компания Price Waterhouse (входит в тройку мировых лидеров управленческого и финансового консалтинга). Их финансовые и управленческие отчеты, выполненные на немыслимом тогда у нас международном уровне, были абсолютно неконсистентны с идеологией Игоря. Я читал и хотел учиться, хотел содержательных задач, хотел Учителя. Не ставя Игоря в известность, пошел в кредитный отдел (а поскольку мои полномочия это позволяли, ни у кого не возникло вопросов) и составил схемы принятия кредитных решений. Согласно проведенному экспресс-мониторингу, выявил зоны риска. Формальные правила принятия решений о кредитовании были лишь прикрытием для иных схем. В финансовом же плане именно эти схемы образовывали основные денежные оттоки. Другими словами, крупнейшие заёмщики банка получали свои средства по серым схемам, в обход утвержденной кредитной политики и внутренних регламентов. Такая ситуация ставила под вопрос само существование банка не только в среднесрочной перспективе (что может себе позволить кредитное учреждение), но чуть ли не еженедельно, ежедневно. Накопился огромный портфель чрезвычайно рискованной дебиторской задолженности, которую, как было ясно уже тогда, просто невозможно получить назад.

Я подготовил отчет и пошел с ним к Игорю. И натолкнулся на истерику, получил в ответ форменный скандал: «Куда ты полез?! Я за этим взял тебя в банк? Что ты смыслишь в кредитовании? Это не твоё дело!» Но уверенность в том,

что моим делом является именно изучение организационных схем и механизмов принятия решений, различение нормативных документов и фактически реализуемых практик, а также оценка рисков, только окрепла.

После разговора с Игорем я провел несколько встреч с руководителями департаментов. И узнал еще более мрачную новость. Кроме дебиторской задолженности у банка уже образовалась и большая кредиторская. Масштабное, многомиллионное (в долларовом эквиваленте) строительство требовало привлечения всё новых финансовых средств. И руководство банка пошло на беспрецедентный шаг — решило сыграть в рулетку с населением. Были объявлены умопомрачительные ставки по депозитам и вкладам. Условия в разы превышали то, что предлагалось на рынке другими финансовыми операторами. Причем привлечение на таких условиях денежных средств населения не было ничем обеспечено — более того, банк начинал входить в предбанкротное состояние, переструктурируя долги с крупных инвесторов на население. Не нужно быть финансистом, чтобы увидеть в этом ничем не прикрытое обворовывание жителей своего же города.

В этот момент примерно половина руководящего состава банка подала заявления на увольнение. К ним присоединился и я. Можно было представить мое решение в выигрышном свете — что я принял его только исходя из беспрецедентного факта, о котором узнал. Да, это был весомый аргумент. Но все же когда я шёл с написанным заявлением об увольнении по собственному желанию, то думал не только об этом, но и о последней, решающей возможности как-то изменить ситуацию, повлиять на корректировку стратегии, может быть, усилить иные способы привлечения капитала (например, тогда банк начинал играть на международных валютных рынках). Здесь вновь вспоминается Мамардашвили с его суждениями о «предельной позиции». Для меня вопрос стоял настолько серьезно, что делалась «предельная ставка» для любого рабочего места — увольнение. В общем, я не могу сказать, что руководствовался основным мотивом, связанным с тотальной несправедливостью. Скорее я видел, что складывающаяся ситуация необратима для самого банка. И сделанный шаг для использования населения как основного кредитора — это даже не этически, а экономически неоправданное решение. Но разговор оказался коротким: «Ах, ты так со мной...

Но и я так же поступлю с тобой!» Игорь тут же подписал заявление и распорядился, чтобы я был мгновенно уволен. Уже на второй день я получил все документы и выходное пособие, сумма которого была настолько внушительной, что позволила мне жить почти год в Красноярске, зарабатывая гроши.

Банк после этих событий просуществовал недолго. Собрав сбережения практически всех жителей Находки, он был объявлен банкротом. В прессе прошла череда скандалов и журналистских расследований, следы которых до сих пор можно обнаружить в интернете. Большинство исков вкладчиков к банку «Находка», насколько я знаю, удовлетворены не были. Речь могла идти лишь о частичном погашении задолженности, полностью нивелируемом инфляцией. Как-то уже во времена моих занятий социологией, проходя по Арбату, я столкнулся с Игорем. Мы поздоровались. Он улыбнулся: «Скоро все переберутся в Москву». На том и разошлись. После банкротства, вовремя выведя активы, Игорь создал банк «Москва» (не путать с куда более известным Банком Москвы!). Это небольшой коммерческий банк, обслуживающий интересы нескольких юридических лиц, работает до сих пор, несмотря на множественные реорганизации банковской системы, в основном направленные на укрупнение капиталов.

В начале 1996 года я вернулся в Красноярск. У меня на руках был паспорт с находкинской пропиской. Военный билет мне сделать не успели, а я, не думая о последствиях, разорвал все отношения с работодателем. Соответственно, наши договорённости приостановили, но, видимо, не предупредили никого в военкомате. А там, не зная, что делать, просто решили заморозить моё дело до лучших времён. Меня не призывали, но и военный билет не выдавали. Весной я прилетал для прохождения медкомиссии. Послonyaлся по кабинетам, был признан ограниченно годным по зрению и отправлен назад с обезкураживающим: «Ожидайте, вам всё сообщат». Не сообщили.

В Красноярске я снова пошел работать в ПромстойНИИпроект, но дела там как-то не заладились. Спасибо директору, он помог первое время с жильём, однако задач по реорганизации института уже не стояло. Валерий Анатольевич увлёкся собственным оценочным бизнесом, в котором у него были значительные успехи.

В институте вышел занятный казус с записью в моей трудовой книжке. В отделе кадров я придумал себе должность с лаконичным, но ёмким названием — «методолог». Устраивался я на три месяца по контракту (прописка была не местная). Мне покивали, но когда я забирал трудовую книжку, то обнаружил, что вместо «методолог», вписана более скромная позиция «методист». С тех пор предпочитаю только так именоваться и всячески избегаю людей, называющих себя методологами. В России это слово давно стало «амёбным», и под ним зачастую подразумевается весьма отвлеченная от методологии самоидентификация.

После этого контракта устроился на работу в Российско-американский центр поддержки малого предпринимательства, созданный как совместный проект Красноярского и Вашингтонского университетов. С этого момента я уже работал без трудовой книжки, и последующая запись в ней появилась только в 2002 году. Миссия центра заключалась в консультационной поддержке предпринимателей, только начинающих свой бизнес. Американцы организовали систему обучения и сертификации консультантов, но, пожалуй, самым ценным для меня оказалась небольшая библиотека, которую составили мануалы по организации разного рода бизнесов. Я такого ещё не видел. Самые незначительные начинания описывались с полной детализацией: как организовать продажу машин, наладить поставку запчастей и ремонт автомобилей, создать семейный ресторанчик, фирму по мойке окон и т. д., и т. п. Материалы были структурированы по типу классического бизнес-плана, но с более детальной разбивкой и пошаговыми инструкциями, как и что делать. Для получения сертификата консультанта и в качестве эксперимента, выполняя предписания одного из таких сборников, я организовал продажу цветов в ресторанах (именно этой опции было посвящено 300-страничное издание). На волне первых цветочных авантюр мы создали Красноярскую ассоциацию молодых предпринимателей, в задачи которой и входили поддержка и развитие молодежных инициатив в бизнес-сфере. В общем, мало-помалу оживал и включался в работу.

В это время в Красноярск приехали консультанты американской консалтинговой компании Carana Corporation, точнее, её московского офиса. Они проводили тренинги по финансовому менеджменту и предложили мне

в качестве стажировки две недели поработать на Новосибирском оловокомбинате. Я поехал. Разбирался с балансами, отчётами о прибылях и убытках, пытался строить какие-то зависимости. Позднее, через пару месяцев, оказался на несколько дней в Москве на конференции по управлению. Неожиданно позвонила Рита Зайцева, одна из участниц работы в Новосибирске, и сказала, что в «Каране» (Carana Corporation) есть вакансия консультанта, и я могу поехать на собеседование и для сдачи экзамена.

Пройдя все испытания, я получил должность консультанта и уже через неделю перебрался в Москву. Наташа приехала примерно через полгода, а уже через год я устроил её в бухгалтерию компании. Она и сейчас там работает финансовым директором. Хотя сотрудниками «Караны» были в основном приезжие, некоторый налёт московского снобизма там всё же присутствовал. Когда брали на работу, уточнили, какой вуз заканчивал. Реакция была примерно такой: «Высшее, экономический Красноярского университета. Понятно, с натяжкой можно записать бакалавром». Или как-то московская коллега совершенно искренне, обернувшись к нам, проговорила: «Надо же, толковый парень... хотя и из Саратова». Но именно это и мешало москвичам быстро расти в компании. Изначально высокие ожидания и неготовность москвичей идти на любые условия работы создавали для нас, приехавших из других мест, дополнительные конкурентные преимущества.

Так начался самый мобильный период моей профессиональной карьеры. Жилья поначалу не было, но я и не стремился его снимать, поскольку компания оплачивала проживание в гостиницах. С каким-то маниакальным азартом я менял одну гостиницу на другую, останавливаясь в каждой не более чем на три-четыре дня. Особенно мне нравилось жить в старой, неотреставрированной части гостиницы «Москва». Было что-то чертовски привлекательное в скрипучих паркетных полах, старой мебели, двустворчатых дверях...

Но такая вольница проживания была возможна только в Москве. Однако основная работа проходила в регионах: Санкт-Петербург, Петрозаводск, Тюмень, Сургут, Нижний Новгород, Великий Новгород, Казань, Орел, Новосибирск, Пермь, Владивосток. Я вёл семинары по управленческому учёту, анализу кредиторской и дебиторской задолженностей, бюджетированию.

Они готовились по мотивам консалтинговых проектов, которые мы же и реализовывали. Приезжали на предприятие на три-четыре недели, и за этот срок нужно было, проанализировав финансовую отчётность и проведя групповые интервью с руководителями (одновременно несколько интервьюеров), поставить диагноз и предложить рекомендации. Поскольку сроки были предельно сжатые, а неопределенность слишком большой, мы постоянно находились в крайнем эмоциональном напряжении. В рабочее время ходили по кабинетам, а после уже между собой обсуждали собранные материалы. Сложность заключалась в том, что в общем-то неопытные и плохо разбирающиеся в ситуации люди извне давали советы руководству компаний. У меня никогда больше не было столь напряжённого графика. Когда уже учился в Шанинке, многие одноклассники жаловались на череду дедлайнов и большое количество эссе, которые требовалось сдать за определенный срок. А мной Шанинка после «карановской» работы воспринималась как сущий курорт: студенческая отчётность не идет ни в какое сравнение с жёсткостью требований и уровнем ответственности в консалтинге.

Круг вопросов, которые приходилось решать в командировках, условно можно разбить на две части. В первую входили финансовая оптимизация, расчёт рентабельности и маржинальной прибыли, определение эффективности в управлении активами. Доставшаяся с советских времён жесткая специализация экономических служб и бухгалтерии приводила к плачевным результатам. Специалисты не выходили за рамки своих узких целей, а руководители, отвечающие за финансовое положение организации, плохо разбирались в азах управления капиталом. Вторая часть вопросов включала уже человеческие интересы. У каждого отдела, руководителя, группы специалистов были свои представления о правильном и неправильном. Если никто в организации не пытался согласовать эти представления, возникали конфликты, что снижало общую эффективность бизнеса. Правда, порой мы попадали в ситуацию, когда формально консультантов приглашали организовать систему управления запасами, а на деле запрос был на обоснование снятия с должности того или иного влиятельного начальника.

Успешность наших действий заключалась в разработке системы решений для бизнеса и в построении убедительной аргументации, позволяющей

отстаивать эти решения на совете директоров или в узком кругу собственников. Для этого следовало сопоставлять финансовые данные и оценки ситуации руководителями подразделений и ведущими специалистами, создавать некоторую модель, позволяющую доступную и весьма ограниченную информацию делать пригодной для принятия управленческих решений. Так, анализируя финансовую отчетность — балансы и отчёты о прибылях и убытках, мы пытались показать, что даже на весьма несовершенной информации, построенной для совсем других целей (для оптимизации налогообложения), можно с учётом всех допущений строить вполне правдоподобные, а главное, полезные для бизнеса прогностические или аналитические модели.

Директором нашей компании в те годы был Юра Удальцов. Поскольку у нас было много проектов в энергетике и в какой-то момент «Карана» выступила чуть ли не основным бизнес-игроком в реформировании российской энергетической системы, Юра вскоре занял один из руководящих постов в РАО «ЕЭС России», а затем вместе с командой Чубайса перешёл в Роснано. Я пересёкся с ним год назад на заседании Открытого правительства под председательством Михаила Абызова, нашего министра без портфеля. Та ситуация дает хорошее представление о специфике работы консультанта, поэтому кратко опишу заседание, на котором мы встретились.

Приглашены были заместители министров, крупные бизнесмены, аналитики. Нам раздали увесистые папки документов с повесткой дня, посвященной развитию конкуренции в России. Абызов пригласил к флипчарту Удальцова. В течение примерно получаса Юра рисовал графики, объяснял системные проблемы, указывал на основные узкие места. Наконец пришло время общего обсуждения. Народ вяло высказывался. И тут предложили выступить седовласому мужчине, кажется, замминистра здравоохранения. Он откашлялся и сказал, что приносит свои извинения, но ему по почте пришла другая повестка дня, а именно критерии и процедуры оценки эффективности работы госорганов, поэтому по обсуждаемому вопросу ему сказать нечего. По залу прошел шорох. И выяснилось, что всем пришла другая повестка, но никто не решился сказать об этом открыто. А выступление Юры выглядело так, будто он обдумывал его как минимум весь предыдущий вечер.

Одним словом, консалтинговая работа — это импровизация на грани шарлатанства, но требующая немалой подготовки. Я читал книжки, выписываемые в том числе из-за рубежа, но этого явно не хватало. Ощущение дилетантизма с каждым новым проектом лишь усиливалось. Последней каплей стал случай на семинаре в одной компании, когда подошла главбух и стала благодарить за услышанное, но я-то знал, что предлагаемые материалы имеют весьма невысокое качество и берут скорее формой подачи, нежели глубиной проработки и анализа. Тогда же возникли перебои с заказами, да еще руководитель нашей группы (на каждый проект выезжали три-четыре консультанта) Миша Давыдов, физик по образованию, ушедший в бизнес, сейчас руководит выставочным центром «Пермская ярмарка», повздорил с руководителем компании. В общем, возникла благоприятная ситуация, чтобы пойти учиться, и я стал рассматривать возможные варианты бизнес-образования. Приходил в Академию народного хозяйства, Финансовую академию, «Плешку» — и вот незадача: не мог найти себе подходящее место.

После разговоров с представителями бизнес-школ их уровень понимания экономической ситуации показался мне тогда очень низким. И дело было не в том, что они не знали чего-то такого сакрального, открывшегося мне в поездках по России. Напротив, каждый из профессоров много в чём был подкован и даже на презентационных встречах показывал, насколько сложным и многогранным объемом знаний он обладает. Но консалтинг учил другому. Информации бывает много. Она быстро превращается в шум, который уже на втором шаге размывает последние остатки здравого смысла. Искусство управления — это искусство вырабатывать решения с минимальным расходом ресурсов, в первую очередь информационных. Поэтому на проектах мы никогда не требовали от наших заказчиков каких-то сведений про запас, на всякий случай, чтобы глубже разобраться в предмете. Правило информационного минимализма: любые вновь запрошенные данные должны быть обработаны с разных сторон, а значит, каждый новый запрос — это обязательство перед заказчиком интерпретировать полученную информацию. Вот почему перед тем как собирать и накапливать данные, следует, во-первых, оценить свои возможности (прежде всего время), во-вторых, полезность этих данных для решения поставленных задач. Удивительно, но в бизнес-школах, даже с участием иностранных преподавателей,

Теодор Шанин. 2005

я не увидел базового принципа — идти от проблем, а не от опыта или знания, какими бы богатыми и значимыми они ни были. С пониманием проблем у тех, кто предлагал весьма дорогостоящее обучение, обстояло как-то туговато. Возникало ощущение, что начитанность и усердие в трансляции отработанных схем закрывали перед ними богатую и фантастически динамичную бизнес-реальность, которую как раз и следовало бы изучать, конечно, опираясь на опыт зарубежных коллег.

В конце концов я остановился на бизнес-школе в Питере — ЛЭТИ-Лованиум. Обучение годичное, читалось всё на английском зарубежными преподавателями, стоило чуть более четырех тысяч долларов. Поехал, сдал экзамены и уже был готов заключить договор, но споткнулся на одном пункте.

Наша российская администрация установила свою форму расчёта, согласно которой, если рубль будет продолжать падать, то стоимость обучения останется неизменной, если же укрепится — она будет пересчитана в соответствии с новым курсом валюты. Это меня тогда здорово возмутило. Планируя жить в другом городе без доходов целый год, я должен был еще идти на валютные риски. Сразу подписывать договор не стал. Думал. И тут совершенно случайно наткнулся на сайт МШСЭН, Московской школы социальных и экономических наук, руководимой Т. Г. Шаниным (она же Шанинка). Приехал посмотреть и был так ошарашен библиотекой, что уже не думал ни о каком бизнес-образовании. Что меня исходно заинтересовало? Но я не могу говорить о каком-то конкретном интересе. Просто я физически не мог иначе, мне было нужно, остро необходимо здесь находиться.

Вступительные испытания на бесплатное место я провалил, поскольку ничего не смыслил в социологии, но цена коммерческого обучения была вдвое ниже, чем в любой российской бизнес-школе. И хотя две тысячи долларов представляли по тем временам весьма приличную сумму, я уже мог достаточно уверенно планировать расходы на предстоящий год.

Коллеги смотрели на меня как на сумасшедшего. Надо было быть полным кретином, чтобы отказываться от уже приобретенных навыков и инвестировать в профессию, которая в будущем будет приносить на порядок меньше доходов. С точки зрения возврата инвестиции четыре тысячи долларов в бизнес-школе давали реальную отдачу, две тысячи в Шанинке могли рассматриваться только как «утопленные» расходы. Но тогда мне были безразличны денежные доводы. Я просто хотел здесь учиться и не нуждался в каких-то дополнительных аргументах. И выбирал не профессию, а просто жизнь.

4

Погружение в социологию

Рациональное обучение. Обретение наставника. «Я сотворил себе кумира». Эшелонированный порядок научного знания. Принципы научной работы по Батыгину. Очарование личностного знания. «Ненависть лучше любви». Ученическое послушание. Доминанта фальсификационизма, или Мир попперовской идеологии опровержений. Крымский опрос 2014 года. Разногласие с Андреем Алексеевым. Любовь к библиографии. Ленинка. Ничего не читать на русском. Теодор Шанин.

Дима, точнее не скажешь: судьба... Теперь очевидный вопрос: как Вы входили в этот новый мир? Какой оказалась реальность? Один из моих любимых анекдотов от Юрия Никулина: Из города А в город Б по однопутной выехал поезд. В то же время из города Б в А вышла дрезина. Но они не встретились. Почему? Не судьба...

К обучению я подошёл предельно рационально. У меня не было времени на неспешное и вдумчивое изучение материала, поэтому с первого дня стал неукоснительно придерживаться трёх правил. Во-первых, не читал ничего, что выходило за рамки предлагаемой по курсам литературы и того, что рекомендовали преподаватели в ходе устных консультаций или переписки. В хендбуке (обязательном документе на всех факультетах Шанинки, регламентирующем учебный процесс) были представлены программы всех курсов, в которых по темам выделялась основная и дополнительная литература с указанием страниц. Как бы мне ни хотелось, ни было любопытно читать больше, как бы ни увлекала книга, я останавливался и пытался

понять представленный сюжет исключительно из наличного материала. Во-вторых, после каждой темы формулировал вопросы на уточнение и обязательно задавал их преподавателям или своим сокурсникам. В них я видел источник знания, не менее значимый, чем то, что получал на лекциях или прочитывал в книгах. В-третьих, я запретил себе интересоваться чем-либо ещё, кроме вопросов, разбираемых на занятиях. Со стороны это должно было смотреться диковинно. В метро, на улице, в столовой, дома, где бы то ни было, при любых обстоятельствах я обсуждал только социологические сюжеты. Здесь не было личной выдумки, озарения или безумной тяги к знаниям. Я всего лишь прагматично применил те навыки, которые были выработаны в консалтинге, когда требовалось за очень короткий срок разобраться в абсолютно чуждой и неизвестной проблематике. Отличие было лишь во времени — вместо нескольких недель почти календарный год. Неудивительно, что интенсивное чтение литературы и многочасовые размышления вскоре позволили мне уже наравне с коллегами участвовать в обсуждениях и порой задавать тон в тех или иных дискуссиях.

В то же время любое маниакальное упорство — а нельзя иначе назвать такую практику — имеет свои негативные последствия. Я всё больше стал отдаляться от Наташи. Она не могла поддерживать мои разговоры (да и своих забот ей наверняка хватало), а я потерял всякий интерес к чему бы то ни было, выходящему за рамки магистерской программы. Кроме того, я влюбился в другую, чертовски обаятельную и талантливую девушку, которая увлекалась моими бесконечными вопросами и, обладая немалыми знаниями, помогала мне с ними разбираться. Пока я учился, сохранялся status quo в наших отношениях с Наташей. Но когда получил диплом и напряжение схлынуло, осознал, что всего за год мы стали чужими и уже не можем быть вместе. Помня слова Михалыча, в какой-то день закрыл дверь год назад купленной квартиры и уже больше не вернулся. Это было непростое решение. Когда расстаёшься с близким человеком, предаешь прежде всего себя, отказываешься от прошлого, от чего-то чрезвычайно значимого и важного, разрушаешь свой мир... С Наташей у нас до сих пор очень хорошие отношения. Мы иногда встречаемся в каком-нибудь ресторанчике и просто болтаем. Слава богу, невменяемость и маниакальность не стали моими приобретенными чертами, и больше подобных учебных экспериментов я над собой не ставил.

При поступлении в Шанинку мне были известны имена Ядова и Заславской, готовясь к вступительным, я познакомился с публикациями Радаева. Каждый слушатель при поступлении в Шанинку сам выбирает для себя курсы. В то время было четыре основных и шесть по выбору из шестнадцати, если память мне не изменяет; сейчас основных два, что отвечает идеологии британского образования, в котором именно магистрант несёт ответственность за выбор специализации и набор курсов. Когда я составлял программу обучения, то думал, что буду изучать экономическую социологию. Но после первой лекции Геннадия Семёновича Батыгина мои предварительные предпочтения и опыт перестали для меня что-либо значить. В это трудно поверить, и я не смогу точно передать то свое состояние. Сошлюсь лишь на один факт. С первых же слов Геннадия Семёновича: «Глубокоуважаемые коллеги, позвольте рассказать об эпистемологии без познающего субъекта» (так он начинал все лекции на нашем курсе), — я почувствовал, что передо мной Учитель, что я готов выполнять все его поручения, следовать всему, что он скажет, готов отказаться от всего, что было до этого. Придя домой, сказал Наташе за ужином, обыгрывая известное изречение, что нашёл себе кумира. И ни тогда, ни после я ни на один миг не усомнился в этом. Следуя попперовской логике, я обнаружил брешь в универсальном суждении «Не сотвори себе кумира» и тем самым сделал его более локальным и точным.

Вдруг разом реализовалась давняя, ещё со школы, мечта — быть рядом с наставником, которому можно служить, идеи которого можно развивать, которому можно посвятить жизнь. И в этом не было абсолютно никакой рациональности, оправдания, ограничения. Неожиданно я нашёл опору, объяснение, осмысление своих бесконечных метаний, предельную точку, к которой, как оказалось, шёл все эти годы. Социологическое знание для меня — предельно личностное. Я и сейчас слышу голос Геннадия Семёновича, размеренный и чуть приглушённый, с усмешкой, разрушавшей натужную серьёзность научных проблем, голос, который ставил любого стремящегося узнать (а не просто полюбопытствовать) в равную позицию, позволял быть собеседником и соавтором, дерзать, спрашивать, узнавать: «Наука делается на передовой, в лаборатории, младшими научными сотрудниками. Затем разворачивается эшелонированный порядок учёных званий и должностей, создающий статусные позиции: научный сотрудник, старший научный сотрудник,

Г.С. Батыгин ведёт методологический семинар. 2002

ведущий научный сотрудник, главный научный сотрудник. И мы можем догадываться, что зачастую нет более далёкой от научной работы позиции, чем звание академика, забывшего о переднем крае, об исследовании и эксперименте». Шанинка, социология, профессия — это всё для меня Батыгин. Встреча с ним — самое важное событие моей жизни. Так много эпизодов, разговоров, переживаний связано с Геннадием Семёновичем... Собственную биографию я склонен во многом рассматривать как своего рода комментарий к биографии Батыгина, как один из эпизодов, которые могут показать его вклад в российскую социологию. А этот вклад, я убежден, — самый весомый в области методологии и один из наиболее значимых в вопросах этики и истории социологических исследований.

С самого начала нашего знакомства Батыгин стал для меня единственным адресатом. Сейчас физически это невозможно. Но перечитывая его работы, представляя чуть ссутулившуюся фигуру в чёрном строгом френче или кожаном пиджаке, руку у бороды, ироничный, внимательный взгляд, я продолжаю этот диалог. Поэтому для начала постараюсь тезисно сформулировать главное, что стало возможным, открылось мне в этом общении с Геннадием Семёновичем, что связывает моё настоящее со стремительно отдаляющимся прошлым. Не могу поверить, что после ухода Батыгина прошло больше десяти лет. Итак, о главных принципах научной работы по Батыгину.

Во-первых, доминанта личностного знания во всём, что имеет отношение к научной работе. Красота аргумента, стройность теоретической конструкции, изящество экспериментального плана — всё это лишь вторичные признаки индивидуального, человеческого начала.

Не знаю почему, но первые недели обучения я всё не мог собраться с духом и подойти к Батыгину, чтобы посоветоваться о возможной теме эссе (по курсу методологии, который он читал в Шанинке, предполагались в качестве отчетности сдача экзамена и написание двух эссе). Он очень много времени проводил в библиотеке: за стареньким компьютером, отвечая на почту, просматривая библиографические списки (к этому я еще вернусь), с кем-либо разговаривая. Несмотря на всю свою рациональность, я робел и откладывал разговор. Наконец одна девушка, видя мою нерешительность, буквально подтолкнула меня к Батыгину: «Вот же он сидит. Подходи. Так и будешь вечно продумывать тему и ничего не надумаешь». Я подсел с предельно открытым вопросом: «Что делать?» И Геннадий Семёнович протянул мне только что вышедший в издательстве Routledge сборник работ Майкла Полани о личностном знании. Кажется, под редакцией Агасси, но могу ошибиться. Потом, в Ленинке, я читал уже перевод Полани под редакцией В. Лекторского. Но что было принципиальным для батыгинского стиля — это запрет на собственные интерпретации основного источника, на любые импровизации с любыми смыслами до ознакомления с корпусом критики. Вышедшую в начале 1950-х годов работу я сразу открыл через критику исследователей конца XX века. Это стало моим вхождением в методологию. Но и сейчас вопрос о том, как возможно личностное знание и как

конструируется научное мышление в социальном мире, абсолютно не приспособленном для этого, пожалуй, центральный для меня.

Вопрос об особенностях личностного знания отсылает к наиболее обсуждаемой и одновременно менее всего понятой теме — профессиональной этике исследовательской работы. Бесконечные разговоры о доверии, о необходимости профессионализации исследовательского ремесла, о стандартах качества и возможной сертификации исследователей, выходящих на рынок, сопровождаются тотальным безразличием к исследовательским процедурам, самому процессу накопления знания о социуме. А там, в интервьюерском труде, реализуются практики, весьма далекие от патетики выступлений на пленарных заседаниях различных социологических конференций. Вот уже больше года я как-то незаметно и естественно стал регулярно встречаться с коллегами для обсуждения методических вопросов. Сейчас мы перешли к еженедельному режиму рассмотрения десятков экспериментальных планов, в которые постоянно вовлекаемся. Вопросы этого года, а может быть, и нескольких последующих: «как стала возможной индустрия фабрикаций? Каким образом опросные технологии породили целый институт, поддерживающий мошеннические практики подтасовки и подделки эмпирических данных?» Попытки объективации исследовательского процесса, придания ему статуса «зеркала общественного мнения» приводят к исключению возможности экспериментальной работы, поскольку многие основные участники накопления знания о социуме (я говорю прежде всего об интервьюерах) просто вынесены за скобки таких дискуссий. Перед нами не что иное, как замена личностного знания экспертным.

Во-вторых, если говорить о принципах научной работы по Батыгину, это отказ от прерогативы интереса при выборе темы. Батыгин сформулировал эту максиму ещё более радикально: «Если вы находитесь перед выбором любить тему или ненавидеть, лучше остановиться на ненависти, тогда у вас появится шанс не разочароваться после первых неудач и остаться с темой достаточное для её освоения время».

Когда я начал писать второе эссе по методологии, Батыгин предложил подумать над теориями рациональности, доминирующими в научном мышлении

довольно длительное время, да и сейчас занимающими не последнее место в компендиуме социальных наук. Я читал книги, статьи, много консультировался, успел написать какие-то предварительные тексты. Подходил к концу март. Я начал формировать магистерскую диссертацию, связывая её с темой рациональности. И одну из встреч, к которой я основательно подготовился, Батыгин начал словами, от которых я, можно сказать, просто остолбенел: «Дмитрий Михайлович, подскажите, я в своём уме был, когда дал вам эту тему?» Еще раз повторю, у меня уже была написана треть диссертации, я погрузился в эти вопросы с головой и мог ожидать чего угодно, но только не такого начала. Удивление было настолько сильным, что я даже не нашёлся, что сказать. Геннадий Семёнович продолжил: «Научным сотрудникам летать надо низенько, иначе можно обгореть в стратосфере больших философских вопросов. Вот посмотрите, — и он протянул мне только что пришедший в библиотеку сборник о когнитивных подходах к тестированию опросного инструмента под редакцией Сеймура Садмена и Нормана Шварца⁶. — Займитесь лучше тестированием и пилотажем анкет».

Это в разы усугубило мои растерянность, удивление, протест, нежелание поверить в происходящее. Из всех курсов Шанинки, которые я выбрал, мне не нравился только один — «Методика социальных исследований». Его читала Ольга Михайловна Маслова, признанный в России специалист по пилотажу анкет, но, видимо, наши понятийные аппараты были сформированы в разных галактиках или обстоятельства сложились как-то неудачно для взаимопонимания. Из её лекций и рекомендованных ею статей я вынес только одно представление: если есть в социологии какая-то никчёмная, неуместная область знания, так это тестирование анкет и разработка инструментария для массовых опросов. В то время для меня это было безусловным фактом. Со всей прямотой я так и сказал Геннадию Семёновичу, и вот тогда услышал от него процитированную выше фразу: «Если вы находитесь перед выбором любить или ненавидеть предмет вашего исследования, лучше остановиться на ненависти». Это была настоящая проверка моих принципов послушания, с которыми я пришёл в Шанинку. Подавив в себе протест, закрыв глаза

⁶ Answering questions: Methodology for determining cognitive and communicative processes in survey research / Ed. by N. Schwarz, S. Sudman. San Francisco: Jossey-Bass Publisher, 1996.

на формировавшиеся в течение нескольких месяцев интересы, я начал читать статьи по новой теме и вникать в предмет, который вызывал у меня исключительно чувство неприятия и отвращения. Я и сейчас не испытываю восторга, когда занимаюсь тестированием анкет, но это моя профессиональная деятельность, и я знаю, какво проводить пилотаж, не мотивируя себя дополнительным интересом.

В-третьих, если продолжить разговор об усвоенных мною батыгинских научных принципах, это превознесение фальсификации (по Попперу) как основы любой претендующей на научность авантюры. «Предельная задача научного сотрудника — опровергнуть самого себя», — любил повторять Геннадий Семёнович. Попперовский пример с наличием хотя бы одного чёрного лебедя, опровергающего суждение, что все лебеди белые, и, напротив, невозможностью подтвердить такое универсальное суждение любым количеством белых лебедей, постепенно сформировал у меня привычку находиться в постоянном поиске опровержений. Мне часто приходится полемизировать с коллегами, считающими себя теоретиками или практиками опросной индустрии, и чрезвычайно редко удаётся поддержать критический стиль разговора. Несмотря на то что многие считают себя исследователями, оставившими далеко позади попперовские различия как утратившие силу неопозитивистские догматы, на деле они остаются искушёнными педантами, защищающими собственное невежество любыми доступными средствами (что, безусловно, не мешает им быть профессионалами в других вопросах). Трудно найти научного работника, кто бы говорил об отсутствии необходимости критического мышления, но ещё труднее найти того, кто пытается развивать такое мышление, защищает его от успокоительного соблазна увериться в надёжности и достоверности собственного знания. От искушения быть правым не спасают ни подготовка, ни опыт, ни приобретенные в исследованиях навыки и умения.

Весьма показательным событием весны 2014 года, всколыхнувшее обществоведов, — масштабный телефонный опрос (почти 50 тыс. респондентов на общероссийской выборке), который был проведен в тандеме ФОМом и ВЦИОМом за рекордные три дня. Тема опроса — мнения россиян о ситуации в Крыму. Кроме четырех социально-демографических

переменных — возраст, пол, образование и место жительства — респондентам задавались четыре содержательных вопроса:

1. Россия должна или не должна защищать интересы русских и представителей других национальностей, проживающих в Крыму?
2. Россия должна или не должна защищать интересы русских и представителей других национальностей, проживающих в Крыму, даже если это осложнит отношения с другими странами?
3. Вы согласны или не согласны с мнением, что Крым — это Россия?
4. Вы согласны или не согласны с присоединением Крыма к нашей стране в качестве субъекта Российской Федерации?

Тема весьма чувствительная для интеллектуального сообщества. Поэтому результаты опроса, показавшие доминирующее, не фиксировавшееся со времён советской власти единодушие в поддержке властей, были встречены неоднозначно. В адрес ФОМа и ВЦИОМа посыпались обвинения в «ангажированности». Казалось бы, обычная, нормальная реакция — отстаивание своей точки зрения. Вот только в качестве аргументов критически настроенные исследователи начали говорить о некорректности инструмента, о заведомом и осмысленном искажении данных, которое допустили полстеры.

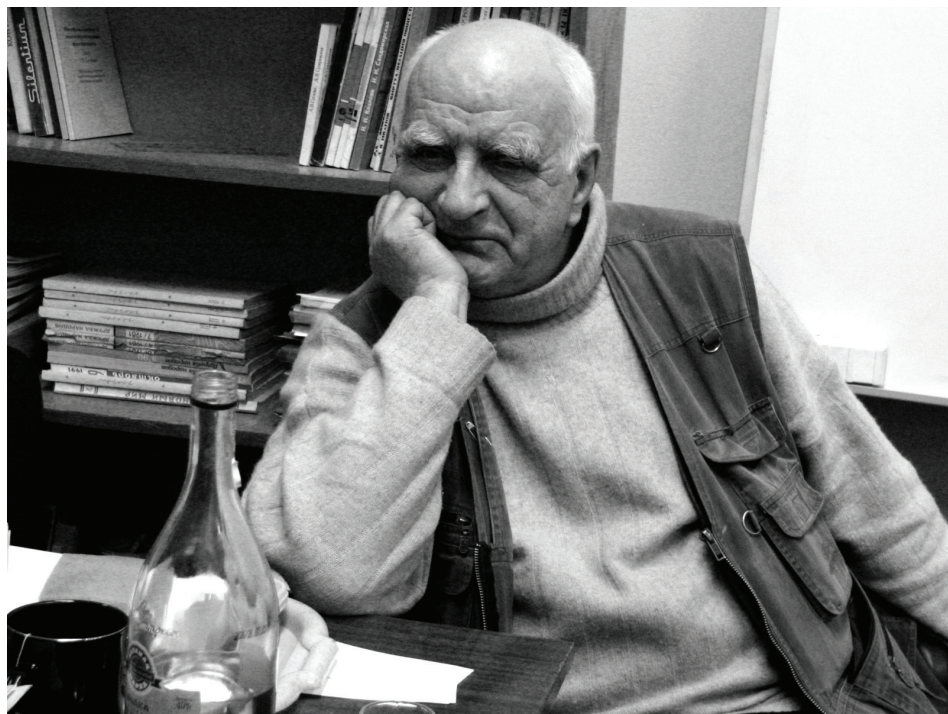
Так, Андрей Николаевич Алексеев в колонке на «Когита.ру» занял, на мой взгляд, позицию догматика, указывающего коллегам на их невежество, услужение режиму и нарушение элементарных этических норм: «азбучная истина эмпирической социологии», «грамотная опросная методика предполагает элементарное различие», «известно, что практически по любому вопросу принадлежность к той или иной социально-демографической группе является достаточно сильно действующим фактором»⁷. Хотя сами аргументы весьма слабы и если даже представляют некоторую «азбуку», то весьма индивидуальную и далеко не всеми разделяемую, но ответить на такую критику

⁷ Алексеев А. Н. «Крымский вопрос» как предмет «социологического обслуживания» и социологического исследования / Блог А. Н. Алексеева. 2014. 22 марта // Cogita.ru Общественные новости Северо-Запада [Электронный ресурс]: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/krymskii-vopros-kak-predmet-sociologicheskogo-obsluzhivaniya-i-sociologicheskogo-issledovaniya>. [Дата обращения] 27.03.2014.

нечего. Она построена на неприемлемой для научного сотрудника позиции человека, «знающего, как обстоят дела», и не допускающего тени сомнения в том, что его представления об опросном инструментарии могут расходиться с коммуникативными реалиями. Я с огромным уважением отношусь к Андрею Николаевичу (его исследование длиною в жизнь заставляет многому учиться), но в данном случае критик и обличитель социального зла взял вверх над методистом. В очередной раз в профессиональной среде закрепилось вынесение суждений о полевой работе без каких-либо попыток её реконструкции. Это тем более странно, что уж кого-кого, но только не Алексеева можно назвать человеком, далёким от эмпирических исследований. О чём безусловно свидетельствует данный случай, так это об отсутствии критической составляющей в подобном «методическом» разборе. Автору заранее известен исход, и его задача — убедить собеседника, отстоять свою априорную точку зрения.

Наконец, в-четвёртых, основа социального знания — это эксперимент, проектирование, реализация и анализ которого и составляют повседневный мир профессиональной деятельности научного работника. Когда в фонде «Общественное мнение» мы проводили экспериментальную запись стандартизированных интервью, Батыгин подошёл ко мне и в свойственной ему манере, сочетающей серьёзность и иронию, попросил: «Дмитрий Михайлович, позвольте мне поработать у вас интервьюером». У меня где-то сохранились записи двух интервью, которые взял Геннадий Семёнович. Можно много говорить о том, как делается наука, но достаточно один раз посмотреть на профессора, берущего стандартизированное интервью, чтобы, во-первых, уже не испытывать сомнений в теоретичности любого самого банального обмена репликами между интервьюером и респондентом, во-вторых, отказать в экспертности специалистам, рассуждающим о качестве исследования исключительно на основе собранных массивов данных.

Важно помнить, что «производство научных фактов» составляет не более пятой, а то и шестой части совокупного времени, которое уделяется научной работе. Основной, рутинный элемент любого исследования — это составление библиографических обзоров, скрупулёзный поиск всего

А. Н. Алексеев на Голофастовских чтениях в Санкт-Петербурге. 2006

опубликованного по выбранной тематике, который также должен выполняться в экспериментальной традиции. Лучший пример этого — трансформация библиографического обзора в систематический, к сожалению, редко практикующаяся в социальных науках.

Геннадий Семёнович как раз вёл у нас курс библиографии в социальных науках, причем не только транслировал принятые нормы и правила, но и рассказывал о личном опыте работы в библиотеках и архивах. Ленинка, как и многое другое, открылась мне через Батыгина. Я выделил субботы для работы в её залах и неизменно следовал одному алгоритму. Около часа разбирался с каталогами, выписывал нужные шифры. Затем, заказав в хранилище с десятков книжек, шёл в зал периодики и по каталогу спрашивал свежие номера журналов. Но основной, приносящей наибольшее удовлетворение деятельностью в Ленинке было другое. В конце

первого гуманитарного зала слева на стеллажах выставлялись коричневые «Книжные летописи» и голубые «Летописи журнальных статей». Я часами просматривал нужные мне рубрики и выписывал названия заинтересовавших статей. Монотонно, педантично перелистывал страницу за страницей. Медленный темп прочтения — и вдруг удача, неожиданно релевантная статья. Столько позитивной энергии я никогда больше не получал. Из Ленинки выходил уставшим, но одновременно полным сил, идей, с толстой тетрадью, исписанной ссылками на новые материалы, с выписками из прочитанного. Я захватил излёт бумажных технологий. Уже через несколько лет Ленинка начала активно внедрять электронные каталоги, а «летописи» изъяли из читального зала. Как-то разом надломилась привычная библиотечная повседневность. После того как я перестал обнаруживать «летописи» на своих местах, так и не могу собраться в Ленинку и довольствуюсь электронными базами.

Многим из моего поколения уже не нравились залы Ленинки, столы, деревянные ящички каталогов, фильмотека. Коллегам это казалось чем-то навсегда утратившим смысл, пережитком советского прошлого. Мне, напротив, очень близок дух именно старой Ленинки: особый запах, щелчки от включаемых зелёных ламп, шелест страниц, шёпот переговаривающихся пар, странные персонажи в подвальной столовой... Та библиотека — это мир научной работы, который открыл мне Батыгин.

В социологии Батыгин стал для меня безусловным авторитетом, мнения и суждения которого формировали профессиональную идентичность. Но в Шанинке тогда работал звёздный состав, не упомянуть о котором просто нельзя. Александр Фридрихович Филиппов, Александр Олегович Крыштановский и Вадим Валерьевич Радаев читали ещё три основных курса, соответственно историю теоретической социологии, анализ социологических данных и социальную стратификацию. Именно эти ученые воспринимались мною в качестве ведущих социологов, задающих тон в исследованиях. С их позицией я сопоставлял впечатления от работ других коллег. Конечно, и сейчас у меня смещённое представление о российской социологии, поскольку многих русскоязычных авторов я просто не в состоянии воспринимать. Есть исключения, но это лишь единичные случаи.

Видимо, реагируя на моё неприятие методики как таковой, Батыгин после смены темы наложил годовое вето на чтение мной профессиональной русскоязычной литературы. Как уже ясно из того, что говорилось выше, все его слова я воспринимал буквально и следовал им безоговорочно. Так что на русском в 2000 году я ничего не читал по методике. Базовым журналом для меня стал *Public Opinion Quarterly*, а главными издательствами — Sage, Routledge и Wiley. Это отразилось и на дальнейших текстах, публикациях. Не случайно оппонент по моей кандидатской работе Виктор Фёдорович Петренко после защиты признался: «Такое ощущение было, что иностранец написал. Я даже вначале подумал, что плагиат, перевод какой-нибудь работы. Очень вы меня удивили». Но по-другому и быть не могло. Я просто не способен форматировать текст в привычных для российского диссертационного жанра блоках: предмет, объект и метод исследования, научная новизна и апробация. Шанинка переключила мое внимание на другое, научила прежде всего ценить исследовательскую проблему, ухаживать за ней и пытаться как можно дольше удержать в нерешенном состоянии. Любое решение ошибочно, поэтому куда важнее хорошо сформулировать вопрос, нежели получить на него ответ.

5

В профессиональном поле Батыгина

Пропущенная лекция о триаде Новака. «Миф о качественной социологии». Защита докторской диссертации Виктории Семёновой. Любое интервью – это прежде всего разговор. Когнитивная традиция анализа опросного инструмента. «Теперь мы прославились, Дмитрий Михайлович» Александр Анатольевич Ослон и фонд «Общественное мнение». Ортодоксальное полстерство и методическая работа. Ученики Батыгина. Доминанта критики. Отсутствие робости перед авторитетами. Попперианский язык. «Методический цех». Надёжность данных. Этнографическая провокация. Судебное дело с гаишниками. Эффект интервьюера. Методология телефонных опросов. Параданные. Разработка корпуса ошибок массового опроса. Анализ больших массивов. Защита кандидатской диссертации. «Мы можем об этом поговорить в кулуарах». Спасительная метафора Ядова о шашке в ножнах. Несостоявшееся сотрудничество с Левадой. Неприятие и отторжение Косолапова. Мои любимые женщины. «Если мы не сможем сфабриковать справку о работе, чтобы получить доступ в библиотеку, какие мы исследователи?» Легализация и обретение гражданства. Жизнь в уссурийской тайге. Молодёжный проект с Рольфом Швери. Открытость молодёжных организаций.

Я понимал, что мои «простенькие» вопросы могут вызвать у Вас множество ассоциаций, и надеялся на развернутый ответ. Но действительность превзошла мои ожидания, и я Вам благодарен за это. Ваш ответ дает больше, чем собственно конкретную биографическую информацию: он содержит описание траектории перехода молодого человека из одного социального пространства в другое. Можно много рассуждать об уникальности или типичности этой траектории, но это потом...

Я часто разбиваю длинные ответы моих собеседников, вставляя дополнительные вопросы и тем самым обозначая конец одного ответа и начало нового. Но Ваш ответ хочу сохранить полностью. Правда, задам ряд вопросов по тому, о чем Вы написали.

Вы знаете, что мы с Батыгиным были довольно близки и в исследовательских интересах, и в плане понимания истории и этики нашей науки. Но в последнее десятилетие я более имею дело с исследованиями Батыгина как историка советской социологии, чем методолога. Поэтому буду Вам благодарен за рассмотрение батыгинского методологического наследия.

Вопрос оказался для меня отнюдь не простым. Поэтому ответ на него занял несколько месяцев. Надо было на чём-то остановиться, что-то выделить как главное, основное, с моей точки зрения. Мысленно не раз брался отвечать, проговаривал про себя тот или иной сюжет. Благо эти месяцы много проводил в поездках, и были часы, чтобы порассуждать, подумать о прошлом. В одной из поездок, за рулём, где-то между Пермью и Тюменью, ответ все же устоялся, приобрёл обозримую структуру...

Когда я учился в Шанинке, пропустил всего одну лекцию Батыгина — о триаде Новака. Но по иронии судьбы именно эта тема стала сквозной в моих долгих разговорах с Батыгиным и, пожалуй, центральной в его методологических поисках последних лет. Именно она инициировала интерес к феноменологической традиции, переводам Ирвинга Гофмана и Щюца, теории речевых актов, прагматическому повороту в социальных науках, долгим беседам с Сергеем Чесноковым и методологическим семинарам в секторе социологии знания Института социологии РАН. Эта тема является ключом к прочтению текстов и выступлений Батыгина об особенностях исследовательской практики, понимании способов бытования научного знания. После опубликования в «Социологическом журнале» статьи «Миф о «качественной социологии»⁸ за Батыгиным закрепился образ воинствующего «количественника»,

⁸ Батыгин Г. С., Девятко, И. Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42.

позитивиста, не приемлющего новый для российской науки качественный подход в социологии. Увы, казалось бы, внимательные к чужому слову коллеги не смогли разглядеть иронии и вызова «новым» веяниям, толчка к продуктивной дискуссии.

Апофеозом непонимания для меня стала защита докторской диссертации Виктории Семёновой, на мой взгляд, весьма посредственной работы, где в качестве центральных тезисов выдвигались заимствованные образы и отвлеченные суждения. Не помню, был ли Батыгин официальным оппонентом, но он взял слово и детально, красиво, на протяжении примерно 20 минут показал несостоятельность выносимых на защиту положений,

Продолжаем методологический семинар Г. С. Батыгина. Слева направо: О. М. Маслова, В. А. Ядов, Г. Г. Татарова. 2005

выделил слабые пассажи, неумелое обращение с логикой. Текст этого выступления можно найти в архивах Института социологии. Откровенно засыпая на самой защите, народ проснулся и просто раскрыл рты, когда начал говорить Геннадий Семёнович. И это были не упрёки к диссертантке, а детальный разбор ее текста, с приведением цитат и точным построением критической аргументации. Как же я хотел тогда оказаться на месте Семёновой! Такая критика открывала поле для дальнейшей деятельности, стимулировала построение ответных аргументов, предлагала дополнительные варианты формирования качественной методологии. Реакция на это выступление поразила меня. Виктория ударилась в слёзы. Народ начал выбегать на трибуну и нести какую-то несусветицу. Ольга Михайловна Маслова и вовсе подытожила: «Геннадий Семёнович, но нельзя же так с женщиной!» Большого непонимания, большей антитезы научной дискуссии трудно себе представить. Да дискуссии и не было. Ирония заключается в том, что Батыгин выступил в идеальном формате защиты как пространства научной полемики, а окружающие восприняли его выступление как сведение каких-то неясных счётов. В коридоре перед голосованием я услышал весьма показательный диалог. К Батыгину подошёл старичок из ученого совета и громким шёпотом спросил: «Ну что, Геннадий Семёнович, будем рубить диссертацию?» «Вы что, конечно, защищать», — ответил Батыгин. Помню взметнувшийся удивленный взгляд и какое-то смятение во всей позе вопрошающего. Неизвестно, понял ли он что-то из высказанной критики, но услышал саму критику, имевшую отношение к предмету, а не к процедуре и последствиям защиты.

И так было во многом, что касается восприятия научным цехом методологической позиции Геннадия Семёновича. «Увы, коллеги цитируют не мысли, а красивый слог», — таков был аргумент Батыгина, когда он раз за разом отказывался переиздать свой известный учебник по методологии социологических исследований. Отсюда и его поиски предельно прозрачных форм выражения, простоты во всём, осмысленное сокращение метафорической речи. Это может показаться удивительным, поскольку Батыгин известен, напротив, как мастер метафоры, виртуозно владевший символическими средствами выражения мысли. Но я видел, как мучительно и долго искал он простые словесные формы, чтобы у читателя не возникало иллюзии понимания там, где должны оставаться вопросы, поддерживаться

В секторе социологии знания Института социологии Геннадий Семенович рассказывает хасидскую притчу. Слева направо: я, Ирина Шмерлина, Лариса Козлова, Г. С. Батыгин. 2001

проблематичность, а не возникать чисто языковая, украшенная метафорикой иллюзия решения.

Если теперь вернуться к триаде Новака, то ее центральная идея безыскусна и не раз повторялась в различных исследовательских традициях разными авторами. Сообщение, получаемое от респондента, не может рассматриваться исключительно как информация. Более того, в общении люди гораздо реже передают какие-то сведения, а чаще делятся эмоциями, переживаниями, стараются повлиять на убеждения собеседника. Удивительно, что отказ от информационной доминанты был сформулирован Новаком в период главенства метрической парадигмы, согласно которой респондент рассматривался исключительно как источник информации и совместно с интервьюером представлял собой инструмент для социальных измерений. Стефан Новак выделил три типа отношений, возникающих в ходе формирования

ответа при интервьюировании: когнитивные, экспрессивные и коммуникативные. Первые отвечают за описание исследуемого объекта и составляют информационную часть сообщения. В случае вопросов, затрагивающих поведенческие аспекты, или рассказа о прошлом опыте ответ подлежит эмпирической проверке на истинность и ложность. Второй тип отношений — экспрессивный — отражает эмоции и чувства респондента, эмотивную составляющую его реплики. Третий — коммуникативный — связан с самим актом передачи сообщения. Он затрагивает речевые компетенции как говорящего, так и слушающего. А в исследовательской практике позиция слушающего расширяется. Кроме интервьюера в неё попадают исследователь и остальные участники процесса сбора и обработки данных, например кодировщик открытых вопросов или набивщик текстов при работе с бумажными технологиями. Я уже не говорю о том, что любая реплика содержит отсылки к высказываниям других. Этнометодологи в таком случае говорят об индоксикальности, или связи речи с различными элементами, выходящими за рамки текущей ситуации. Таким образом, казалось бы, простой акт предъявления вопроса становится чрезвычайно сложным и чрезвычайно важным для исследователя событием, в котором и формируется социальность, а не только передается некоторый набор сведений.

В такой постановке вопроса грань между количественным и качественным подходами в социальных исследованиях стирается. Само это различие становится вторичным, не имеющим отношения к базовому социальному событию, коммуникации. Другими словами, любое интервью — это прежде всего разговор, а уже потом набор некоторых техник и приёмов, нагруженных предположениями (и заблуждениями) исследователя. Изучение особенностей протекания разговора и есть первейшая задача методолога. В последние годы своей жизни Батыгин находился в поиске языка описания для фундаментального социального события — разговора с респондентом. Поиски шли, казалось бы, в разных направлениях, но неизменно были посвящены одному предмету.

Во-первых, Батыгин обратился к когнитивной традиции, развиваемой американскими исследователями (Туранжо, Садмен, Брэдберн, Шварц) и инициировал методическое исследование в фонде «Общественное мнение»,

по результатам которого я написал книжку «Когнитивный анализ опросного инструмента» (2002). Помню, как он радовался, когда книга вышла в свет: «Теперь мы прославились, Дмитрий Михайлович». Ироничность высказывания не снимала оценки значимости проделанной работы. Во-вторых, много усилий было потрачено на возрождение интереса социальных исследователей к теории речевых актов и осмыслению прагматической целесообразности любого сообщения. Джон Серль и Джон Остин долго оставались настольными книгами у его учеников. В-третьих, Батыгин вновь и вновь обращался к социологическому наследию. И как это ни парадоксально может выглядеть сейчас, центральной фигурой для него стал Спенсер с его уникальной способностью синхронной и диахронной систематизации социального мира, выраженной в развитии эволюционной теории общества. В-четвёртых, продолжалось изучение феноменологической традиции, которая вырабатывала привычку скрупулёзного, порой утопающего в деталях изучения социальных интеракций. Пожалуй, здесь центральной фигурой последних лет для Батыгина можно назвать Ирвинга Гофмана, и в особенности его работу «Анализ фреймов», переведенную под патронажем фонда «Общественное мнение» (ФОМ).

Александр Анатольевич Ослон, президент фонда, сыграл, пожалуй, центральную роль в становлении батыгинской программы исследований, проводившихся в начале 2000-х годов. Она объединяла переводные издания серии актуальных теоретических и методологических работ и набор методических экспериментальных планов. Последние отличал двойственный характер. С одной стороны, методические исследования были направлены на решение насущных проблем и затруднений, с которыми сталкивались аналитики фонда. С другой — работа была вынесена за рамки текущего рутинного процесса. Мы не мешали «опросной фабрике», а лишь черпали из потока ее материалов противоречия и казусы, позволявшие наполнить методические эксперименты ненадуманскими и важными для самих практиков задачами. Батыгин проводил много времени в фонде «Общественное мнение». Вместе с Ослоном в обсуждениях неизменно принимала участие Елена Серафимовна Петренко. Ее эмоциональный настрой, неподдельная радость от самых незначительных успехов создавали неповторимую атмосферу сотрудничества и раскрепощённости. ФОМ сразу же стал восприниматься не как заказчик методических работ, а как среда, в которой

возможно воспроизводство методологического мышления, подкреплённого вновь и вновь разрабатываемыми методическими планами. Но об этом надо писать отдельно, поскольку тема заслуживает самостоятельного изложения.

Не обошлось в ФОМе и без казусов и недоразумений. Возглавлявшая один из участков полевой работы сотрудница весьма скептически отнеслась к нашей деятельности, пыталась поправлять Батыгина и делать ему замечания, всем своим видом показывая, что мы, витающие в облаках академические работники, вторглись не в свою область. Подобное отношение не очень нас заботило, за одним исключением. Эта сотрудница отвечала за рекрутинг испытуемых в самом, пожалуй, важном для нас экспериментальном плане. Мы написали примерные квоты по полу, возрасту и образованию, указав, что придерживаться их полностью не обязательно. Это лишь приблизительный, непринципиальный для нас состав опрашиваемых. И если женщин будет не 50%, как это предполагалось по плану, а, допустим, 70%, это не так существенно. Но она лишь недоверчиво на нас покосилась. В результате в тот день, когда было назначено начало эксперимента, в фонд приехал лишь один респондент. Мы сидели и ждали. «А что же вы хотели? Очень сложно кого-то найти». Второй день мы прождали до обеда. Я был в растерянности, которую Батыгин разрешил в одно действие: «Будем рекрутировать сами». Людей с высшим образованием Геннадий Семёнович взял на себя, а простых работяг находил я, бегая по улице и зазывая на экспериментальный план. В общем, за два дня набрали почти 40 человек без каких-либо проблем. В ответ мы услышали от той самой сотрудницы, что нарушаем всю работу и делаем непонятно что. Эпизод проходной. Наша работа не пострадала, и исследовательская задача была выполнена.

Случившееся весьма показательно для другой, более фундаментальной проблемы, на которую не желают обращать внимания российские обществоведы. Все участники исследовательского процесса имеют собственные представления о должном и допустимом. Их рамки соотнесенности (frame of reference) определяют особенности коммуникации, смещений, возникающих на каждом этапе взаимодействия с социальной средой. Своим поведением мы нарушили привычный уклад, согласно которому неизблемыми остались надуманные в данном случае социально-демографические квоты,

Рольф Швери в Институте социологии. 2005

а иные характеристики респондентов оказались вне поля зрения. Например, можно при наличии вознаграждения привлекать знакомых, проверенных в ходе других исследований респондентов или задавать своеобразные процедуры отбора, которые способны куда больше сместить структуру экспериментальных групп, нежели «нарушения» по социально-демографическим признакам. Типичная реакция ортодоксальных полстеров на такого рода ситуацию — «Вы плохо подготовили персонал, надо брать для проведения опросов других людей и точнее прописывать их функции» — отражает поразительную близорукость в коммуникативных ситуациях специалистов, возможно, виртуозно владеющих анализом данных, создающих весьма сложные объяснительные модели. Вот только кружева такого моделирования вяжутся исключительно из собственных фантазий аналитиков, а полевой материал выступает лишь поводом, начальным толчком для разгонки

натренированного воображения. Здесь мы вновь возвращаемся к триаде Новака: когнитивное отношение, отвечающее за передачу информации, за содержательную, смысловую нагрузку речи респондента, составляет куда меньшую часть коммуникации, нежели экспрессивное и коммуникативное отношения. Оно подчинено двум последним и может быть корректно интерпретировано лишь как элемент обозначенной триады.

Батыгин выбрал нетипичную для российского обществоведа стратегию оформления результатов методологических поисков. Он почти отказался от собственных публикаций, подталкивая и стимулируя публикационную активность учеников. Практически все тексты аспирантов и студентов Геннадия Семёновича, вышедшие в свет, содержат множество его идей, порой в них угадывается батыгинская стилистика, манера построения аргументации. Но лишь в некоторых работах он указан как соавтор. Это происходило тогда, когда его собственный текст переваливал за добрую половину общего объема публикации и уже явно составлял ее смысловое ядро. Если посмотреть на развернутые в те годы исследовательские программы, реализованные под руководством и с непосредственным участием Батыгина, поражаешься их масштабности и одновременно концентрированности на одной связующей идее — отказе от того разрыва исследовательского процесса, который возник из-за игры в разделение труда между исследователем, интервьюером и организатором полевых работ. Перечислю лишь некоторые проекты, о которых я знал и в которых как-то участвовал — хотя бы в обсуждении текущих затруднений, в поиске возможных решений.

Мария Рассохина занималась изучением метафоры в социологическом тексте, затем переключилась на дискурс о будущем, характерный для 1960-х годов. Методическая работа состояла в контент-анализе публикаций «Нового мира», в выборе единицы наблюдения и построении пространства признаков, достаточных для репрезентации того, как изменялось представление о коммунистических перспективах. Наталья Рябинская штудировала тексты Серля и Остина, разбираясь в теории речевых актов. Важнейшим звеном здесь стала выработка языка описания, пригодного для замера прагматической компоненты речи, выделения базовых форм достижения тех или иных целей в разговоре, подчас скрытых за информационным потоком. Роман Бумагин

изучал гендерные аспекты высказываний, рассматривал то, каким образом прочитывается в этом плане адресат сообщения. Гендерный аспект выступал своеобразным социально-культурным кодом, необходимым для расшифровки воспроизводимых в обществе отношений неравенства, кооперации и дифференциации. Галина Градосельская развивала сетевой анализ, выделяла узлы и связи в разного рода сообществах, начиная от формальных и неформальных образований академических работников, заканчивая когнитивными структурами и ментальными схемами обработки информации. Павел Арефьев занимался формированием методологии библиографического поиска, каталогизировал информационные ресурсы, определял узкие места в формировании единого интеллектуального пространства для ведения научно-исследовательской работы. Наталья Демина описывала рецепцию мертоновского научного этоса, рассматривала, как развиваются и трансформируются принципы незаинтересованности, универсализма, организованного скептицизма и «коммунизма» в научной среде. Денис Подвойский последовательно реконструировал историю теоретической социологии, подробнейшим образом останавливаясь на профессиональных биографиях, исследовательских поисках и неудачах признанных классиков. Рольф Швери изучал природу рационального действия, штудировал Макса Вебера и совершенно искренне жаловался, что на немецком Вебер куда менее понятен, чем на английском или русском. Для самого Рольфа, выходца из Швейцарии, немецкий — родной язык.

Возможно, внешне иначе, но в той же ровной, этически выверенной манере складывались у Батыгина отношения с Александром Юрьевичем Мягковым. В этом случае грань между ученичеством и партнерством стерлась в самом начале их знакомства. Батыгин был у Мягкова консультантом по докторской диссертации, но защита пришлось уже на дни, когда Геннадия Семёновича не стало. У них проходили встречи как личные, так и коллективные, поэтому в каких-то дискуссиях принимал участие и я. Мягков пришёл к Батыгину уже сложившимся исследователем, со своей школой, в основном молодыми и на тот период времени незамужними девушками, которые поддерживали его во всех начинаниях. Всегда подтянутый, в галстук и костюме, он демонстрировал и продолжает занимать позицию предельно точного и ответственного экспериментатора, учитывающего каждую мелочь в разработке

экспериментальных планов. Проводя количественные исследования и повторяя методические эксперименты зарубежных коллег, Александр Юрьевич уделяет большое внимание правилам и нормам организации экспериментальной работы, точно воспроизводит описанные когда-то условия. Если начинать разговор о надёжности опросного инструмента, Мягков проявляет уже забытый у нас подход, когда внимательное отношение к работам зарубежных коллег не ограничивалось дискурсивными играми и заимствованием неудобоваримой для русского языка терминологии.

Здесь любопытно другое. Я весьма критически отношусь к размышлениям и экспериментальным планам Мягкова, посвященным поиску искренних ответов и нивелированию лжи в массовых опросах. Когда Батыгин протянул мне одну из первых книжек Мягкова, посвященную социально-демографическим переменным в массовых опросах, первое, что я сказал: «Не могу, Геннадий Семёнович. Ведь мы по разные стороны баррикады, а человек и специалист он отличный, у меня вызывает только симпатию. Зачем же писать разгромную рецензию?» — «Вот именно по этой причине и надо писать, со всей критикой и недовольством. Только этим вы и покажете свое уважительное отношение к Мягкову как высококого класса специалисту». Это была моя первая рецензия на книжку — местами едкая, но с критикой, направленной исключительно на внутреннюю структуру текста, без каких-либо оценочных суждений, затрагивающих автора и его работу. После публикации рецензии в «Социологическом журнале» Мягков сдержанно сказал, что понял мою позицию, и поблагодарил за критику. А потом были совместные семинары, где точка зрения каждого приобретала больший вес и устойчивость. Так в рамках батыгинского близкого круга уживались, казалось бы, непримиримые оппоненты, и уживались комфортно, без каких-либо компромиссов по отношению друг к другу. Сейчас я могу сказать больше: возможность полемицировать с Мягковым стала для меня настоящим подарком, дала шанс лучше разобраться в собственной позиции. Когда теперь индивидуальная вражда или неприязнь начинает прикрываться у кого-то апелляцией к профессиональной позиции, я лишь прячу улыбку. Нет большей глупости, чем смешивать научный поиск с личными амбициями и представлениями о «правильной» науке.

Результаты работы каждого ученика или коллеги, приходящего к Геннадию Семёновичу за советом, воплощались в десятках публикаций. Участие в них Батыгина было непосредственным: начиная от научного руководства и обсуждения исследовательских проблем, заканчивая прямым переписыванием поначалу невнятных и неказистых текстов. Наталья Мазлумянова как-то с грустью посетовала, что раньше, когда ушла из сектора Дридзе, стеснялась подходить к Батыгину со своими вопросами. Ей казалось, что она мешает ему заниматься чем-то более важным, насущным: «Так завидую вашему поколению, вашему наглому упорству, отсутствию какой-либо робости перед авторитетами». Но это была вовсе не наша заслуга. Геннадий Семёнович раскрепощал раз и навсегда, нужно было лишь однажды переступить барьер, как это сделал когда-то я в Шанинке, подойдя с вопросами об эссе. Результаты научной работы не могут принадлежать одному

Наталья Мазлумянова и Лариса Козлова за редактированием статьи. 2006

человеку, авторство — лишь номинальный атрибут, необходимый для удобства поиска и обработки релевантной информации. Геннадий Семёнович полностью реализовал эту норму, показал всем нам, как осуществляется коллективный исследовательский проект, как работает мертоновский принцип «коммунизма» без скатывания в канаву плагиата.

Ядов не раз повторял, что Батыгин открыл для нас Новака. Однако при всей центральности этой фигуры для творчества Геннадия Семёновича теоретический язык описания он черпал от другого, куда более известного теоретика — Карла Поппера. Подавляющее большинство отечественных обществоведов относятся к Попперу исключительно как к исторической фигуре. Его методологические построения уже давно не критикуются, а искусное ведение аргументации не воспринимается всерьез, в качестве материала для формирования норм научных исследований. Для Батыгина, напротив, рассуждения о тотальности фальсификационизма в исследовательской практике, демаркации научного знания, нивелирование познающего субъекта до набора внятных характеристик и смирение перед ограниченностью любого языка описания выступали основой научного поиска. И вновь отсюда легко перейти к этике и эстетике (что не менее важно, на мой взгляд) позитивизма. Попперовский язык маркируется как постпозитивистский лишь в рамках исторических исследований людьми, укладывающими теоретиков в простые и понятные для учебников схемы. Для Батыгина — и через его восприятие для нас — Поппер давал имена исследовательской реальности, позволял формировать и удерживать экспериментальную позицию в мире, где для этого нет никаких оснований. Утверждения об операционализации и концептуализации, формировании пространства признаков, выборе объекта и предмета исследования можно считать атавизмом, пережитком позитивистской традиции описания исследовательского процесса. Весьма многие так и поступают. Ирония, на которую указывал нам Батыгин, заключается в том, что, отказавшись от «позитивистского» языка описания, исследователи не отказались от сопутствующих ему исследовательских практик.

Можно играть этикетками, противопоставлять вдумчивый, глубокий качественный подход количественным процедурам. Но когда снимается пелена слов, перед нами обнажаются всё те же неказистые формулы, обязывающие

совершать многократные переходы от мира слов (концептуальных определений) к миру социальных взаимодействий (измерительных операций). Свою задачу Геннадий Семёнович видел в точном, предельно корректном описании реализуемого исследования, дабы дать шанс другим подвергнуть сомнению и на втором шаге опровергнуть выдвигаемые суждения, вырабатываемые годами аксиомы. Поэтому так важен был Поппер с его прерогативой негативного высказывания, критики, абсолютно индифферентной по отношению к прошлым заслугам. «Предельная задача учёного — опровергнуть самого себя», — говорил Батыгин. Раз за разом повторяю это правило, но как же редко удается вырваться за рамки его декларации и действительно обнаружить прошлые заблуждения, опровергнуть когда-то «доказанные» банальные очевидности.

Для экспликации батыгинского методологического наследия у нас мало опубликованных материалов, но есть переписка с учениками, отзывы на квалификационные выпускные работы и диссертации, наконец, рукописный архив, который сейчас хранится у Ларисы Алексеевны Козловой. Видимо, уже непозволительно откладывать его разбор и систематизацию. Уверен, что в тех материалах откроются не замечаемые многими вопросы и затруднения, над которыми размышлял Геннадий Семёнович.

Если можно, пожалуйста, расскажите обстоятельнее о Вашем «кружке» по обсуждению «индустрии фабрикаций». Здесь уже сам фокус обсуждения темы — надёжность данных об общественном мнении — очень необычен.

Мы назвали «методическим цехом». К лету 2014 года нас было уже восемь: Елена Вьюговская, Анна Ипатова, Тимур Османов, Дмитрий Сапонов, Ксения Мануильская, Надежда Галиева, Владимир Картавцев и я. Где-то годом или двумя раньше начали регулярно встречаться, обсуждать методические задачи, строить экспериментальные планы, делиться прочитанной литературой и критиковать написанные тексты. Для меня эти встречи — прообраз междисциплинарных семинаров, которые устраивал Батыгин, где главной задачей было обнажение мнений, выявление слабых, уязвимых для критики мест.

Ксения Мануильская. 2001

Показательно, что каждый семинар Геннадий Семёнович заканчивал словами о том, что, скорее всего, обсуждаемое здесь не имеет большой ценности, но всё же есть шанс, что через месяцы, а то и годы кому-то из участников это сильно поможет. Тем и живу, эту помощь ощущаю каждый раз.

Надежность данных массовых опросов — один из сюжетов, сформулированных «методическим цехом», в частности, на материале большого количественного опроса 2013 года и переросших уже в самостоятельное исследование. Опрос (9 тысяч респондентов по всей России) проводила крупная опросная компания. Социально-экономическая проблематика, огромная, просто неподъемная анкета часа на полтора разговора с респондентом, включающая бесконечные блоки фактологических вопросов. Заказчики из РАНХиГС весьма благосклонно отзывались об этой работе. Основным критерием такой оценки было полное соответствие распределений в этом опросе Росстату.

Подобные аргументы у меня всегда вызывали большой скепсис, поскольку за ними скрыта ткань опросной технологии. Оперирование лишь итоговыми значениями весьма рискованно для вынесения суждения о качестве проведенного исследования, о чём, в частности, предупреждает стандарт Американской ассоциации исследователей общественного мнения, требуя обязательного раскрытия дополнительной информации (коэффициенты результативности, особенности проведения опроса, параметры реализованной выборки и т. д.). Благо в этом случае к нам попали маршрутные листы и полная документация по проведенным исследованиям.

Мы взялись анализировать лучшего из исполнителей с точки зрения заказчика. Отобрали маршруты по Москве и прошли по некоторым из них, спрашивая о проведенном опросе и узнавая о социально-демографических характеристиках открывавших двери людей (в соответствии с адресами, указанными в маршрутных листах). В итоге мои сомнения вполне оправдались. Со всеми условностями соответствуют процедуре отбора не более 20% полученных по Москве анкет. Мы столкнулись и с явными фабрикациями, когда адреса приходились на нежилые помещения или в указанном доме нумерация квартир заканчивалась задолго до той цифры, что проставлена

интервьюером, и с приписками по возрасту и полу, и с тотальным отсутствием хозяев дома, о чём нам рассказывали соседи. Идентичность распределений объяснялась не высоким качеством полевых работ, а филигранной работой по редактированию массива, видимо, выполненной по многим контрольным признакам. Исполнитель знал, чего от него ожидают, и тщательно вычистил из собранных данных все несуразности.

Любопытно, что наши наблюдения никого не удивили, в том числе и заказчика. Все, от профессиональных полстеров до экономистов и чиновников, лишь кивают головами и улыбаются в ответ на рассказы о тотальности фабрикации в массовых опросах. Последние уже давно воспринимаются всеми более-менее посвященными в опросную технологию специалистами как «фабрики лжи», которые ничем не исправить. Другое дело, что многие верят в какое-то чудо, возникающее от мифического статистического сглаживания, полагаясь на то, что ошибки на больших массивах должны быть разнонаправлены, в результате чего можно рассчитывать на статистически несмещенные показатели. С моей точки зрения, это полнейшая глупость. И вопрос даже не в величине ошибки, а в том, что в результате отсутствия любопытства по отношению к реальным людям, фактическим опросным ситуациям затухает чувство реальности, статистические распределения мыслятся как самодостаточные формы социального опыта, из которых и рождаются чудовищные в такой ситуации обобщения: «большинство россиян считают, что...». И дальше можно добавлять любую из выдуманных за столом формулировок анкетных вопросов — формулировок, которые в реалиях интервью обычно не задаются. И это не ужасная неожиданность, вдруг обнаруженный сбой в опросной технологии. Это сама технология как она есть. И нет никаких шансов получить иное, пока система ценностей, профессиональных суждений социальных аналитиков формируется представлениями о правильном, для которого реальность не так и важна.

На следующем этапе двое из нас устроились работать интервьюерами в другую полстерскую фирму. В какой-то степени мы повторили опыт этнографических наблюдений, предпринятый Джулиусом Ротом в далёких 1960-х годах⁹.

⁹ Roth, J.A. Hired hand research // American Sociologist. 1966. Vol. 1. No. 4. P. 190–196.

Придя в одну из опросных компаний, Рот уже через несколько дней обнаружил, что невозможно выполнять порученную ему работу интервьюера, систематически не прибегая к искажениям и подменам. Неудивительно, что и нами были обнаружены массовые подлоги, воспроизводимые на всех этапах сбора данных и разными его участниками: от супервайзера до интервьюера. После того как выяснилось место жительства одного (вернее, одной) из новоиспеченных интервьюеров и под этого человека скорректирована стартовая точка опроса, сердобольная супервайзер завершила свой инструктаж примерно такими словами: «Вот вам, девочки, квоты на ваш возраст. Если совсем туго будет, друг друга опросите. Что я, изверг, что ли?»

Маршрутная выборка давно стала в документах опросов номинальным описанием, которое служит лишь репрезентацией узаконенного произвола в сборе данных. И причина не столько в нерадивости или лживости интервьюеров и сотрудников полевых отделов, сколько в невнимании организаторов исследования к полевым работам. А еще в тотальном согласии со всеми прихотями заказчиков по формулировкам вопросов, затянутым до неприличия анкетам и к тому же в личном воспроизводстве безумных форматов разговоров, абсолютно не пригодных для общения с незнакомыми людьми. У меня нет никаких сомнений, что при сформировавшихся расценках, сроках проведения опросов и требованиях к выборкам проводимые «поквартирные» личные опросы представляют собой область тотальных фабрикаций. Слово «поквартирные» я взял в кавычки потому, что и это давно уже стало фикцией. Подавляющее большинство интервью берётся в пределах дворовых территорий с последующей припиской анкет к квартирам. Обозначение маршрута выполняет лишь ритуальную функцию, поддерживающую привычный порядок заключения контракта на исследование.

Об этом даже писать странно, но полевая работа (за исключением приписанной к качественным исследованиям) не воспринимается у нас в качестве профессиональной. Интервьюирование, контроль поля — это удел женщин средних лет, работающих на свой страх и риск, без какого-либо представления о том, каким образом формируется выборка и почему возникают столь вычурные с точки зрения здравого смысла схемы отбора. Для рядового интервьюера социолог — это придурковатый чудака, идущий на поводу у заказчика,

поэтому лучше не говорить ему лишнего, молча соглашаться на все предлагаемые им глупости и продолжать «делать своё дело». С точки зрения социолога или полстера интервьюер — это бездумная машина по сбору данных, человек, отключивший свои эмоции, умонастроения, здравый смысл.

Картинка, возможно, удручающая, но вполне приемлемая для проведения методических исследований. Как реально происходят фабрикации? Какие смыслы вкладывают интервьюеры в деятельность, основанную на многочисленных фальсификациях? Как они оправдывают своё поведение? Как строятся интерпретации социологов? Почему основа социального знания — коммуникация — последовательно оставляется ими без проблематизации, обозначается как «территория неизведанного» с последующем весьма бойким представлением мнений? На чём основаны бесконечные споры о честности и профессионализме в работе социологов? Вопросы можно продолжать...

Несмотря на весьма удручающую практику массовых опросов, сложившуюся в России, нам остаётся лишь воспринимать ее как реальность, последствия серии компромиссов и недомолвок, принятых в ходе становления опросной индустрии. Ситуация тотальных фабрикаций результатов труда интервьюера не уникальна и не принадлежит только этой отрасли. Например, работа патрульно-постовой службы в России имеет весьма схожие черты. Бесконечные разговоры о борьбе с коррупцией на дорогах, ужесточающиеся практики контроля и внеплановые рейды не отменяют базового правила: гаишник «не может не брать», а нарушивший правила дорожного движения «не может не давать». Исключения, безусловно, имеются, но они лишь подтверждают правило. Расскажу тут один случай.

Как-то в Белгородской области у меня изъяли права за выезд на встречную полосу. Я пошел на принцип и не стал предлагать деньги. Через полгода, пройдя серию судебных заседаний, я уже в Москве выиграл процесс. Согласно постановлению суда права мне обязаны были вернуть, а штраф за нарушение сводился к тысяче рублей. Постановление суда я получил, но вот где находятся мои права, мне никто не мог сказать. Еще около месяца я безуспешно пытался найти их, рассылая письма и делая звонки в разные инстанции.

В ответ приходили отписки, что обращение зарегистрировано и рассматривается. Повезло, что как раз тогда проходило исследование в Белгородской области, и только вмешательство регионального чиновника высшего уровня позволило мне получить долгожданный документ. Причина столь затянувшейся тяжбы заключалась в том, что права были изъяты в одном районе, в Москву отправлял документы суд другого района, а хранились они в третьем. Найти права самостоятельно у меня практически не было шансов. После этого желание играть по правилам у меня отпало, и, возможно, навсегда. Общественный договор на дорогах, обходящий нормы закона, давно стал общим местом, а всевозможные объяснения этого явления и оформление отчетной документации — это лишь варианты приписок и узаконенных недомолвок. Работу интервьюеров и гаишников объединяет тотальное различие между нормативными требованиями и фактическими практиками, с одной стороны, и абсолютное безразличие к этой практике со стороны людей, занимающихся нормотворчеством или поддерживающим нормативную риторику — с другой. Для меня ситуация тотальных приписок по базовым признакам со стороны интервьюеров есть не что иное, как коррупция, разрушение опросной технологии, подмена декларируемого порядка иным, не артикулированным и скрытым от какого-либо наблюдения.

Однако подобного рода исследования «эффекта интервьюера» связаны с уходящей в прошлое бумажной технологией. Они интересны для осмысления практики, во многом схожей с тем, что происходит и в других профессиональных сферах. Но по части развития методологии заниматься совершенствованием таких подходов — тупиковый путь. Поэтому еще в начале 2000-х годов, проводя электоральные исследования, я переключился на телефонные опросы. К концу минувшего десятилетия уже работал с компьютеризированными централизованными системами телефонной связи. Если десять лет назад для таких опросов использовались звонки только на стационарные домашние номера, то последние лет семь наш «методический цех» работает на смешанной выборке мобильных и стационарных телефонов.

В 2011 году ВЦИОМ профинансировал весьма важный для развития телефонных опросов экспериментальный план. В соответствии с ним мы провели опрос о практиках пользования телефонами в двух областях — Ивановской

и Тверской, а затем проехали на машинах в Тверской области по попавшим в выборку населенным пунктам, разбираясь на месте в особенностях достижимости. И обнаружилось, что шансы попасть в выборку определялись в большей мере не самим фактом наличия мобильного телефона, а качеством покрытия региона мобильной связью. Генерируя номера разных операторов, мы до сих пор не учитываем разное качество предоставляемой ими связи в разных регионах. Так, в Тверской области есть районы с хорошим приёмом «Билайна», «Мегафона» или «МТС». Но возрастающую долю регионального рынка сотовой связи захватывает более дешёвый оператор «Теле2», выигрывающий у конкурентов не только по цене, но и качеству. Если бы население всегда выбирало только тех операторов, которые дают максимальное качество связи, проблем было бы меньше. Но пожилые жители российских деревень, как правило, не покупают телефоны сами. Их вместе с контрактами операторов дарят дети, родственники, которые не всегда знают местную специфику. Возможны и другие причины выбора не самых оптимальных для региона операторов, что приводит к различным курьезам. Так, в Тверской области мы видели мобильники, подвешенные к люстрам для лучшего приёма, или хождения старичков в «шаманском танце» по дому или селу для получения качественного сигнала. Понятно, что если сигнал ловится только в одной из частей деревни, вероятность ответа на входящий звонок сильно снижается: абонент большую часть времени находится вне зоны действия сети.

За последние годы мы провели десятки массовых телефонных опросов. В каждом старались реализовывать тот или иной экспериментальный план, направленный на изучение ошибок репрезентации (покрытие, выборка, неотчеты) или измерений (эффекты интервьюера, анкеты, респондента). С конца 2014 года мы начали обсуждать автоматизацию личных интервью, а также работу с планшетами в поквартирных опросах. И вот здесь нам пришлось столкнуться с сильнейшим сопротивлением уже со стороны исследовательских организаций. К автоматизации все относятся благосклонно, понимая, что это очень хороший козырь в конкурентной борьбе. Вот только автоматизировать все собираются в основном устаревшую технологию, не пытаясь хоть как-то поднять общий уровень технического качества используемого оборудования. Так, заявляя об автоматизированном опросе,

имеют в виду лишь электронную анкету и возможность не набивать данные с бумажных носителей. Но другие важнейшие компоненты автоматизации игнорируются: 1) запись трека, или прохождения интервьюером маршрута, посредством GPS-навигации, с точным указанием места и времени; 2) аудиозапись всех обращений, включая отказы; 3) регистрация всех обращений по маршруту и расчет реальной достижимости. Именно в этом направлении мы сейчас и работаем, проводим встречи, жарко спорим. Задача оказалась куда сложнее методического изучения телефонного опроса, где все перечисленные функции централизованы и ошибки могут быстро корректироваться при условии нормальной работы полевых менеджеров. Личные опросы — это область большой свободы, а значит, самостоятельных решений, основанных, в свою очередь, на представлениях о должном и допустимом. Насколько мы сможем продвинуться в этом направлении и будем ли говорить об успехах в той же тональности, как при анализе телефонных опросов, скажем, через десять лет, сейчас трудно судить. Время покажет.

Наконец, наиболее интригующий и пока не реализованный полностью нашим «методическим цехом» инициативный проект в рамках изучения надежности опросного инструмента — это разработка корпуса ошибок массового опроса. У нас много говорят о неточности опросной технологии, фальсификациях и подлогах, но, как правило, дело заканчивается лишь перепалкой, невнятными обвинениями других или столь же беспомощной защитой собственной позиции. Кто только не ругает данные Росстата, но в качестве последнего аргумента ссылаются на него. Хотя это удивительное ведомство умудряется не раскрывать методологию своих замеров и десятилетиями водить за нос пользователей производимой информации. С работающим в ФОМе Алексеем Чуриковым, одним из авторитетнейших в России специалистов по выборке, я не раз раньше заводил разговор о поиске иных способов контроля массива. Но он всегда разводил руками: «Иного нам не дано, да и заказчик не поймёт».

Вокруг этой проблемы, когда исследователи заведомо ориентируются на недоброкачественную информацию и ремонтируют свои выборки по весьма сомнительным шаблонам, я давно ходил кругами, но всё никак не мог к ней подобраться. В «методическом цехе» мы — преимущественно

с Дмитрием Сапоновым и Тимуром Османовым — начали за последние годы понемногу подходить к этой теме. На первом шаге решили создать основу для анализа ошибок — совокупный массив всех возможных исследований, который можно было бы пополнять новыми проектами. В качестве единицы наблюдения, или строки в матрице данных, выбрали ошибку, которую сами и сконструировали. Для этого выделили несколько возможных оснований ошибки: длительные и короткие интервью, опросы в выходные дни и в нерабочее время, прерванные интервью, работа тех интервьюеров, у которых максимальный процент отказов и прерванных интервью, и т. д. Все основания, или, как мы их назвали, «метки разности», относятся к параданным, не контролируемым интервьюерами и не входящим в основной массив целиком заполненных анкет. Затем для всех переменных рассчитываются линейные распределения, в которых основание берется по всему массиву и по массиву с исключением «групп риска», например слишком короткие интервью относительно средних значений по проекту. После того как рассчитаны два вида таблиц распределений по всем переменным проекта, считается их разница по модулю. Полученная величина, измеряемая в процентных пунктах, и признается нами ошибкой, которая показывает, насколько будет отличаться распределение по всему массиву, если из него исключить выпадающие, сомнительные случаи. Со временем удалось найти программные решения, чтобы автоматизировать эту задачу. И мы можем быстро и без особых усилий преобразовывать любые массивы данных в единый корпус ошибок. Конечно, при одном условии: в исследовании должны регистрироваться параданные, что сейчас возможно лишь для автоматизированных телефонных опросов. Чего не удалось сделать, так это найти «хорошие» основания, позволяющие выделять ошибки. Все наши «метки разности» дают малые расхождения, не превышающие в среднем одного процентного пункта.

Несмотря на отсутствие к настоящему времени значимых результатов по этой затее, я уверен, что работа с параданными на больших массивах и применение новых форматов анализа (big data) позволят уйти от диктата полевых фабрикаций, в том числе воспроизводимых государственным статистическим ведомством, и как-то исправить ситуацию с нашей общей методической культурой в рассматриваемой области.

Дима, а не вернуться ли нам на сколько-то лет назад, когда Вы защитили кандидатскую диссертацию? Во-первых, к какому времени это относится? Во-вторых, а что было дальше? Буду удивлен, если окажется, что дальше все шло «как у всех». Итак...

Не думаю, что есть хоть один человек, у которого жизнь идёт «как у всех». Это всего лишь удобный шаблон для прекращения разговора, социально приемлемое нежелание вдаваться в детали личной биографии, литературный приём или вовсе инфантильный взгляд на собственную жизнь. Вся красота и все ужасы этого мира заключены в твоей собственной судьбе. И так у каждого рожденного, прожившего какое-то время и получившего свой уникальный — «как у всех» — личностный опыт.

Защита кандидатской диссертации не стала для меня каким-то событием. Я бы скорее говорил о периоде со времени прихода в ФОМ (лето 1999 года), когда мы запустили методический проект, и до дня смерти Батыгина 1 июня 2003 года. Примерно в середине этого периода, в феврале 2002 года, в Институте социологии РАН прошла защита моей диссертации. К тому времени было выполнено уже три больших методических проекта в ФОМе, подготовлена к изданию монография, институционализирована хотя бы в одной опросной кампании позиция методиста. Я выполнял все необходимые для защиты формальности механически, в качестве послушания, не придавая им особого смысла. Когда уже был назначен день защиты, поинтересовался у Батыгина, как принято в таких случаях себя вести, как одеваться, какие еще ритуальные действия следует предпринять. Он ответил, что вполне достаточно того, чтобы я был на месте. Поэтому я не подумал о подготовке ни к выступлению, ни к фуршету. Вместо костюма с галстуком явился в потёртых джинсах и вязаном свитере. На самой защите вёл себя вызывающе, абсолютно не вписываясь в сложившиеся традиции. Не испытывал волнения, не готовил и не зачитывал речь, не благодарил за несурзные вопросы, которых всегда хватает, одним словом, не пытался защищаться, а лишь рассказывал о результатах проделанной за два с половиной года работы.

Последней каплей для комиссии стал мой ответ В. О. Рукавишникову, не последнему человеку в методике социальных исследований, выходявший за все рамки диссертационных приличий. Не помню точно, о чём шла речь, но тогда я воспринял его слова как абсолютно нерелевантную обсуждаемой тематике реплику и сказал, что мы можем поговорить об этом в кулуарах, а здесь я предлагаю вернуться к основному вопросу, вынесенному на защиту. В. А. Мансуров, который был председателем диссертационного совета, тут же меня одернул, напомнив, что здесь решается моя судьба, а не научная проблема. Возможно, он был прав, но в тот момент я даже не понял, зачем он это говорит. В результате я получил несколько «чёрных шаров», но защита состоялась. Виктор Фёдорович Петренко, о котором я уже упоминал, на импровизированном фуршете в нашем секторе социологии знания на четвертом этаже институтского здания никак не мог поверить тому, что произошло: «Такого демократического совета я не только не видел, но никогда бы не поверил, что он возможен. У нас в Институте психологии такая работа и при таком поведении диссертанта никогда бы не была защищена. Никогда». Но Батыгин остался доволен, и только это было важным для меня тогда.

Работа действительно оказалась абсолютно непонятной участникам обсуждения. Наши методисты, уже давно на тот момент отошедшие от конкретной методической работы, лишь пожимали плечами. Ядов на самой защите гениально подытожил происходившее, разрядив накалившуюся из-за моего неменяемого поведения обстановку: он сравнил диссертацию с филигранно выкованной саблей, которую еще не время вынимать из ножен. И дело здесь не в недостаточной подготовке или отсталости российских исследователей; скорее базовая аксиоматика работы выпадала из привычной для российских социологов картины мира с жёстким делением исследовательских процедур на количественные и качественные. При этом у меня не было ни одной ссылки на российские работы. Тенденция, которая прошла у нас незамеченной, уже насчитывала несколько десятилетий жарких дебатов за рубежом. И тут всё разом, без всякой подготовки, наскоком. Неудивительно, что на меня смотрели как на баламута, не испытывающего никакого уважения ни к старшим коллегам, ни к российской науке. В свою очередь у меня не было ни йоты благоговения перед моими критиками или недоумевавшими над моим методическим энтузиазмом наблюдателями.

Были лишь два исключения: Владимир Александрович Ядов и Юрий Александрович Левада. Ни тот, ни другой не приняли работу, посчитали её проходной и не заслуживающей внимания. Левада, с которым Батыгин договаривался об официальном оппонировании, сначала согласился, а потом отказался со словами, что ничего в диссертации не понял. Но в этой позиции я видел свою аргументацию, силу, перед которой преклонялся. Даже вынося за скобки все заслуги и успехи этих двух великих российских социологов, нельзя было уже тогда не заметить, насколько верно они диагностировали ситуацию с моей работой, не принимая того, что нельзя было принять, оставаясь на собственной методологической позиции. И что еще более важно, они не признавали не меня, а те концепции и идеи, которые увидели в моей работе.

Возможно, я бы недолго продержался в рамках этих концепций и идей, навряд ли помогла бы и поддержка Батыгина, если бы не беспрекословное следование одному из батыгинских правил: «Если утверждение не найдено у одного из предшественников, стоит отложить его до лучших времен». Тщательный библиографический поиск предшествовал любым моим самым захватывающим идеям, выносимым на публику. И то, что могло восприниматься слушателями в качестве моих личных безумств и безответственного легкомыслия, было когда-то пройдено кем-то из исследователей. Я видел, на какое сопротивление наталкивались поначалу те или иные мои утверждения, и лишь улыбался той критике, с которой приходилось иметь дело.

Так, Михаил Самуилович Косолапов, не дождавшись окончания одного из батыгинских семинаров, махнул в сердцах рукой на высказанное когда-то Сеймуром Садменом утверждение, которое я в тот раз поставил в центр своего выступления: «открытых вопросов нет». За этим просматривается вполне рядовое обобщение из наблюдений за интеракциями между интервьюером и респондентом, когда независимо от формата вопроса нужно как минимум оценить релевантность ответа. Поэтому даже в самом открытом вопросе есть область возможных закрытий. И если респондент в ответ на вопрос о его отношении к существующей власти начнёт напевать «Малиновки слышав голосок», то вопрошающий наверняка уточнит, что он имеет в виду. После этого посещения семинара Косолапов к нам

больше не заходил. Не знаю, как бы он поступил, если бы услышал или прочитал высказывания Садмена о том, что часто случайная выборка даёт худшие результаты, чем квотная, и что для оценки качества выборки один из важнейших параметров — бюджет, стоимость проводимых работ в сопоставимых ценах. Ведь это уже покушение на святая святых — непроверяемую научность случайного отбора. И так далее...

Фантастика, но люди, занимающиеся научными исследованиями, ничего не хотели знать о том, что происходит в реальном процессе коммуникации, раз за разом повторяя надуманные и уже давно опровергнутые нормы и требования к полевой работе: задавать вопросы только так, как они записаны в анкете; если респондент переспрашивает, повторить вопрос, в точности сохраняя анкетную формулировку; стараться избегать дополнительной коммуникации с респондентом и т. д. «Интервьюер в количественном опросе — это попугай, задача которого определена его попугайской природой», — как-то в фейсбучной полемике подытожил один из отечественных профессоров. Эта ситуация удивляет до сих пор, и как я ни пытался прояснить ее для себя, ответа так и не нашёл. Вопреки научной этике, аргументации, изложенной в сотнях публикаций, здравому смыслу подавляющее большинство российских обществоведов продолжают игнорировать базовую реальность любого социального исследования — взаимодействие с респондентом. Александр Олегович Крыштановский не раз иронизировал в том числе и по этому поводу: «Мы ищем булавку под фонарём не потому, что она там потеряна, а потому, что в других местах ничего не видно». Отсутствие попыток разобраться в происходящем, «подсветить» неочевидные места дополнительными экспериментальными планами и, напротив, продолжение линии догматических утверждений, основанных на ложных посылах, — это ли не основная причина вновь и вновь возникающей полемики о кризисе российской социологии?

Если вернуться к защите диссертации, то ее обрамляли два важнейших для меня события, задавших траекторию моей дальнейшей жизни, с одной стороны, и нивелировавших какую-либо значимость ритуальной полемики в Институте социологии — с другой.

Первое событие произошло за два года до защиты, в начале 2000-го, когда я собрал вещи, уместившиеся в небольшой рюкзак, и ушёл от Наташи, поставив в наших отношениях точку, которая потом надолго растянулась в многоточие. С одной стороны, уходя из своей квартиры вновь в съёмное жильё, я ощутил холодок нарастающей неопределённости. В те годы порой не было денег оплатить аренду за предстоящий месяц. Но когда подходило время оплаты, деньги неизменно находились, что вносило в жизнь азарт карточной игры, когда на кону не деньги, а жизнь. Не раз вспоминал, как в студенчестве однажды за ночь игры в преферанс проиграл полученную накануне стипендию, так что потом пришлось на месяц полностью поменять студенческую скамью на работу сторожем и грузчиком. На этот раз, рассматривая свои финансовые затруднения, я всё гадал, приведёт ли этот уход в мизер к полному провалу или даст мультипликативный эффект, наличие которого всегда представляется невозможным. Известно, что просчитываемый полностью преферанс при небольших неопределённостях, на которые идёт игрок в надежде на нужный прикуп и определённый расклад карт у партнеров, становится безжалостной рулеткой. Вот и я, играя со своей нелегальностью, смотрел на происходящее затаив дыхание. С другой стороны, только эта финансовая напряжённость, необходимость искать и планировать доходы отвлекала от тоски по брошенному дому и какой-никакой семье. Перед расставанием Наташа подарила мне мобильный телефон, и вечерами, по дороге из ФОМа или библиотеки, я крутил его в руках, набирая номер или просто разговаривая с ней «про себя», мысленно представляя её в качестве собеседницы.

Причина столь кардинального решения была банальной и всем знакомой если не из личной жизни, так из романов, кинофильмов или телевизионных сериалов. Я влюбился до беспамьяства в другую женщину. Помните у Маяковского в «Отношении к барышне»?

«Этот вечер решал —
не в любовники выйти ль нам? —
темно,
никто не увидит нас.
Я наклонился действительно,
и действительно

я,
наклонясь,
сказал ей,
как добрый родитель:
«Страсти крут обрыв —
будьте добры,
отойдите.
Отойдите,
будьте добры».

Не удержался и полетел, да так круто, что дух перехватило. Не мог без неё провести ни дня, скучал, желал, жил только ею... Маша Рассохина, Машенька, как и я, закончила Шанинку, участвовала во всех моих проектах. Близость позволяла с полуслова понимать друг друга. Я всматривался в её зеленые глаза, независимую, порой совсем не женственную походку, красивые ноги и...

Мария Рассохина в библиотеке Шанинки. 2006

Выпуск магистров социологии Шанинки. 2007

терял голову. Когда ортодоксальные социологи ищут противоречия в анкетах, пытаюсь уличить респондента во лжи, я вспоминаю и эту ситуацию тотальной раздвоенности, в которой горячая любовь к одной не мешала тосковать по другой. И такое неказистое «с одной стороны, с другой стороны», ненавидимое любителями жестких детерминаций, естественно вошло в мою жизнь, помогая видеть мир других без стремления объяснить все и «поставить на свои места». Возможно, это просто слабость.

Вторым важнейшим событием в моей жизни, поворотным моментом, на котором настоял Геннадий Семёнович, стала полная легализация в российском правовом поле, произошедшая, как я уже писал, вскоре после защиты диссертации. Какие-то шаги в этом направлении я стал делать сразу после окончания Шанинки, пытаюсь узнать о возможных путях исправления ситуации. Нужно сказать, что интрига с кандидатской заключалась не в теме или научной проблеме, а в том, что, готовясь к защите, я еще не имел на руках

нужных документов: ни действующей регистрации в паспорте, ни военного билета, ни трудовой книжки. Договариваясь с учёным советом, порой «создавая» необходимые справки, Батыгин шёл на риск быть разоблачённым, но при этом неизменно улыбался: «Если мы не сможем сфабриковать справку о работе, чтобы получить доступ в библиотеку, какие мы исследователи?» После батыгинского «надо» я собрал рюкзак и улетел в Находку.

Аэропорт расположен в Артеме, недалеко от Владивостока. До Находки еще 200 километров. Добрался под вечер, нашёл гостиницу. Там посмотрели мою находкинскую прописку и сказали, чтобы я шёл домой ночевать, все места заняты москвичами: «Они вон из какой дали приехали, а вы дурью маетесь». Было уже за полночь, я добрёл до военкомата, бросил пенку и спальник прямо на газон. Проснулся от того, что лицо облизывала дворовая собака. Так начались мои недели хождения в военкомат.

Ситуация оказалась предельно запутанной. Ни военного билета, ни приписного свидетельства у меня не было, в паспорте стояла прописка по Ленинградской улице в городе Находке, откуда по суду я был выписан еще несколько лет назад. Получалось, что в паспорте была указана недостоверная информация. По месту прописки я уже не числился, в паспортном столе был вычеркнут. Военком разводил руками: «На основании чего я буду выдавать вам военный билет? Вы у нас не проживаете». Я пошел в адвокатские конторы, последовательно получая отказы в какой-либо консультации. Мой случай не вписывался в привычные, шаблонные схемы. Один расчувствовавшийся юрист проговорил, похлопывая меня по плечу: «Вот если бы вы кого убили, другое дело. А с такими мелочами понятия не имею, что можно сделать». Времени поразмышлять было в достатке: если дело в прописке, значит, нужно с этого начинать. Вновь пошёл в паспортный стол — узнавать, как я могу где-нибудь прописаться, предварительно, соответственно, поставив штамп о выписке. Там подсказали: «Нужно сначала устроиться на работу, где дают общежитие». Пошёл в службу занятости. Женщина посмотрела на меня недоверчиво, а увидев диплом о высшем образовании, выставила вон: «Мы людям помогаем, а не придуркам, не знающим, чем заняться». Ошибку с предъявлением диплома было уже не исправить — служба занятости в городе одна. Оставалось лишь походить по предприятиям.

Так прошли недели две. Дни я проводил в хождениях по инстанциям, сидел в интернет-клубе, задавая бесконечные вопросы на местных сайтах, а вечером шёл в сопки ночевать. Навстречу в сумерках с сопкок тянулись бездомные на ночной промысел в город. Через несколько дней мы уже кивали друг другу как старые знакомые. У меня был кусок полиэтилена. В него заматывал спальник, чтобы не промокнуть в случае дождя. Ливни в Приморье стремительные, мощные. Однажды проснулся ночью от того, что двигаюсь. Оказалось, что из-за потока воды я просто поплыл в своём спальнике по склону. Молнии, раскаты грома, потоки воды, свисающие лианы — впечатления на всю жизнь...

Неожиданно на сайте завязалась переписка с одним человеком. Он заинтересовался мной, пригласил зайти к себе на работу, на местное находкинское радио. Пришёл, проговорили недолго. И он тут же пригласил меня к себе домой, познакомил с семьёй, оставил ночевать. К своему стыду, я не запомнил ни имени, ни фамилии этого человека, ничего, хотя он тогда очень сильно помог мне, причем без всякой подозрительности и каких-либо длительных расспросов. Через неделю я перебрался жить к нему. Тогда же гостеприимный хозяин засобиравшись на выходные в деревню к дочери, которая, несмотря на уговоры родителей, вышла замуж за деревенского парня, наотрез отказавшись от учёбы и жизни в городе, и пригласил меня с собой, «чтобы в городе понапрасну не болтаться». Так я окунулся в быт особой уссурийской деревни, где никогда не знали, что такое советская власть.

Здесь всё было удивительно. Наделы с женьшенем в тайге, поля конопли вместо картошки, обилие лимонника, рассказы о тигре, зашедшем в прошлом году на конопляные поля, и т. д., и т. п. Пили там много, стаканами, захлеб, утирая рукавом стекающую водку. Ко мне отнеслись снисходительно, поэтому удалось спрятаться за бутылку плохонького красного. Повели на чердак, а там все — в сохнувшей конопле. «Зачем?» — спрашиваю. «Чай завариваем», — отвечает хозяин со смехом. Повезли собирать лимонник и показать, как растёт настоящий женьшень, который китайцы скупают на вес золота, не скупясь на выплату аванса. Лимонник вьётся лианами по деревьям, ягоды, как у калины, гроздьями. Забрался по стволу на что-то вроде берёзы, обвитой лимонником. Ведро в левой руке стало быстро заполняться. Думаю, попробую, что за ягода. Набил полный рот, вкусно. И тут меня просто накрыло:

в голове застучало, верх пошёл низом. Испугался я тогда сильно, схватился за ствол, пересидел несколько минут, а потом осторожно соскользнул вниз. Шатаясь, подошёл к машине. Надо мной смеются: «Вот недотёпа!.. У этой ягоды свойства особые: косточки повышают давление, а мякоть понижает». Я же без разбора ел ягоды прямо с косточками, да ещё горстями. Потому давление начало скакать, и в какой-то момент, сидя на дереве, я даже потерял ориентацию — где низ, а где верх. Хорошо, что вспомнил о силе тяготения и просто стал медленно ослаблять хватку, съезжая по стволу.

Тогда в уссурийской тайге я как-то обмяк, сошло то напряжение, что накопилось за недели ночёвок в сопках. Потом всё пошло как в ускоренной съёмке. По возвращении в город уже и знакомых по работе в банке нашёл, и новыми обзавёлся. Через третьих лиц мне взялись помочь служащие рангом ниже военкома. Назвали какую-то цену, мне показавшуюся вполне приемлемой. Конверт с деньгами передавал прямо на лестнице военкомата. Дама из военкомата тут же скороговоркой выпалила: «Самое безопасное место в городе!» После передачи денег у меня через два дня был военный билет за подписью военкома, ещё через день мне поставили штамп о выписке по суду. Всё. Теперь я был полностью легализован в Находке, оставалось лишь встать на учёт в Москве.

Вернулся в Москву и вновь погрузился в методические штудии. Первая половина этого небольшого периода работы с Батыгиным была посвящена написанию книги «Когнитивный анализ опросного инструмента» (2002), а также участию в переводе с английского двух монографий — «Как правильно задавать вопросы» С. Садмена и Н. Брэдберна (2002), где я был научным редактором, и «Как люди отвечают на вопросы» С. Садмена, Н. Брэдберна и Н. Шварца (2003), где вместе с Марией Рассохиной был переводчиком. Все три книги издал фонд «Общественное мнение».

В ФОМе практического применения нашим разработкам и рекомендациям не нашли, но интерес к развитию методического направления у Ослона по-прежнему был большой. Поэтому сотрудничать с фондом меня взяли на фантастических условиях. Платили какую-то ежемесячную сумму только за то, чтобы я приходил по понедельникам на планёрки, где обсуждался

набор вопросов в очередную «Пенту» (это рабочее название еженедельно проводившихся и проводящихся ФОМом общероссийских опросов). Александр Анатольевич тогда полагал, что из меня можно сделать «специалиста по вопросам», который сходу будет отличать хорошие формулировки от плохих и в конечном счете отвечать за весь опросный инструмент ФОМа. Я в это не верил, но каких-то особых возражений не высказывал. В упомянутой книге Садмена и Бредберна было высказано прямое предостережение от подобных идей. Они писали, что за все годы, когда они занимались разработкой анкетных вопросов, им ни разу не удалось составить хороший вопрос. Пилотаж всегда выявлял какие-либо нарушения, подчас кричаще грубые и несурзные, которых заранее не могли заметить специалисты высочайшего класса. На мой взгляд, ФОМу требовалась методическая или когнитивная лаборатория, но в то время даже речи не могло идти о том, чтобы часть методических затрат переложить на заказчика. В том числе и потому эта идея не прижилась.

Но важнее для дальнейших событий стала утрата моей личной заинтересованности в продолжении сотрудничества с ФОМом. Азарт от получения первых результатов стихал, а рутинную работу организовать не удавалось. В какое-то утро понедельника я проснулся и понял, что не хочу больше работать в ФОМе. Просто набрал номер директора по исследованиям Елены Серафимовны Петренко (я тогда общался по большей части именно с ней) и без объяснения причин сказал, что с сегодняшнего дня больше не работаю в фонде. Это был мой первый уход из ФОМа. Непростительно мальчишеский, впрочем, как всегда. Ещё со времен банка «Находка» я уяснил, что самое главное — чтобы на работе было комфортно, и если возникает острое чувство неудовлетворенности, лучше уйти. Вот такие странности характера. Мои отношения с Ослоном испорчены не были, но образ чудаковатого придурка у меня, по всей видимости, сложился. Сейчас могу лишь сказать, что благодарен судьбе, постоянно сводившей меня с людьми, которые принимали мою чудаковатость и не распространяли ее на оценку всех моих действий и мнений. Действительно, я легко могу уйти, когда работа начинает приобретать для меня ритуальный характер. Но надеюсь, что есть вещи, в которых на меня можно положиться.

Остановка в Суздале, Владимирская область, по дороге к А. И. Мягкову в Иваново. Слева направо: Г. С. Батыгин, Рольф Швери, Ретто Котинг, я. 2002

Вторая половина моего сотрудничества с Батыгиным в период, о котором я рассказываю, пришлось на проект, инициированный Рольфом Швери. Ознакомил меня с этим проектом Геннадий Семёнович. Бывший аспирант Батыгина, защитивший кандидатскую диссертацию по социологии в России, Рольф Швери родом из небольшой швейцарской деревеньки, расположенной в альпийских высокогорьях. Проект с подачи Рольфа назвали громко: «Будущее молодёжи России». В нём работало несколько исследовательских команд. Было количественное исследование девиантного поведения молодёжи, проведенное Мягковым, было изучение жизненных траекторий под руководством Константиновского, что-то писал Темницкий. Я изучал молодежные формальные организации. В результате получился любопытный кейс, когда параданные дали более содержательную информацию, нежели основные, ради которых и проектировалось исследование.

Проект осуществлялся в трех городах: Москве, Красноярске и Краснодаре. В нашей литературе вошло в привычку обосновывать выбор регионов какими-нибудь «объективными» параметрами: социально-экономическим развитием, географическим расположением, численностью населения и т. д. На самом деле чаще за этим стоят личные пристрастия исследователя. И наш выбор не стал исключением. Москву выбрали потому, что никуда не нужно было ехать, в Красноярске я хотел повидаться с друзьями, а Краснодар попал в список отчасти по созвучию, отчасти из-за того, что там жил Олег Оберемко, с которым у Батыгина издавна сложились хорошие отношения. Кстати, забыл его упомянуть среди учеников Геннадия Семёновича. Одним из самых блистательных проектов Олега я считаю перевод работы Миллса «Социологическое воображение», вышедший под редакцией Батыгина. В проекте «Будущее молодежи России» мы запланировали взять по 40 развёрнутых интервью с руководителями молодежных организаций в каждом городе. После серии обсуждений я поспешил улететь в Красноярск: слишком сильно тогда потянуло в студенческую alma mater.

Поселился я у однокурсника по экономическому факультету Александра Варезкина. В то время он возглавлял контрольно-ревизионное управление Красноярской налоговой инспекции. Сидели мы с ним, выпивали, вспоминали былые приключения, а еще я сетовал, что ума не приложу, откуда эти молодежные организации извлекать. И тут он предложил гениальный по своей простоте ход: если задача состоит в том, чтобы изучать организации и сузить их круг до формальных, то единственно правильное решение — идти в Минюст, где они проходят регистрацию. По запросу чиновники обязаны дать необходимые сведения. Так я и сделал и вскоре получил список из пары сотен организаций, зарегистрированных в Красноярске. У меня оказалась на руках таблица с перечнем их названий, руководителей, контактных данных (телефонов) и юридических адресов.

Нетрудно догадаться, что, имея на руках столь ограниченную по численности генеральную совокупность, я решил сделать сплошной локальный телефонный опрос с основной задачей — рекрутинг на участие в развёрнутых интервью. Сел за телефон и фактически пропал для друзей на месяц.

В Красноярске я пробыл около сорока дней. Думал, со всеми повидаюсь, но в итоге график работ оказался настолько напряженным, что пришлось ограничиться лишь вечерними разговорами с Сашей. За это время я взял 40 личных интервью под диктофон и провел несколько сотен телефонных разговоров (конечно, в части случаев дело ограничивались телефонными гудками). В результате в личных интервью ничего особо содержательного я не увидел: формальные обороты, по существу просто устные отчёты о проделанной работе или жалобы на власть, на недостаток финансирования, пассивность молодежи и т. д. Видимо, просто не сумел разговаривать в нужном ключе своих собеседников.

В швейцарском городе Фрибур у ворот городской тюрьмы. 2003

Зато регистрация телефонных соединений позволила сформулировать и проверить весьма любопытные гипотезы, сконструировать концепт открытости, или доступности, формальной молодежной организации. Этот концепт я разложил на несколько составных элементов: 1) техническая доступность, или возможность дозвониться до абонента; 2) организационная доступность, или наличие организации по указанному телефону; 3) доступность для разговора руководителя, возможность получить его контакты или поговорить по уже известному телефону; наконец, 4) коммуникативная доступность, выраженная в факте личной встречи, позволившей взять развернутое интервью. Сформировалась воронка отбора, в которую входил весь массив зарегистрированных организаций, а на выходе были лишь те, с которыми удалось вступить в контакт. Через такую операционализацию проделанной работы стало возможно говорить об открытости как основном атрибуте некоммерческой организации, выявляемом не через ее лозунги и призывы к совместной работе, а посредством описания фактического состояния дел.

Каких только казусов не случилось в ходе этого исследования! Это и выяснение отношений, и угрозы из-за навязчивых звонков, и искреннее недоумение по поводу того, что такие вещи хоть кого-то интересуют, и долгие расспросы относительно предмета разговора. К более-менее открытым в моей типологии, то есть по тем телефонам из списка, по которым удалось установить хотя бы наличие соответствующих организаций, я отнес 20 % единиц наблюдения. И эта цифра оказалась устойчивой как для Москвы, так и Краснодара. Ее же я обнаружил у других исследователей, пытавшихся оценить реалии российской молодежной политики.

Наибольшее удивление у меня вызвал тот факт, что средний возраст молодежного руководителя составлял почти 50 лет (я, конечно же, задавал несколько вопросов своим абонентам, если удавалось с таковыми поговорить). Это подтолкнуло к тому, чтобы сформировать ещё один исследовательский план, который я реализовал уже на московском массиве уставных документов молодежных организаций. Проведя контент-анализ этих документов и построив семантические сети отглагольных существительных, определяющих уставные цели организаций, я обнаружил, что все цели вписываются

в 11 словоформ. Центральными из них были две: «развитие» и «содействие», а дальше шли «поддержка», «защита», «воспитание», «образование» и др.

Пазл начал складываться. Возраст лидера российских формальных молодежных организаций и не мог быть другим, поскольку они создавались не для реализации запросов и интенций самой молодежи, а исключительно для проведения «воспитательной работы», «поддержки государственных или муниципальных программ» и «подготовки молодежи к взрослой жизни». Такие организации с их лозунгами, говорившими о выражении интересов современной молодежи, сквозь призму проведенного анализа предстали, напротив, машинами по социализации, выражающими интересы старших поколений. Это в чистом виде индустриальный проект, плохо, еле-еле работающий, но несущий в себе все признаки института подавления (по Фуко). Отсюда понятны колоссальный разрыв между формальными и неформальными молодежными объединениями, а также невозможность включения первых в юридическое поле без потери изначальной идентичности. Другими словами, формальной у нас становится только та молодежная организация, руководство которой начинает работать не для молодежи, а над ней, приобретает черты наставничества и менторства.

По результатам проекта я сделал доклад во Фрибургском университете в Швейцарии. Тамошние студенты сидели открыв рты и никак не могли взять в толк, как молодежные инициативы могут быть заменены «воспитательной работой». У нас в России на тему проведенного исследования выпустили ряд журнальных статей, сборник работ, организовали конференцию. Это была последняя для Геннадия Семёновича научная конференция. По-моему, Костюшев сделал его фотографию. Батыгин, держа пачку сигарет в руках, прямо, с ироничным огоньком в глазах смотрит в камеру. Заострённые черты лица — как предвестники беды, которую тогда никто не мог предположить...

6

Летние разъезды 2014-го

Родительский дом. Убийство соседей. Ночной разговор. «Зло всегда наказывает зло, и зло — это я». Научные и коммерческие исследования с точки зрения методологии неразличимы. Лазарсфельдовский максимализм. Мифология случайной ошибки выборки. Грушинские конференции. Антиколониальное понимание российской глубинки. Уральская экспедиция. Сатка. Знакомство с Сергеем Коростелевым. Разговоры с уральцами. Самая большая трагедия — потеря веры в себя. Растерянность властей. «Живём, и ладно, не хуже других». Талантливые люди. Угощение ухой. Как слетает шелуха хулиганства. Сложность ответственного высказывания. Размышления Симона Кордонского. Проекты с Виталием Куренным. Распределённый образ жизни. Риторика устойчивого развития. Разговор об эмиграции. Быстрая этнографическая экспедиция в Вязниках. «Беззубая, одинокая старуха». Тринадцать лет на рынке в арендованной палатке. «Я никогда не была за границей и не собираюсь». Переезд — предельная ситуация, выбор на грани. Реальность «невменяемого активизма». Мечты об эмиграции.

Действительно, жизнь многомерна и целостна. Но я все же рискну попросить Вас вернуться к одному из сквозных сюжетов изложенной Вами истории. Да, конечно, точность (функция типа и объема выборки) результатов опроса должна быть априори обоснованной, целесообразной, и нельзя не согласиться с приведенными Вами рассуждениями Садмена.

В США, Вы знаете, тема «Точность и стоимость» давно стала классической. Но ведь имеет смысл говорить об обоснованности не только точности (статистического параметра), но и меры логической валидности. Мы с вами очень давно вспоминали «Песнь о Гайавате» Мориса Кендалла, в которой спрашивается, что лучше: прямое попадание или статистически безупречный подход? Да даже и не самое прямое...

Конечно, достижение высокого уровня логической валидности (правильности) требует специальных методических, когнитивных исследований. Но Садмен, да и Вы тоже, имеете в виду survey (социологическое, демографическое исследование, академический проект), полстеры же имеют дело с polling (опрос общественного мнения, измерение массовых установок). И часто их «приближенное» заключение $2 \times 2 = 5$, сделанное сейчас, много полезнее для общества, практики, чем утверждение $2 \times 2 = 4$, сказанное через полгода. Как совместить работу методической или когнитивной лаборатории, закономерное стремление ученых к учету в результатах опросов «взаимодействия с респондентом» и поточный, фабричный труд полстеров?

В своем нынешнем автомобильном путешествии по России я добрался до родителей. В Абазе — вторую неделю. Всего несколько дней назад прямо над нами, на втором этаже, вырезали семью — Серёжу и Любаню, как звали их соседи. Ему перерезали горло, а её задушили. Серёжа был инвалид с детства, кажется, с синдромом Дауна, но с этим заболеванием закончил восемь классов общеобразовательной школы, что нетипично для наших широт. Ему было чуть больше шестидесяти. Я помню его со своих ранних детских лет. Всегда сторбленный, серьезный, в неизменном пиджаке, брюках. На голове клетчатая кепка-блин. Говорил комкая слова, нужно было сделать усилие, чтобы разобрать сказанное. Он не знал вкуса спиртного и даже попробовать отказался наотрез, насмотревшись на трагичную судьбу старшей сестры и брата. Любаня — из многодетной семьи, пятеро детей-инвалидов. Какое у неё заболевание, не знаю, но тоже что-то ментальное. Пила много, легко, без затяжных похмелий. На днях они оба получили большую по местным меркам пенсию. Это и оказалось основным мотивом для преступления. Убийцу нашли быстро: их же знакомый, с которым выпивали время от времени вместе, заглянувший на ночную посиделку...

А я вчера получил от Вас письмо. Вопрос Вы задали важный, давно меня интересующий, потому не мог успокоиться, вышагивал по квартире. Душно.

За полночь пошёл побродить по городу. Фонари, машины, народ у ларьков. Пятница перед Днём молодёжи. Резко наперерез затормозила «девятка», оттуда вывалился подвыпивший парень: «Стой! Стой, я тебе говорю!» Худощавое лицо, сам сухой, жилистый. Длинные руки, костлявые пальцы. Глаза бегающие, карие, отдающие под уличным фонарём желтизной. Гнилые редкие зубы с неизменной в таких случаях золотой коронкой. Я этот типаж опознаю сразу: вор, для которого годы в тюрьме перекрывают годы на воле. В толпе их не видно, как-то умудряются теряться, быть не на виду. Но как только остановишься и присмотришься — диву даёшься, почему не видел раньше, не выделял из толпы. Вышел он с двумя монтировками. Одна заводская, увесистая, вторая самодельная, вырезанная из арматурного прута. «На, держи...» — протянул он мне самодельную. Завязался разговор, с моей стороны несколько настороженный: от таких встреч никогда не знаешь, чего ждать, каждая реплика — шаг в неизвестность. Разговор несвязный, потому я привычно перехватил инициативу.

— Сколько тебе лет?

— Тридцать два.

— Сам отсюда?

— Нет.

— Откуда?

— Из Красноярска.

В Красноярске он не жил, сидел. Потому и город толком не знает. В ответ на мою паузу завёл разговор о вере, начав с шаблонного:

— В Бога веришь?»

— Стараюсь, — ответил я уклончиво.

Затем последовала невразумительная речь, которую я довольно быстро прервал, переключив разговор на свое.

- Как думаешь, Крым правильно взяли?
- Крым? — в глазах недоумение.
- Да, Крым.
- Это всё уже история.
- А Донбасс надо брать?
- И это уже история. Я тебе лучше скажу про нас: зло всегда наказывает зло. И зло — это я... (Пауза.) И запомни: зло всегда наказывает зло. Давай назад монтировку.

Всё это время я держал металлический прут в руках, а он время от времени скашивал на него взгляд. Пожали друг другу руки. Рукопожатие нетвердое, с касанием. Нет никаких сомнений, вор со стажем. Даже когда отошёл, мое напряжение не спало. Никогда не знаешь, чем и когда заканчиваются такие встречи.

Ни у вора со стажем, ни у погибшего соседа-инвалида нет шансов попасть в выборку. Слишком неудобные они собеседники, не вписываются в привычные каноны дисциплинированного прохождения по вопросам анкеты. Если даже завел бы забредший интервьюер разговор с таким собеседником, то вскоре сконфузился бы и удалился. В этом нет никаких сомнений. Обычная модель стандартизированного интервью не принимает во внимание подобных людей, списывает такие ответы, как «Это всё уже история», на пропуски или затруднения. Это традиционно труднодостижимые группы, скорописью указываемые в учебниках по методике проведения опросов. Но сейчас граница достижимого отодвинулась, и в разряд неудобных собеседников зачастую попадают куда менее изолированные от общества люди. В этом нет ничего страшного. Мы не можем регистрировать все признаки, не можем опросить всех отобранных респондентов. Погрешности даже в самом точном измерении неизбежны. И тут вроде бы вполне уместно вспомнить формулу «дважды два — не всегда четыре» или слова о «тумане в голове респондента», или о «фантастической способности средних значений сглаживать, нивелировать любые смещения». Но это совсем другая история. Не о валидности здесь нужно говорить и даже не о надежности, а об элементарной гигиене регистрации происходящего. Сама природа складываемых цифр неясна. Что измеряем? Ответит ли кто-либо на этот вопрос, оставаясь просто в области

Беру в Екатеринбурге интервью по проекту Виталия Куренного о российской интеллигенции. 2008

очевидного, более-менее доказательного, а не предписанного мифической «большой наукой»?

Я не вижу в текущем российском контексте проблемы разделения polls и surveys, или социальных обследований и исследований (в батыгинской терминологии), не вижу необходимости ставить задачу совмещения «серьёзных» научных проектов с конвейерным производством. Более того, думаю, что подобное противопоставление лежит в ряду типовых оправданий, раз за разом повторяемых полстерами. Доводов в пользу такой позиции несколько. Постараюсь на каждом кратко остановиться.

Во-первых, шанс заниматься социальными исследованиями гораздо больше в бизнесе, чем где-либо ещё, тем более, в душных студенческих аудиториях или в весьма неповоротливых, пропахших нафталином академических

институтах. Это слова Пола Лазарсфельда, но они уже стали мне настолько близкими, так обросли личными историями, что в какой-то момент я перестал следовать точной цитате и ставить кавычки. С Лазарсфельдом меня познакомил Батыгин — на лекциях и через прекрасно написанную биографию «Ремесло Пауля Лазарсфельда: введение в его научную биографию», переизданную в «Социологическом журнале» вскоре после смерти Геннадия Семёновича. Аргументация позиции, о которой я говорю, лучше всего дана самим Лазарсфельдом. В бизнесе слишком высока цена ошибки. Там люди ответственно подходят к поставленным задачам, лучше чувствуют проблемы, точнее формулируют цели. Если исследование не служит каким-то ритуальным играм (например, освоение исследовательского бюджета, что бывает в крупных корпорациях), а направлено на решение конкретных задач, лучший подарок для исследователя трудно представить. Роберт Мертон с его идеологией теорий среднего уровня хорошо объясняет скромные, с точки зрения классического социологического образования, амбиции прикладных исследователей. Они не ищут объяснения социального порядка и не создают систематических описаний социальных институтов. Именно «низкий полёт» теоретического мышления гарантирует логическую валидность получаемых результатов, оберегает исследователя от спекулятивного дискурса. Другими словами, не нужно приравнивать научное к грандиозному, длительному и глобальному. Быстрое, кривое, скомканное во временных рамках исследование имеет те же самые, а то и большие права называться наукой.

Во-вторых, научный характер исследованию придаёт не сложность процедур сбора или анализа данных, а прежде всего тщательная регистрация происходящего. Описание реальности, пусть и в оптике теоретических конструкций, но никак не подмена фактов, не приписывание объектам предзаданных, разработанных за письменным столом свойств. Проблема не в том, что у исследователей мало времени и денег, а в том, что, обговаривая будущие проекты или представляя результаты исследований, они прикрываются надуманными схемами, блокируют хотя бы зачатки рефлексии о происходящем. Объяснять такое поведение давлением особой институциональной среды, окружающей полстеров, на мой взгляд, совершенно неверно. Они сами, своими руками создают эту институциональную среду, конструируют индустрию недоверия. Чем еще можно объяснить воспроизводимое всеми

упоминание о случайных ошибках выборки, рассчитываемых по весьма простым формулам при проведении квотных отборов внутри домохозяйства? Или вспомним непоколебимую приверженность полстеров данным Росстата (приравнивание последних к параметрам генеральной совокупности) при тотальном согласии с совершенно неудовлетворительной организацией переписи и отсутствием каких-либо методических помет об особенностях организации выборочных исследований, осуществляемых этой государственной корпорацией. А постоянный разговор о маршрутных выборках при тотальном опросе в дворовых и прилегающих территориях с последующим приписыванием нужных квартир? Я вижу, как морщатся некоторые коллеги от уличных опросов, одновременно ничего не желая знать о реалиях их полей, по большей части организуемых именно таким образом.

В-третьих, затраченное на исследование время давно перестало быть мериллом научности. Большие исследовательские проекты научных фондов зачастую скрывают всё те же спешные и скомканные полевые работы, которым уделяется ничуть не больше внимания, чем в коммерческих проектах. Хороший пример — как раз упомянутый выше крымский опрос. Оказалось, что трех дней вполне достаточно, чтобы реализовать научный подход. Понятно, что потом нужны дополнительные усилия по обработке данных, поиску литературы, сопоставлению с другими исследованиями и экспериментальными планами. Я не пытаюсь отмахнуться от классического представления о научной работе. Но это вполне могут быть не годы и даже не месяцы, что мы и продемонстрировали, сделав быстрый экспресс-анализ качества опросного инструмента. Можно, конечно, поставить под вопрос научность полученных нами результатов. Но здесь я придерживаюсь попперовской демаркационной линии: пока результаты доступны для опровержений, их смело можно относить к плодам научной деятельности. Остальные требования можно предъявлять только после обнаружения необходимой и достаточной фальсифицируемости научной работы.

Наконец, в-четвёртых, никогда не нужно смешивать методическую и текущую работу. Методические находки никоим образом не должны влиять на текущий проект, работа над ними включается в более длительную перспективу. Если даже обнаруживаются явные угрозы валидности

и надежности проведенных измерений, причем эти угрозы не корректируются в рамках отработанных процедур, их следует зафиксировать, но не поднимать панику. Корабль должен идти своим курсом и не менять его от каждого порыва ветра. В этом смысле фабричные, конвейерного типа опросные технологии представляют идеальную площадку для методических экспериментальных планов, для накопления научного знания о социальных взаимодействиях.

После столь затянутого введения ответить на вопрос о совмещении методической и содержательной работы не так сложно. Нужно выполнить единственное требование: перестать приписывать социальному объекту несуществующие свойства. Что, безусловно, потребует разработки развернутой структуры регистрации параданных, или сопутствующих данных, о которых я не перестаю писать и говорить на всех площадках. Например, если мы обнаружили, что в опросной технологии выборка реализуется на усмотрение интервьюеров, своего рода *interviewer driven sample*, то это должно приводить не к грубой ломке устоявшихся годами практик, а к их детальному описанию, пристальному анализу работы интервьюеров, отбору и регистрации значимых для результатов исследования признаков. Мы же видим, что игра в компромиссы, декларирование доверия и прочие отговорки и отступления от весьма простой и неказистой функции отслеживания процесса коммуникации приводят к кардинальной деградации опросной индустрии, потере веры не только в научность, но и в элементарную честность всех участников замеров общественного мнения. С одной стороны, постоянно воспроизводится некоторое подобие отчетности, с другой — любой интервьюер может много рассказать о том, как обстоят дела «на самом деле».

На мой взгляд, полстерам пора перестать стоять в оборонительной позиции, заявляя направо и налево о своей честности и профессиональной неподкупности. Пора начать служить ошибкам, искать и наблюдать за ними. Только тогда появится хотя бы шанс включить инвалидов и преступников в общероссийскую выборку, а не отмахиваться от их голосов как слишком труднодоступных и «неформатных» для стандартизированной анкеты.

Два рассказанных Вами эпизода в Абазе иллюстрируют описанную выше атмосферу жизни в городе. Там мало что меняется? Это вообще типично для малых городов того неблизкого края? Или, по Вашему мнению, этот мир много шире? Есть ли у населения этого мира желание, потребность, возможности изменить его в лучшую сторону? Или полная безнадежность?

Мир не просто шире, он другой, не поддающийся колониальному пониманию, исходящему из некоторой цитадели смыслов — научных, административных, правовых... Поразительно, но порой, читая залихватские социологические тексты или глубокомысленные рассуждения о судьбах русского народа, диву даёшься, насколько богат, самобытен и одновременно далёк от каких-либо реалий внутренний мир наших обществоведов. Чистая фантастика. Зачастую выдавая собственные страхи и комплексы за некоторую «объективную реальность», они нагромождают одни предрассудки на другие, клеймят и обличают, вздыхают об «особом пути» или «упущенных возможностях» и... отказываются замечать очевидные, лежащие на поверхности вещи. Всё это разговоры посторонних, более отражающие личные переживания, нежели декларируемые социальные взаимодействия. Я не склонен петь гимн происходящему, как не вижу повода и ставить крест на российской действительности. Единственное, в чём я абсолютно уверен, — это в необозримости коммуникативных отношений, многообразии социальных порядков и удивительной глубине человеческих судеб. Это присутствует в каждом городе, селе, богом забытой глухомани... Только через такое удивление и можно подходить к осмысленному разговору о социологическом труде, профессии и призвании обществоведа.

Недавно в перерыве между проектами я закончил проверять итоговые эссе по своему курсу методологии в Шанинке. В одном наткнулся на замечательный пример диалога, иллюстрирующего несостоятельность стандартного, стерилизованного привычными шаблонами взгляда на жизнь в малом городе. Пример — из одного нашего опроса, которые мы в РАНХиГС в избытке проводили в последние годы и методическими результатами которых я охотно делюсь со студентами. Посмотрите сами.

— Хорошо. А делает ли что-то местная власть для жителей вашего города, района? Извините, если да, то что?

— А давайте я вам кратенько обрисую ситуацию: тротуары советского времени, дома не красятся, раньше красились, ну, в общем, так себе.

— Ничего не делают, да, вы считаете?

— Ну почему? (Протяжно.) Где-то что-то вон они... Не так это, не так это, не так это. Но на следующий год я не знаю, будем по тротуарам ходить или нет. Вообще-то о людях, мне кажется, думают мало...

— Угу, понятно, хорошо. А как вы оцениваете благоустройство территории, там, где вы живете, — отлично, хорошо, удовлетворительно или плохо?

— Благоустройство... Город у нас красивый, но в связи со всеми действиями ЖКХ погрузили во тьму, во тьму погрузили! Город во тьме! Как в военное время, когда налетали чужие бомбардировщики, свет не включается. Мы живем во тьме, ходим по плохим тротуарам. Ну чего еще сказать...

— Так что мы отметим, вот: благоустройство территории — плохо, удовлетворительно, хорошо? Что мы отмечать будем, как вот вы считаете?

— Ну, у нас территория дома нормальная, но условия проживания...

— Ну что? Отметим, вот именно, благоустройство территории вокруг дома, вот, хорошо, удовлетворительно.

— Хаххх... Вот видите, как у вас поставлены вопросы: между удовлетворительно и хорошо. Но вопросы поставлены вообще-то не те... Надо просто ездить, смотреть, а потом уже вопросы задавать. Благоустройство, ну что такое... Ну так на вид окрашено, но к моему дому и здесь едут машины, и там, рядом с домом вырубали красивую березу, у нас вообще пошло вырубание деревьев. Мне это не нравится...

— Угу.

— Много всего. Здесь надо не по телефону говорить, здесь надо приезжать, смотреть, и все тут... По телефону вы много не наберете, и опять будет все прекрасно.

— Ну почему? Так мы узнаем большинство... как вы... Как считают люди, какие проблемы?

— Люди так же считают. Нет... Люди считают так же, что все хорошо, все прекрасно.

— Людмила Васильевна, вот из этих вот вариантов что подойдет — о благоустройстве территории?

— Благоустройство хорошо подойдет. У нас красивый двор, это подойдет хорошо. Но условия проживания, если есть такой вопрос... то плохо, потому что у нас есть вечерние смены, ночные смены, люди ходят плохо, с фонариками... Это в городе, это XXI век, это нанотехнологии... А вообще, вы знаете, о понятии города... Откройте — Алексей Толстой, «Петр Первый», и там как начинается описание, и читайте, и получите описание нашего города.

— Угу, понятно.

— Тротуары — не пройдешь после дождя, это даже в центре, центральная улица как после бомбежки... Вот у нас город получил звание боевых этих... понимаете... Но прежде приезжайте, посмотрите. Мне больше нравился город при советской власти, когда за ним следили, когда красили, когда проспект был проспектом.

— Угу, а как вы считаете, коммунальные услуги население сейчас оплачивает по заниженной либо по завышенной, справедливой цене?

— Все завышено. Да знаете, что я хочу вам сказать... Все вот... управляющая компания делает себе деньги из воздуха, очень все завышено... Ой... Ну что я вам могу сказать? Все делается из воздуха...

— Хм... Понятно.

И я склонен, практически как Людмила Васильевна из небольшого сибирского городка, отвечать вам то ли уклончиво, то ли неразборчиво, но всё одно неподходяще. «Есть ли у населения этого мира желание, потребность, возможности изменить его в лучшую сторону?» Тот ли это вопрос? И можно ли на него ответить? В поездках по России, по малым городам и деревням приходит иное понимание — объёмное, разнородное, с огромным количеством страхов и обид на власти предрержащие, на соседей, на окружающий мир, с одновременной неподдельной радостью, восторгом от природы, любовью к детям, заботой и нежностью к близким... Как это уместить в «возможность изменить жизнь в лучшую сторону»? Жизнь уже лучшая, достойная. Она полна тем, что длится, что преодолевает напозающие тени безвременья, тоски и отчаяния, что создаёт смысл твоего пребывания в этом мире, наполняет его человеческим светом. Разве это не стремление что-то изменить? Без этого просто нет жизни. Нельзя жить, не изменяя себя, не изменяя окружающих, не стремясь к лучшему. Я вновь невольно полемизирую не с вами, а с укорененными в интеллектуальной среде представлениями

о лукавом, неразборчивом, живущем в грязи и непотребстве народе, согласном на любые причуды власти, поддерживающем любого правителя. Точно знаю, что это не так. И отнюдь не продолжаю народнические настроения, а лишь передаю те ощущения сопереживания, то совместное понимание действительности, которые накрывают в экспедициях, позволяют задуматься над происходящим, выйти за рамки московских призывов к протесту и борьбе.

От родителей я сразу поехал в очередную экспедицию, теперь уже на Урал, в городок чуть больше Абазы, 40-тысячную Сатку, расположенную в Челябинской области. Это всё тот же малый моногород с укоренённой заводской культурой. Градообразующее предприятие по добыче магнезита и переработки его в огнеупоры для металлургической промышленности насчитывало в начале 1990-х 14 тысяч работников. Считайте, каждая семья в городе имела непосредственное отношение к этому производству. К началу 2000-х численность жителей города сократилась до 8 тысяч, сейчас, в 2014-м, на предприятии работают 4 тысячи человек и планируется сокращение до 2 тысяч. Казалось бы, полный упадок и разруха, откат в далёкие доиндустриальные времена. И многие искренне так полагают, сваливая вину на хапуг-предпринимателей, москвичей, центральную власть. Местная — всё одно поставленная и ничего не решает. Из разговора на саткинском рынке со скупающим пенсионером (я записал этот разговор на диктофон):

— Ну что, совсем, что ли, плохо стало?

— Ну так если предприятия вымирают, вы считаете, это хорошо? Москва скупает все предприятия. ...Когда-то процветающий «Магнезит» был. Процветающий. Сейчас продукция из Китая перебивает эту продукцию качеством, количеством, ценой.

— Шансов нет, вы думаете?

— (Пауза.) Будем говорить, практически уже не стало. Хотя это было процветающее (пауза) предприятие. ...Каждый проходящий в перестроечные периоды старался меньше вложить, больше взять.

— Сейчас-то вроде устаканилось, другие времена.

— Нет, нет, абсолютно те же. Хозяева меняются. Всё отдано на откуп предпринимателям.

— Такие гиганты — на откуп отдельным лицам?

— Конечно, конечно, конечно... Ну давайте так возьмём... «Северсталь» кто возглавляет? Личность? «Норникель»...

— Но это далеко, а «Магнезит»?

— Москва.

— Москва разве?

— Москва, Москва...

— Но из Москвы-то не науправляешь.

— Ну как? Почему-то Москва всем управляет. Везде успевают. Там же, в Москве, как? Вот такой домик стоит. (Демонстрирует большим и указательным пальцем, с зазором на сантиметр.) Вот. Сидит один клерк, а у него много предприятий по России. Ведь главное — рейдерский захват. ...Ну давайте посмотрим на Госдуму.

— Как-то вы все далеко. Давайте на местную власть посмотрим.

— Да какие они власть? Вы что? Какая власть? Вот главу Саткинского района поставил «Магнезит». А «Магнезита» — Москва. Вы чо?

— Тоже местная власть.

— Какая местная? Да они ни одного решения не принимают. ...Нет, всё это как было — ничего не меняется. Пришёл один барин — пришла его команда. Пришёл другой барин — пришла другая команда.

Действительно, «полная безнадежность». Это с одной стороны. С другой — иная картинка. Нас пригласил Сергей Коростелёв, владелец этого самого «Магнезита», градообразующей компании. Они сокращают численность работников, поскольку идёт планомерная модернизация добычи и обработки, вводятся новые автоматизированные цеха, закупается и монтируется австрийское оборудование. Там, где работали сотни людей, нужны единицы. Мера вынужденная: повысились экологические нормы; наступают на пятки китайцы, которые фантастически быстро наращивают производство, автоматизируют добычу, повышают производительность труда; изменяется доменная технология, задающая основной спрос на продукцию комбината. Современная добыча магнезита, производство огнеупоров уже не требуют огромного количества ручного труда. И в этой ситуации изменение статуса комбината назрело как никогда. Активно обсуждается будущее города, региона, идёт поиск иных, постзаводских форм занятости: туризм, образование, сфера услуг. Город и район переживают сложные времена, но не безысходные.

Город Сатка, Челябинская область. Сергей Коростелёв (крайний слева) разговаривает с рабочим. 2014

Альтернативы есть, и реализация более оптимистических сценариев полностью зависит от самих людей, активных участников преобразований. Как включить в них население? Как не потерять пенсионеров, которые на вредном производстве уходят на пенсию очень рано (50 лет — мужчины, 45 — женщины)? Как привлечь к городу молодежь? Ее не удержать и не сделать оседлой. В современном мире это тупиковый ход, обречённый на неудачу. А надо привязать эмоционально, чтобы из любой точки страны и мира тянуло в родной край, связывало с ним невидимыми нитями отношений — дружеских, родственных, интимных...

Разве это похоже на тупик и безысходность? Скорее вызовы времени, иные порядки, требования... Конечно, не обходится без эксцессов, даже трагедий, надломленных характеров. Но за всем этим просматривается свой динамизм, не сводимый до простых формул: есть будущее или его нет, будем жить лучше

или хуже, поддерживаем правительство или нет. Жалобы на жизнь, на отсутствие работы, на воровство начальников, на непотребство властей неизменно слышишь в первые минуты разговора. Если ограничиваться мимолетным знакомством, сталкиваешься исключительно с негативом. Это удел незадачливых политиков, собирающих проблемы, выслушивающих жалобы и просьбы. Но если продолжить разговор, начать расспрашивать о судьбе, прошлых переживаниях, поражениях и удачах, то человек раскрывается, оставляет роль жалобщика и просителя. В долгом разговоре трудно быть пессимистом. Жалоба — жанр короткий, для быстрой, реактивной речи. Спросил — получил ответ. А вдумчивая речь долгая.

Сидел на днях за столом в деревенском доме, пил чай с молоком у восьмидесятилетней женщины. Муж умер, дочки разъехались. Но приехала внучка с мужем. Радость. Рассказывает о прошлом, улыбается. Удивляется разговорам о разлуке и безденежье:

«Скотина дома стоит. Отпусти — побежит. Будет бежать, бежать. Потом устанет, встанет и домой повернёт. И наш народ остановится и вернётся к труду. Всё будет хорошо. Вот увидите, жизнь у нас наладится. Еще лучше народ будет жить, вот увидите. Лишь бы войны не было, разрухи не было. Путин что должен делать? Мир держать. А ты, я... Мы работать должны. Точно, будем жить хорошо. Я уверена в этом. А пьяницы, безработные — что их жалеть? Сами выбрали такую жизнь. Столько земли кругом! На заводе нет места, пусть в деревню едут. Руки, голова есть — всегда работа будет».

Речь неспешная, рассудительная. В ней нет бесшабашного оптимизма, удали. Размеренный, уверенный тон: «Точно, будем жить хорошо». В этом нет никаких сомнений, поскольку никто кроме самих людей не сможет сделать эту жизнь правильной. А люди, подобно скотине, которую выпустили из стойла, сначала побегут, но потом устанут, одумаются и вернуться к труду.

Возможно, подобные сравнения режут слух. Мы слишком привыкли к либеральным клише, идеологическим конструкциям, воспевающим свободу, независимость, самореализацию. Здесь сталкиваешься с иным мировоззрением, для которого труд, семья, долг, забота, доверие более значимы,

фундаментальны. И вновь у американских коллег найдем быстрый ответ, классификацию. Рональд Инглхарт, не сомневаюсь, тут же диагностировал бы мою собеседницу как носителя материальной культуры, уходящей в прошлое, уступающей место постматериальному мировоззрению. В первом варианте культуры центральное место занимают справедливость и порядок, во втором — свобода выражения и самостоятельность. Можно и так. Только не оставляет такая типология места моим собеседникам, списывает их как полностью амортизированный человеческий капитал, у которого не только нет будущего, но и настоящее уже на исходе. Я же склонен видеть в таких людях основу, фундамент для возможных преобразований. Жизнь разрушается не от внешнего разбоя, воровства, разрухи, нелепиц властей. Самая большая трагедия, с которой приходится сталкиваться в разговорах, — это отказ собеседника от себя, потеря веры в собственные силы. Это действительно беда, с которой надо как-то справляться; надо помогать, поднимать человека, а не ставить диагноз «уходящей эпохи».

Чему учит пребывание в малых городах, так это умению замечать автономию сообществ, самодостаточность и осмысленность их мира, закрытого от чужаков пеленой претензий к «начальству», которое вторгается в обычную жизнь со своим казённым уставом. Увы, социологи часто ничем не отличаются здесь от нерасторопных чиновников. Та же спесь, неумение слышать другого, навязчивые представления о должном и какая-то неизбежная потребность обнаруживать обиженных и оскорблённых, чтобы в конечном итоге ещё больше их стигматизировать, усугубить плачевность ситуации. Я не пытаюсь обвинить кого-то из коллег. Подобную позицию нахожу прежде всего у себя. Пытаюсь её преодолеть, что выходит не часто. Всегда держу в голове мысль Сергея Чеснокова, выдающегося российского социолога, автора детерминационного анализа: «Если кого-то ругаешь, знай, что прежде всего это относится к тебе самому. Умей обнаружить собственную несостоятельность. Она — ключ к несостоятельности других».

И все же при всей объективности модернизационных процессов описанная Вами ситуация в Сатке иначе чем трагедия населения этого городка характеризоваться не может.

Но одновременно это и трагедия предприятия по добыче и переработке магнезита. Ведь для его нормального функционирования нужно не только определенное количество работников разных специальностей и разного уровня. Нужны сам город и его инфраструктура. Понимают ли это Сергей Коростелёв и ему подобные молодые предприниматели, есть ли у них не только желание, но и возможности обеспечить выживание таких городков? А их, похоже, на одном только Урале немало... Как быть? Ограничиться констатацией ситуации по Инглхарту или что-то другое?

Конечно, трагедия, в этом нет никакого сомнения. Достаточно посмотреть на растерянность властей, поговорить с людьми, пройтись по городу. Почувствуешь горечь упущенного, невостребованность, потерю каких-либо ориентиров. С уходом индустриальных планов, сломом экстенсивной программы развития, когда с каждым годом увеличивалась добыча, осваивались новые месторождения, открывались неизведанные ранее залежи, приезжали новые люди, утерянным оказался основной жизненный стержень — будущее. Светлое они или тёмное — вопрос второй. Но когда его просто нет, когда от самого высокого начальника до самого никчёмного, спившегося, потерявшего себя работника нет ни одного человека, кто задумывается о будущем на пять, десять, пятнадцать лет вперед, строит прогнозы, планы, соотносит с ними своё настоящее... Ведь это не такой большой срок даже в человеческой жизни. Тотальная неопределенность, отсутствие какой-либо перспективы, уверенности даже в самом близком, непосредственном. Растут дети. Спрашиваешь: хотели бы, чтобы они остались в городе? Неизменно получаешь ответ: «Как сложится, так и будет, но, скорее всего, уедут. Что им здесь делать?» Если не можешь мечтать, то не можешь воспринимать и происходящее сейчас. Счастье становится метафорой, чем-то отдаленным, нереальным. А разговоры о будущем неизменно опрокидываются в прошлое. Ностальгирующие мечты, в которых ворчание сменилось отчаянием, а потом и безразличием. «Живём — и ладно, не хуже других». Это и есть трагедия — глубокая, укорененная, которую уже как сорняк не выдернешь. К такой жизни привыкли, её приняли как свою.

Но это отнюдь не та трагедия, о которой вы пишете. Она связана с утерей предприятием былых производственных мощностей и экономическими

потрясениями лишь отчасти. Продолжая вашу логику рассмотрения биографий, могу лишь заметить, что здесь следует расширить горизонт настоящего, перестать измерять исторические отрезки привычными медийными конструктами: советская власть, застой, перестройка; Брежнев, Черненко, Андропов, Горбачёв, Ельцин, Путин... Индустриальная эпоха началась раньше, и сопутствующие ей политические катаклизмы — лишь эпизод в её эволюционном развитии. Трагедия заключается не в том, что у людей отобрали право на труд, жилище, безбедную старость, дефицит заменили отсутствием средств, а гордость за собственный народ — посредственными сериалами и криминальными новостями. Всё это может быть быстро преодолено, и примеров экономического возрождения целых наций в истории немало. Трагедия — в доведённой до предела, как это у нас со всем получается, абсолютной невозможности, неприемлемости индустриальной логики, в имперском, колониальном по отношению к своей же земле мировоззрении. Огромные карьеры, отвалы от работы обогатительных фабрик, разбросанные по откосам шурфы и штольни — я пишу лишь о последствиях развития горнорудной промышленности, к которой имеют непосредственное отношение и Сатка, и Абаза. Искорёженные недра, брошенная ржавая техника, отходы, выбрасываемые без сожаления, природа, уничтожаемая без всякого смущения. В Сатке я в первый же день заметил одному из моих собеседников, что в городе плохо дышится, воздух тяжёлый с какой-то пыльной взвесью. «Да что вы, просто вы не были у нас лет пять назад. Вот тогда действительно дышать было нечем. А теперь, с новыми технологиями, выбросов практически нет. Привыкнете». И за неделю я действительно привык, перестал замечать.

Я вижу вокруг талантливых, интересных людей, которые привыкли сначала не замечать, потом и не чувствовать запаха разрушения. Настолько привыкли, что не осознают, насколько они сами на бытовом, личном уровне несут это разрушение своим пренебрежительным отношением к тому, что находится вне их дома, квартиры или дачи. Человек производит фантастическое количество отходов. Просто не замечать этого — уже катастрофа, если же продолжать индустриальную логику надрыва, завоевания природы, то происходящее трансформируется в затяжную трагедию, в ту невыносимую, захламлённую жизнь, от которой бежит русская интеллигенция.

Сколько раз, приходя на берег речки или останавливаясь на привал в каком-нибудь живописном месте, я просто разводил руками: груды мусора, истоптанная, заплёванная земля. Как? Почему человек, который только что с семьей, с друзьями здесь отдыхал, любовался тем, что ему подарено природой, к чему он имеет отношение как гость, почему он оскверняет всё вокруг, да и самого и себя? Как можно восторгаться природой, рассказывать «о второй Швейцарии» — и тут же, не отходя от импровизированного очага, выбрасывать выпитую бутылку, пустую пластиковую упаковку, окурок?! И это в присутствии близких, значимых людей — детей, родственников, друзей. Всегда можно произвести аналитическое разделение мира: комбинаты, шахты и рудники — это одно, это индустриальный глобальный проект, глобальный экономический мир, а мусор у дома, где живёшь, у речки, где купаешься и рыбачишь, во дворе, где играют твои дети, — это другое, просто быт, локальное место. Первое требует государственных решений, внимания правительства, бизнесменов, людей влиятельных, имеющих возможность повлиять на ход истории, второе — частное дело и всецело зависит от воспитания и культуры людей, требует скорее просветительской деятельности, работы с детьми. Типичный индустриальный подход, уводящий от проблемы.

В ваших вопросах я вижу косвенное воспроизведение такого подхода, следование логике разделения производства и быта, работы и отдыха, власти и народа. Это просветительский проект, замешанный на индустриальной культуре, который уже полностью амортизирован, если использовать экономическую метафору. Чтобы увидеть предел, край, к которому привёл этот проект, необходимо перестать смотреть на происходящее сквозь оптику производительных сил и производственных отношений, преодолеть очарование идеи больших строек и гигантских проектов, отказаться от того, чтобы видеть в людях исключительно экономических субъектов на рынке труда. И самое главное — прекратить требовать заботы, опеки, поддержки от одних — от состоявшихся бизнесменов или политиков, которые в этой логике только и могут чему-то способствовать, и уйти от навязчивого воспитания других — несознательных, заблудших, обиженных и угнетённых. Разделение на власть и народ — питательная почва любого просветительского проекта.

Я уже много лет езжу на велосипеде в дальние и не очень поездки. Велорюкзак на багажнике, спальник, пенка, палатка, котелок с горелкой, немного сменного белья — и в путь. Когда один, когда с другом, когда с женой... Как-то, лет пять или шесть назад, были с женой. Устали, заехали в небольшое рыбоводческое хозяйство на пруду, купили карасей для ухи и почти там же, на соседней речке, остановились на привал. Долго не выбрали, а прямо встали около небольшого песчаного пляжа, где купался местный народ. Чуть поодаль я распаковал рюкзак, почистил картошки, покрошил лука, распотрошил карасиков... И тут к нам подошла ватага подвыпивших подростков и молодых людей в возрасте от пятнадцати до двадцати лет. Начали задираться: усмешки, попытки что-то наше взять, потрогать... Одним словом, стремительно нарастающий конфликт, с очень неприятным для нас исходом. Дело дошло до вопроса, заданного с явно провокационной целью:

— Ну что, ухой-то накормишь?

— Конечно, ребята, присаживайтесь. Сварится, вместе и поедим.

Видимо, ответ был для них настолько неожиданным, что они сразу угомонились, притихли, стали ждать. Кто-то отходил, подходили новые. Компания явно была не маленькой. Я расспрашивал об их жизни. Подошли пьяненькие девчонки. Ребята как-то оживились в скабрёзных шутках. Общество не из приятных: матерные, неуклюжие анекдоты, обсуждение вчерашней пьянки, каких-то совершенно бессмысленных «подвигов»... Тем временем уха подоспела.

— Что, ребята, будем пробовать? У нас две тарелки и крышка от котелка, так что можем вам выделить обе. Приступим?

И тут произошла еще одна неожиданность. Компания засмушалась, в ней проступили какие-то детские черты, и вместо недавнего «ты» все они как один перешли на «вы»:

— Спасибо, вы кушайте. Мы так просто, посидеть подошли. Кушайте, кушайте. Спасибо большое.

Когда мы начали есть, они сначала отвернулись, видимо, чтобы не смущать нас, а потом, забрав недопитые бутылки, ушли. Смена тональности была разительная. Из хулиганов, бессмысленно проводящих жизнь и, не сомневаюсь, способных в запале отобрать жизнь у другого, они превратились в совсем других людей. Вдруг проступили человеческие лица, а на лицах — смущение, стыд, растерянность... Что-то произошло в их головах, что отрезвило их в прямом и переносном смысле, переопределило ситуацию.

За словами о трагедии города и комбината, за экономическим коллапсом, разрушением города и его инфраструктуры я вижу иной сюжет, не включающий самих жителей в целеполагание изменений, использование их лишь как механизмов для реализации какого-то грандиозного, извне заданного плана. Можно горевать над текущим состоянием, сокрушаться безденежью, бескультурью, безвременью и совершать героические попытки выйти из кризиса, создать какой-то внешний — мобилизующий, воспитывающий и развивающий созидательные силы — проект. Но для меня это равносильно абсолютно бесперспективной на той речке позиции морализатора — упрекающего, ставящего на вид, защищающего своё пространство и свою идею. Конечно, типичен другой путь: натолкнувшись на агрессию, испугавшись (что естественно и нормально) непонятной, абсолютно чуждой среды, бежать не оглядываясь, только чтобы не быть больше в том месте, где к тебе подходят со скабрёзными шутками, унижающими тебя, ставящими в неприятную, неудобную позицию. А нужно всего лишь начать слушать, присматриваться, пытаться понять не только происходящее, но и людей, которые его создают.

За произошедшее со страной мы все несём солидарную ответственность — от олигарха, сколотившего на ваучерной приватизации огромное состояние, до потерявшего все свои сбережения пенсионера, которому приходится выбирать, на что потратить свою мизерную пенсию — на продукты или на лекарства. Конечно, ситуация такого пенсионера требует вмешательства, оказания помощи, поддержки. Но это уже другой разговор, не о причинах кризиса и не о способах его преодоления. Безусловно, для нормального функционирования «Магnezита» в Сатке нужно не только определенное количество работников разных специальностей и разного уровня. Нужны сам город и его инфраструктура. Нужна определенная социальная среда.

На горном озере в Хакасии. 2008

Но бессмысленно вести разговор о каких-либо преобразованиях, не отдавая себе отчёта в том, на какую почву эти преобразования ложатся, что в итоге подлежит реформированию. Реанимация индустриальной культуры — тупиковый, лишь усугубляющий плачевное положение путь. Трагедия, о которой мы говорим, в том и заключается, что у этого пути есть слишком много апологетов, сторонников, растрачивающих свою энергию, привлекающих ресурсы других на поддержание промышленных колоссов,

масштабных, грандиозных машин насилия над окружающей средой. Когда достижение определяется через выработку, через наращивание объёмов добычи и разработку всё новых месторождений, нет ни времени, ни сил для осмысления того, к чему приводит подобный экстенсивный вариант экономического развития.

Все разговоры о сбалансированном, эргономичном производстве, необходимости учитывать экологические нормы, развивать новые технологии, очистные сооружения — лишь жалкое прикрытие первоначальной и основной цели. Она состоит в извлечении смысла не из созидания, а из завоевания, разрушения, если хотите, глобального промышленного потребления — конечно же, за счёт будущих поколений. Последние рождаются в среде, казалось бы, абсолютно не приспособленной для существования. Но они живут, привыкают. Кто-то бежит. Родители не желают детям повторения своей судьбы, всячески выталкивают в другие города, к лучшей жизни. Живут для детей, а фактически вовсе не живут, поскольку нельзя жить в грязи, которую сам же производишь. Нельзя жить, чтобы производить грязь. Точнее, можно, и мы наблюдаем такое по всей России, но это уже не жизнь. В этом и заключена настоящая, не надуманная, укорененная в сознании трагедия нашего народа. Увлечшись индустриальной идеей, враз сломав все устои, порвав все нити, соединяющие нас с землёй, мы получили вместо городов гигантских, издыхающих в своих же отходах промышленных монстров. А теперь еще начинаем искать способы их реанимации, вздыхаем о прошлых объемах добычи и загрязнения. Зачем? Это благо, что подкосились привычные рынки, по большей части настроенные на обслуживание военно-промышленного комплекса, благо, что снизилась добыча, пришли западные инвесторы с иным взглядом на экологию и иными представлениями о допустимых выбросах. Много из того, что пытаются исправить наши экономисты, чему придают статус проблемы, бедствия, экономической катастрофы, я считаю благом, возможностью для качественных преобразований, которую надо увидеть и принять, а не переносить в будущие индустриальные комплексы. Беда не в обрушившемся уровне жизни, а в изношенном мировоззрении, не находящем никакой опоры в мире затухающих больших строек и умирающих промышленных гигантов.

Как быть? Что с этим делать? Чрезвычайно сложный вопрос, особенно на фоне каких-то беззубых, гуттаперчевых ответов, в избытке произведенных за последние десятилетия различными советчиками — консалтинговыми компаниями, маркетинговыми фирмами, стратегическими и аналитическими департаментами крупных холдингов, политехнологами, политическими деятелями, разного рода помощниками и... социологами. Социологи, к счастью, занимают в этом списке далеко не первое место как по востребованности, так и по включенности в национальные социально-экономические проекты. Сегодня любое высказывание о возможных, необходимых или достаточных действиях невольно попадает в контекст избыточной словесности, разговора ради разговора и дополнительных ресурсов, направленных на его поддержание. Вольготность и безответственность высказываний о будущем уже так прижились, что никто не ожидает ни от власти, ни от экономических реформаторов, ни от социальных аналитиков какой-либо ответственности за сказанное. Когда нет ответственности, слова приобретают невыносимую лёгкость всё того же хлама, мятую ребристость брошенной пластиковой бутылки. Мы производим отходы во всём, в том числе и в описаниях происходящего. Поэтому как бы ни рвались слова, как ни хотелось бы написать чуть ли не программу действий, ограничусь лишь комментариями и заметками на полях некоторых аналитических проектов.

У Симона Кордонского, теоретика весьма фантазийного, но местами необычайно точного и отчётливого в письме, много схожих рассуждений, в том числе и о малых городах. Экономические интервенции с акцентом на либеральные и неолиберальные стратегии, рассуждения о рыночной экономике, транзитивных процессах и преобразованиях он отбрасывает как исключительно идеологические фикции, не имеющие отношения к российским реалиям. Заимствованные из западной традиции объяснительные модели лишь уведут от понимания лежащих перед глазами феноменов социальной жизни и экономической деятельности наших граждан, которые, по Кордонскому, и не граждане, а ресурсополучатели. Вместо рыночной экономики он вводит понятие «ресурсной», вместо буржуазного или какого-либо иного общества — «сословное». Базовая интуиция Кордонского заключается в том, что в России за столетия, еще задолго до коммунистического переворота, сложилась традиция распределения ресурсов с одним

фактическим участником рынка — государством. Советы лишь заимствовали и немного преобразовали разработанные ранее схемы ведения хозяйства. Этим Кордонский объясняет распределённый образ жизни простых людей (городская квартира, дача, погреб и гараж) как бегство от тотального ока государства.

«Поскольку эта структура, — пишет Кордонский, — возникла как защита от усилий государства, то в ней и особая психология: это и есть жизнь, нет другой жизни, все так живут. Как в интерпретации обыденного человека действует политик? Политик — это человек, который на экране имеет свое рабочее место в Государственной Думе и там что-то тащит для своей дачи. Дача может быть в Ницце, не имеет значения, это все равно дача. Можно деньги хранить в банке в погребе, можно хранить деньги в банке в Швейцарии. Психология одна и та же что у олигархов, что у жителей поселка городского типа. Такой способ жизни закрывает доступ к рефлексии. Нечего рефлексировать, все понятно. Пусть эти клоуны в экране болтаются, главное, чтобы не повысили цены на газ, на электричество и на электричку. Все остальное для людей не имеет значения. Это и есть стабильность, но стабильность, существующая помимо государства, вопреки государству»¹⁰.

Частное, по Кордонскому, возможно лишь в тени. Оно нелегитимно в «сословном» обществе, контролирующем все возможные инициативы, допускающем лишь определенные уставами права и обязательства. И здесь он делает следующий шаг, с которым я уже не могу согласиться, — определяет коррупцию как естественную среду свободы от государства, своеобразную скрепу общества, позволяющую ему развиваться, неотъемлемый элемент «ресурсного» государства. Коррупция, по Кордонскому, и есть российский вариант гражданского общества, всегда противостоящего государству и невидимого для него. Отсюда несложно вывести и рекомендации по развитию малых городов: не мешать людям реализовывать частные интересы, не блокировать коррупционные сделки, которые суть отдача от социального капитала, не вмешиваться в частную жизнь формальными,

¹⁰ Кордонский С. Социальная реальность современной России / Публичная лекция, состоявшаяся в клубе Bilignua 29 апреля 2004 года // Полит.ру. 2004. 11 мая. [Электронный ресурс]: <http://polit.ru/article/2004/05/11/kordon/>. [Дата обращения] 19.08.2014.

законом опосредованными действиями. Каждый законодательный акт в «сословном обществе» будет весьма далёк от интересов нижнего профессионального сословия — рабочих и служащих. Ориентироваться на такого рода акты — значит уничтожить пространство деятельности и инициативы в глупинке, калечить сложившиеся неформальные связи.

Несколько лет назад у Виталия Куренного на отделении культурологии философского факультета ВШЭ (Вышки) проходила презентация номера «Отечественных записок» (2012, № 2), посвященного коррупции. В этом номере были опубликованы, в частности, развёрнутое интервью с Кордонским и две мои статьи. На той презентации мы весьма эмоционально спорили, но, кажется, так и не услышали друг друга. Он, как заколдованный, повторял раз и навсегда выбранную теоретическую схему, не реагируя на какие-либо критические аргументы, а я не мог взять в толк его базовые построения, соотнести их с тем, что видел в полевых проектах. Но за явным эпатажем и своеобразной до предела свободой речи (что удивительно, учитывая характерную манеру высказывания Кордонского) можно было уловить весьма важные мировоззренческие детерминанты, имеющие непосредственное отношение к обсуждаемому здесь вопросу: как быть с малыми городами?

Поскольку в России существует только административный рынок и кроме государства на легальном экономическом, социальном или культурном пространстве никого нет, бессмысленно начинать какие-либо разговоры о преобразовании, возрождении или спасении малых городов без встраивания их в существующий жёстко детерминированный государством обмен ресурсами. Другими словами, формулируя вопрос «Как быть?», мы фактически берём на себя функцию государства, и если переводить этот вопрос на язык Кордонского, то мы здесь претендуем на доминирующую роль: как быть, чтобы мы, задающие этот вопрос, выступили в роли носителей основного смысла малого города? Любая другая позиция, по логике Кордонского, — это всего лишь безосновательный, безответственный разговор. Ведь поскольку нет ни интеллигенции, ни интеллектуалов, ни рабочих, ни служащих, а есть лишь сословия, имеющие какое-то отношение к административным ресурсам, то любое вопрошание о будущем, любые прожекты, построение планов — это прежде всего претензия на кусочек,

пусть небольшой, в административном пироге. Будущего нет в ресурсной экономике ни у кого, пока нет будущего у государства. Формировать перспективы у населения, развивать малые города можно, согласно этой логике, только как большой, грандиозный проект, воля к которому должна быть осмыслена и реализована основными распорядителями ресурсов. Вот такая, в какой-то степени утопическая, но предельно конкретная позиция, отрицающая какие-либо местные инициативы на легальном поле. Как говорит Кордонский, государство в России пересекается с гражданским обществом лишь в статьях Уголовного кодекса.

Теоретическая позиция Кордонского чрезвычайно важна, поскольку только она сейчас выступает внятными описанием российского внутривнутриполитического курса, не легитимирует власть, а объясняет её деятельность — правовую, политическую, административную... На мой взгляд, в своих работах¹¹ Симон Гдальевич предложил язык описания, предельно точно репрезентирующий абсолютно непонятные в другой логике шаги российского руководства по построению малоподвижной и малоэффективной вертикали власти, непровольное разрастание контрольных функций, такую борьбу с коррупцией, которая на деле работает как механизм закрепления неформальных отношений, и т. д. Опирается на рациональные представления и идеи в рамках административного рынка невозможно. Любые описания будут инкорпорированы в существующие отношения, опосредованы санкциями и наказаниями. Наши разговоры становятся уместными либо как сигналы для власти, либо как элементы воспроизводства неформального, и в этом смысле незаконного дискурса, поддерживающего то самое весьма специфическое гражданское общество.

При всём при том не следует забывать, что Кордонский — это прежде всего полевик, организатор экспедиций, когда-то активно сотрудничавший с Фондом «Общественное мнение», с огромным уважением относившийся к Татьяне Ивановне Заславской, считающий её, пожалуй, единственным толковым

¹¹ Для целостного представления о позиции С.Г. Кордонского важно ознакомиться хотя бы с тремя его основными публикациями: «Рынки власти: административные рынки СССР и России» (2-е изд. 2006), «Словная структура постсоветской России» (2008), «Россия: поместная федерация» (2010).

социологом, хоть что-то сделавшим для осмысления российских реалий. И одновременно он стоит особняком, отдельно от российского социологического сообщества. Его личная профессиональная идентичность как социолога отнюдь не искусственна и не размываема общественным дискурсом, как это повсеместно в России происходит с полстерами. «Я себя не считаю интеллектуалом, я социолог, — писал Кордонский несколько лет назад в одном из электронных журналов. — Во власть я пошел исключительно ради включенного наблюдения — где бы я еще получил такой опыт? А я его получал в разных местах — на зоне, в строительных бригадах, возил взятки в Москву при советской власти еще, а тут появился случай попасть в Кремль, знаете. Как же я мог от этого отказаться? Я антрополог скорее, не социолог даже, а культурный антрополог»¹².

Проблематизируя границы социологического знания, можно с уверенностью говорить о внимательном, не оторванном от действительности взгляде на нее этого исследователя. Ответ Кордонского на вопрос «Как быть с малыми городами?» можно сформулировать, насколько позволительна подобная реконструкция, примерно так. Нельзя ответить на этот вопрос за других людей, не впадая в спекуляции и необоснованные суждения. Всё, что мы можем и должны делать, — это изучать реальность, искать подходящие теоретические формулы, выстраивать философию, социологию, экономику не через заимствование чуждой терминологии, а посредством наблюдений за российскими реалиями. Фактически Симон Кордонский призывает вкладываться в развитие российской исследовательской школы, что заставляет прислушиваться ко многим, порой весьма спорным, его высказываниям.

На другом конце скамейки, засиженной разного рода аналитиками, располагаются анонимные авторы многочисленных аналитических записок и отчетов. Отличительная черта такого рода документов — во-первых, нацеленность на рекомендации, подчинение текста вопросам «Как быть?» и «Что делать?» в буквальном смысле; во-вторых, осмысленная объективация материала,

¹² Кордонский С. «Россия уже никуда не движется триста лет» // Новая Европа: журнал для тех, кто думает по-европейски. 2013. 31 мая. [Электронный ресурс] : http://new-europe.eu/article/2013/05/31/simon_kordonskii_rossiya_uzhe_nikuda_ne_dvizhetsya_trista_let#comment-414457. [Дата обращения] 19.08.2014.

снятие с себя ответственности под маркерами «как показывает исследование», в формате утвердительных, безапелляционных предложений. Авторство за такие документы берут на себя многочисленные консалтинговые компании, финансирование — олигархи или правительственные учреждения. Труд консультантов недёшев, результаты — весьма сомнительны. Прочитать и забыть. Разве что задуматься над несколькими продуктивными идеями, возникшими непонятно в чьих головах.

Один из примеров — появившийся в 2014 году отчет, подготовленный Центром стратегических разработок (ЦСР) по заказу промышленной группы «Базовый элемент», с пространным метафорическим названием: «Моногорода. Перезагрузка: Поиск новых моделей функционирования моногородов России в изменившихся экономических условиях»¹³. Проведя в 2010-2011 годах масштабное исследование 18 моногородов и опросив около 300 человек (так значитесь во введении), авторы построили типологию развития малых городов по двум основаниям: положительный или отрицательный потенциал градообразующего предприятия и положительный или отрицательный потенциал городской экономики. Получили четыре типа моногородов и, отталкиваясь от этого, три стратегии дальнейшего развития: 1) управляемое сжатие; 2) стабильный моногород; 3) индустриальная диверсификация моногорода, его устойчивое развитие либо с закрывающимся, либо с работающим градообразующим предприятием. «Управляемое сжатие» заключается в постепенном свёртывании какой-либо экономической активности, сокращении численности и организации массовой миграции населения, а в пределе — вовсе в ликвидации поселения. «Стабильный моногород» — это поддержание градообразующего предприятия на допустимом уровне, постепенное уменьшение числа жителей, выведение излишков рабочей силы при модернизации производства. «Индустриальная диверсификация» основана на поиске новых производств, развитии альтернативных социальных или культурных проектов, переопределении занятости населения в социальной сфере и тем самым означает утрату зависимости от одного градообразующего предприятия, переопределение экономического статуса города.

¹³ Ознакомиться с проектом, скачать отчёт можно по ссылке: <http://www.basel.ru/monogoroda/>. [Дата обращения] 19.08.2014

При внешней основательности подобных описаний исследовательская компонента представлена здесь лишь в самом начале как некоторый ресурс, легитимирующий выводы и предложения, которые могли быть сделаны и без проведения сотен интервью. В документе, о котором идет речь, нет голов интервьюируемых. Рекомендации, сценарии развития, модели построения моногородов полностью заменили локальное знание, вытеснив его универсальными, пригодными для всех регионов и сфер деятельности предложениями. Перед нами не что иное, как проектный лево-конструктор, позволяющий легко и быстро создавать проекты любого уровня сложности. Уверен, обозначенная консалтинговая группа весьма успешна в такого рода деятельности.

Возможны два варианта ответа на вопрос «Как быть?» Один — интеллектуальный, теоретически фундированный, отказывающийся от какого-либо предзнания и ориентированный на изучение социальной реальности. Второй — техногенный, с заменой теоретической работы неким набором шаблонных схем, матричных структур и, что особенно приятно чиновникам, готовых решений. Мне, конечно, ближе первый вариант, но не чужд и второй. Только годятся ли подобные описания в качестве ответа? Они хоть как-то проясняют ситуацию? Намечают ориентиры, дают основания для дальнейших действий? Навряд ли. На поле проективной деятельности требуются личное участие, усилие, если не насилие над собой, по упорядочению и организации опыта, приведению его в некоторую целостную концепцию с последующей её реализацией. Иначе нет смысла заниматься прожектками, строить планы. Я противник разделения труда на думающих и делающих, при котором и становятся возможными легковесные, ничем не обеспеченные прогнозы современных интеллектуалов и футурологов.

В голову к Сергею Коростелёву не залезу. Ничтожно мало могу сказать о других предпринимателях региона: если кого и видел, то лишь на фотографиях. Но, участвуя в разговоре с Коростелёвым, создавая некоторое совместное понимание ситуации за столом у него на базе отдыха или на хребте Зюраткуль, или на канатной дороге, транспортирующей концентрат магнетита, я вижу перед собой заинтересованного, озадаченного проблемами развития предприятия и города человека. До хребта от базы на несколько

километров проложена лиственничная тропа. Тяжёлые, массивные доски плотно подогнаны, уложены на опилы из бревён. Идти по тропе комфортно и в дождь, и в снег. За время моего пребывания на Урале в июле один раз снег выпал: пушистый, тяжёлый, ломающий зацветающие иван-чай и белоголовник. Прокладку тропы организовал и профинансировал десять лет назад Коростелёв. «А власть местная приняла какое-то участие в софинансировании работ, поставке материала?» — спрашиваю его на ходу. «Что ты, им было не до этого, — махнул он рукой и засмеялся. — Кто деньги зарабатывал, кто народ спасал. В девяностые, в начале двухтысячных это воспринималось как блажь». Да и сейчас многим местным жителям такие вещи видятся как занятие приятное, но второстепенное, скорее для других, приезжих. Посмотреть, полюбоваться красотой можно, но делом назвать как-то странно. Так, досуг, развлечение. Аналогичны лёгкость, ощущение ненужности, второстепенности отношения к своему двору, улице, на которой живёшь, речке, где отдыхаешь с семьёй, наконец, к городу.

Вспомним распределенный образ жизни по Кордонскому: квартира, дача, погреб, гараж — и всё, остальное — так, порадоваться и забыть в текущих заботах о семье, детях, стариках. Самая настоящая трагедия разрушенной целостности мира. Такое обустройство жизни, что становятся возможны массовые свалки, катастрофическое загрязнение, мусор, грязь, непотребство. И я говорю не о локальной сфере человеческого существования. Мы пережили индустриализацию и видим последствия валового, беспощадного надругательства над недрами. Сейчас есть шансы начать решать другую глобальную задачу — экологизацию. Здесь присутствуют все те же мобилизующие, сплывающие в коллективы и сообщества цели, энергетика больших дел. Российские чиновники быстро освоили риторику устойчивого развития региона, включили в программы развития, выделили и освоили бюджеты. Но за этим стоят отнюдь не разовые мероприятия и годовая отчётность. Устойчивое развитие территории — задача, определяющая смыслы социально-экономической деятельности, дающая шанс перевести воспоминания о прошлом величиистроек промышленных объектов в текущий мир строительства объектов экологических. Современные производства, где основные инвестиции идут на экологическую защиту окружающей среды; совместное пространство, которое продолжает твой дом, соединяет его

с другими; природные объекты, включённые в единую экологическую нишу, где человек не хозяин, а гость у могущественной, суровой уральской тайги.

Идеи Инглхарта здесь важны потому, что своей схемой он радикальным образом отказывается от рассмотрения линейки потребностей, предложенных в свое время Маслоу в его знаменитой пирамиде. Постепенное удовлетворение потребностей в еде, сне и безопасности не гарантирует появления иных потребностей. Разговоры о материальном благоденствии несопоставимы с энергетикой больших строек и ощущением принадлежности к чему-то важному, большому, даже глобальному. А экологизация земли, приспособление её для совместной жизни, вклад в мировосприятие будущих поколений — это те задачи, которые могут объединить людей, не сохраняя, не консервируя то, что было, но с использованием опыта прошлых лет, создавая и воспроизводя новые практики.

Об этих вещах я разговаривал в Сатке с Коростелёвым, обсуждал, как от лозунгов перейти к их реализации, как, опираясь на интересы и увлечения людей (которые никуда не исчезают даже в самой острой нужде), создавать новые формы занятости, как, отказавшись от прямой денежной помощи и дотаций малоимущим, инвалидам, старикам, включить их в социально значимые работы и вместо субсидий платить им заработную плату, как вместо пересудов о прошлом начать думать о будущем, мечтать, планировать, созидать. Именно так и нужно подходить к видимым проблемам малых городов. Не критиковать и ругать, не советовать и рекомендовать, не искать универсальные средства, тут же без апробации тиражируемых на всю страну, а вырабатывать последовательную череду совместных решений: обдумал — спроектировал — отпилотировал — внедрил — оценил — обдумал. Трагедия — в головах, а закрытие фабрик и заводов в каком-то смысле благо для нашей истощённой и изуродованной непотребным стяжательством земли.

В разговоре с человеком деловым невольно переходишь к обсуждению конкретных планов, действий. Не удержался и я, заговорил о своем давнем замысле создать на уровне нашей «большой тройки» полстерских фирм общероссийскую исследовательскую компанию, но со своим лицом: во-первых, с акцентом на методическую и методологическую составляющую; во-вторых,

региональную, за пределами московской кольцевой дороги. Сергей подхватил: «Почему нет? Давай сделаем это в Сатке». Вот так от глобальных размышлений я сразу перешёл к мыслям о своём будущем, которое вполне может оказаться накрепко связанным с этим небольшим уральским городом.

В свете сказанного Вами выше насколько серьезно Ваши ровесники и более молодые люди рассматривают перспективы эмиграции?

Решиться на такое можно лишь в предельной ситуации, в состоянии отчаянья или куража. Запускали недавно исследовательский проект по куда менее чувствительной теме — трудовой «маятниковой» миграции, когда человек выбирает работу в другом регионе и начинает нести «трудовые вахты». Неделя дома — месяц там, на работе, месяц дома — три на выезде и т. д. Здесь важны два последовательных вопроса. Почему другие не ищут работу в других городах, когда в своём теряют какую-либо надежду на достойный труд и заработок? Почему, найдя работу, не переезжают и не обживаются на новом месте?

Посыл подобных переездов — экономический и потому куда менее драматичный, нежели любые политические катаклизмы, не говоря уже о военных действиях. Но даже здесь я не вижу возможности в прямом конструировании причинно-следственных связей. Родные места, друзья и родственники, семья, укорененные привычки выступают настолько сильным якорем, что для многих естественное, казалось бы, решение о переезде даже не мыслится, не представляется возможным. Когда становится совсем худо, но остаются чувство собственного достоинства и ответственность перед семьей, люди начинают работать вахтами, где-то в другом месте, однако при этом лишь единицы решаются на переезд. Нужда и отсутствие какой-либо перспективы (прежде всего на уровне представлений самих людей) больше закрепляют на месте, лишают сил, нежели способствуют развитию здорового авантюризма и предприимчивости. Единицы решаются. Но не думаю, что такие люди не переезжали бы и оказавшись в какой-либо другой ситуации. Это именно та часть населения, которая подвижна по своим внутренним мотивам и будет себя реализовывать в движении, несмотря ни на какие преграды или препятствующие обстоятельства.

Вы спрашиваете о ровесниках, но здесь скорее речь следует вести не о поколении, а о более дробных стратах. Пишу из Вязников Владимирской области, где мы ходим по квартирам, разговариваем на улицах, во дворах. Вчера почему-то везло на ровесников, 40-летних мужчин и женщин. Самое сильное впечатление, неожиданно накрывшее под вечер, — это абсолютно разное восприятие времени мной и многими моими собеседниками. Пожухлые, уставшие лица, пусть открытые и живые глаза, но с неизменной обречённостью: «Куда нам? Уже сорок... Это тот возраст, когда нужно думать о тепле, о доме, тут не до поездок... Молодость давно прошла». Можно ли решиться на переезд с ощущением, что всё уже позади? Мои ровесники весьма часто воспроизводят доводы старших возрастных групп. Тех, кто с комсомольским опытом, прошлой гордостью за державу, уверенностью, что лучшая жизнь — только в СССР, отсутствием каких-либо перемещений за пределы национальных границ... Когда я разговариваю с этими людьми, то невольно окунаюсь и в своё прошлое, чувствую неразрывную связь с такого рода мировоззрением. Состарившиеся сорокалетние, со взрослыми детьми, зачастую с внуками, уже не ожидающие каких-либо перемен в карьере, разве что переход на менее оплачиваемую и квалифицированную работу...

В обшарпанном подъезде разговариваю с женщиной 43 лет. Добрые, чуть навывкате глаза, белокурые волосы, пышнотелая, в домашнем халате и тапочках, с протяжным окающим говором. Вздыхает, ссылается на усталость от жизни. Спрашиваю: «Кем себя видите через пятнадцать, двадцать лет?» «Беззубой, одинокой старухой», — отвечает она с какой-то лирической обречённостью. Короче говоря, это люди, перешагнувшие рубеж, не только готовые к старости, но уже находящиеся в ней, смирившиеся с происходящим. Но даже находясь в, казалось бы, безысходной ситуации, приняв её, человек, во-первых, всегда имеет шанс всё изменить, он не безоговорочно детерминирован внешними обстоятельствами, во-вторых, эти обстоятельства часто выступают лишь внешним атрибутом, декорацией обыденной жизни, неспешной и полной своим драматизмом. Моя собеседница работала в банке, в отделе кадров, потом её сократили. Тринадцать лет провела на рынке, торгуя в арендованной палатке женским бельём, верхней одеждой. Сейчас, совсем недавно, устроилась работать кладовщицей на складе. Говорит, за многие годы устала от бесконечных подсчётов, долгов, кредитов,

С Надеждой Галиевой проводим интервью в Вязниках, Владимирская область. 2014

и полученные вовремя аванс и зарплату воспринимает сейчас как нечто сказочное. После бурных и скандальных рыночных баталий нынешняя работа — тихая гавань, курорт. Добавлю, что у неё никогда не было загранпаспорта, о поездке за границу даже не думает.

Гораздо меньшая, можно сказать, мизерная часть населения смотрит на происходящее иначе. Для них жизнь в сорок лет только начинается. Уже накопленный опыт, уверенность в своих силах, возможности использования полученного образования, приобретенных контактов позволяют им строить планы, смело смотреть в будущее и не задумываться о возрасте. Мне весьма близки и понятны такие настроения. Они возможны и наблюдаемы. Чуть больше концентрация таких людей в крупных городах, но и на периферии мы их встречаем, разговариваем, узнаём о планах. Возможно, об этих сверстниках вы и спрашиваете, называя их «молодыми людьми»... Разговоры

о переезде я действительно слышу. Может быть, немного чаще, чем два-три года назад. Но говорить о том, что странные отголоски советского прошлого, всё чаще фиксируемые в публичном пространстве, подталкивают к переезду, на мой взгляд, несколько некорректно. Это особенно ощущается не в столице, а в малых городах, сёлах. Советская власть, как и нынешняя российская, для многих моих сверстников слишком далека, бутафорна, чтобы воспринимать её всерьёз, так или иначе сопрягать с ней собственную жизнь.

Зашёл в редакцию городской газеты в Вязниках. Главный бухгалтер — молодая, красивая женщина лет 30. Каштановые волосы, задорный, чуть исподлобья, взгляд, звонкий, разбивающий тишину кабинета голос. Муж уже семь лет работает на выезде, строит дома. Она одна живёт в соседней деревне, растит утят, ухаживает за собаками, думает завести козу. Строят дом, а пока расположилась в срубленной даче. На экране айфона с гордостью показывает своё хозяйство, с восторгом рассказывает о муже: «Когда приезжает, прямо чума, как первый раз. Меня на него даже не хватает... Я любое решение его приму, он такой у меня маленький, хороший, а руки золотые, всё у него спорится». Муж должен вскоре вернуться совсем, вроде договорились и планируют ребёнка. Собственный отъезд даже в другой город мыслится моей собеседнице как утопия, фантастическая зарисовка: «Я никогда не была за границей и не собираюсь. У нас кто съездит, так будто с ума сходит, только об этих поездках мечтают. А что я в них не видела? У меня хозяйство, скоро свой дом построим, земля, муж. Мне на чужое даже смотреть не хочется». Государство со своими геополитическими амбициями выведено за скобки её жизни, его нет даже в фоновом режиме телеэкрана. Можно занимать по отношению к таким людям критическую позицию, призывать их к действию, даже гражданскому неповиновению, упрекать в пассивности. А мне просто нравится эта женщина, и её мир нравится, притягивает своими радостями, неслащавым бытом.

Переезд — предельная ситуация, выбор на грани. Его можно привязать к тем или иным внешним событиям, но единственное объяснение — это внутренняя установка, когда иначе нельзя. В Вашем вопросе я угадываю размышление скорее о социальных настроениях, публичном дискурсе, нежели о наборе каких-то решений. Физический отъезд в таком ракурсе не так

и важен. Достаточно закрыться, отвернуться от политической сцены, перестать думать о власти, государственных играх... Внешние обстоятельства не могут определять ни свободу человека, ни его право отказаться от патриотической риторики и призрачного гражданства. Внутренняя эмиграция в России весьма типична для многих. На это указывают и низкий процент явки на выборах, и отсутствие интереса к местным инициативам, и грязные подъезды, неухоженные улицы. В такой стране жить неудобно и некомфортно, но это не имеет отношения к решению об отъезде. Внутренне он уже совершён. Многие 30–40-летние уже эмигрировали внутрь своих жизненных миров, наглухо закрытых для любых политических манипуляций.

Не помню точно, но больше десяти лет тому назад, когда политические элиты озадачились формированием гражданского общества (конечно же, в своём весьма специфическом понимании), Фонд «Общественное мнение» запустил проект по изучению лидеров негосударственных, некоммерческих организаций (в какой-то степени Елена Серафимовна Петренко его до сих пор продолжает). Планировалось провести развёрнутые интервью, но исследовательские реалии превзошли все ожидания. Интервьюеры буквально не могли остановить своих собеседников, которые могли часами говорить, причем зачастую несвязно, неструктурированно, переходя от одной темы к другой, агитировать и призывать к действиям, описать которые оказывались не способны. Открылась шокирующая реальность «невменяемого активизма», которая в методическом плане загнала интервьюеров в тупик. До этого немало лет работали над тем, как разговорить респондента, а тут потребовались навыки прерывания затянутых монологов. Неконцентрированность мысли и мягкотелая угодливость таких активистов стали их платой за излишнее «гражданское» рвение. Это те, для кого осталась и остается актуальной государственная тематика. А многие из тех, кого мы читаем в социальных сетях, тоже по сути дела уже давно эмигрировали. Их крики, возмущение и даже публичные марши чужды сегодняшней политической конъюнктуре, которая, увы, определяет не только конкретную позицию человека, но и современную российскую идентичность как таковую.

Если же вести разговор о людях из Абазы, Сатки, Вязников, других городов и сёл, то им чужды как первые, так и вторые. Они живут в ином мире,

дефрагментированном до небольших отрезков личных историй и судеб, зачастую не связанных даже с ближайшими соседями. Жизнь страны для них — всего-то картинка на телевизионном экране, шоу, которое смотришь между делом, в фоновом режиме. Можно ли думать об отъезде из места, в котором уже не живёшь?

А теперь не могли бы Вы сказать, думали ли Вы о своей эмиграции?

Откровенно говоря, вовсе не думаю, чтобы об эмиграции можно было рассуждать в рациональной манере. Слишком экзистенциален вопрос, слишком сильно он связан с базовыми ценностями, жизненным укладом, многими смыслами. Из-за скомканности моих гражданских и правовых отношений, или скорее их документального оформления, о чем я писал выше, мне пришлось довольно долго, не меньше десяти лет, ощущать себя до известной степени мигрантом в своей же стране. Чужим, неприкаянным, не имеющим ни прав, ни, соответственно, каких-либо гражданских обязанностей.

После окончания Шанинки мне как лучшему студенту выделили грант на поездку в Великобританию. Отчётливо помню эмоциональное состояние спавшего напряжения, когда я прошёл паспортный контроль. В Манчестере, чужом городе, не понимая окружающих, переспрашивая каждое слово, путаясь в табличках, я почувствовал себя дома. Это было просто удивительно. Ощущать, что после долгих скитаний вернулся домой. Грант покрывал примерно недельное пребывание в городе. Но я всеми правдами и неправдами, экономя на проживании и питании, пробыл там больше месяца, исколесив все части королевства. Разве что не заехал в Северную Ирландию. Потом, еще дважды возвращаясь в эту страну, я испытывал то же чувство. Англия, Шотландия, Уэльс воплощали для меня мир совершенно разных людей, других, отличных от тех, с кем приходилось общаться ранее, но с кем я мог ощущать себя дома, без какой-либо напряженности. Я не опасался полицейских, не мялся, прежде чем о чём-то спросить, начал улыбаться прохожим, вместо того чтобы отводить глаза в сторону.

Последняя фотография Г.С. Батыгина. на конференции
«Будущее молодежи России» (Москва). 2003

Тогда же я решил, что должен уехать. Не раздумывая, договорился в университете, чтобы они сделали мне поддельную бумагу, что я студент PhD. Вернувшись, работал с Батыгиным, потом проект Рольфа Швери, какие-то договорённости, выступления, преподавание в РУДН... Но я твёрдо знал, что должен уехать. В 2003 году весьма удачно открылась совместная докторская программа Шанинки и Университета Эссекс. Но, увы, я не сдал IELTS, языковой экзамен. Зато конкурс прошла Маша, и я всерьез думал, что уеду за ней. Учёба в Эссексе планировалась на год. Я был уверен, что за этот год всеми правдами и неправдами смогу найти работу, легальную или нет, не имело значения, которая позволит мне остаться там. Маша уезжала в октябре или ноябре 2003-го. Я планировал присоединиться к ней через месяц.

Но... 1 июня 2003 года не стало Батыгина, и все мои планы ушли сами собой. Опустошение, безразличие, нежелание что-то планировать, к чему-то стремиться... Всё потеряло смысл.

Мы с Машей жили тогда вместе, но за оставшиеся до её отъезда дни всё больше отдалялись. Уже не засиживались вместе на кухне, не гуляли по улице, взявшись за руки, не рассказывали друг другу о прошедшем дне и не делились планами на предстоящий. Как-то разом обветшало всё вокруг: перегорели лампочки, поломались какие-то бытовые приборы, стал течь стояк в туалете... Было такое ощущение, что нашей квартиры уже не стало, но и стремиться куда-то сил не было. Маша уехала без меня, а через полгода мы окончательно порвали наши отношения.

Помню последнюю поездку с Машей на велосипеде, да и записи в дневнике остались 7 сентября 2003 года. Я давно уже привык ездить на дальние дистанции, а у неё как-то не получалось: несколько раз пробовала, но всегда отставала и перестала пытаться. А тут захотела сама. Была весела, крутила педали так, что подгоняла меня, не желала ехать второй. Как раньше, мы много смеялась. Проехали тогда около 70 километров по ветру и под горку — от Жаворонок через Алабино, Шишкин Лес до посёлка Львовский. Быстро, задорно, как будто вернулись в совсем недавнее прошлое. Перед этим в конце августа мы пару раз ездили вдвоём, но то был самый светлый велосипедный день...

7 Жизнь после Батыгина

Дорога смерти. «Это, пожалуй, самый короткий наш поход». Разговоры с Сергеем Чесноковым. Дубинка Хи-квадрата. Природа научного термина по Султанову. Электоральные прогнозы с Леной Даниловой. Обретение институциональных статусов: прыжок от бомжа к старшему научному сотруднику, декану и профессору. Первые телефонные опросы и методические экспериментальные планы. Внимание Крыштановского. Экспедиции с Сашей Никулиным. Конференция «Пути России – 2006». Теория репрезентации мнений. Velosiped.

...Тема велосипеда дает мне повод еще раз просить Вас поделиться воспоминаниями о Г. С. Батыгине... понимаю, тяжелыми для Вас. Вы, конечно, помните, что в интервью, которое Наташа Мазлумянова взяла у него незадолго до его смерти, Геннадий Семёнович неоднократно говорил о своей детской любви к велосипеду и о серьезных занятиях велоспортом в студенческие годы. И так случилось, что самые последние минуты его жизни были связаны с велосипедом. В тот момент Вы были рядом. Как все происходило?

В тот год, 1 июня, с утра моросил дождь. Мы должны были ехать впятером: Геннадий Семёнович, Лариса Козлова, я, Маша Рассохина и Женя Киселёв, мой неизменный компаньон по велосипедным заездам. Женя ночевал у нас, в Кунцево. Собирались. Маша решила не ехать — погода не ахти. Встречались на станции Очаково, там должны были сесть на электричку. Ехать на машине по Рябиновой минут двадцать, не больше. Но на повороте после ТЭЦ заплутали и сделали несколько кругов, прежде чем выехали к станции. Ровно

в восемь, как и договаривались. Я пошел через переход смотреть расписание — навстречу Батыгин с Ларисой: «Мы не опоздали, Дмитрий Михайлович?» — «Нет, конечно, нет, Геннадий Семенович». Электричка до Наро-Фоминска. По пути разглядывание карты, разговоры о возможных маршрутах.

Я взял тогда слишком быстрый темп — ехали со скоростью не меньше 15 км/ч. Лариса ехала за мной и не отставала. Никто не отставал. Периодически шел дождь. Видим: продают творог, молоко. Остановились. Вот пишу я это и слышу голос Геннадия Семёновича, чуть осипший тогда, с привычными паузами и еле заметной улыбкой: «Дмитрий Михайлович, надо бы Ларисе купить что-нибудь». — «Сейчас купим. У нас все централизовано, Геннадий Семёнович». По пути заехали в магазинчик — лапша и пряники на обед. Все зашли, а я остался с велосипедами. Подошел старичок, как обычно, любопытствовать, почему-то рассказал о родной сестре, которая умерла на огороде, — это было первое упоминание о смерти в тот день.

Молоко и пряники. Лариса радуется: «Ты, Гена, с детства, наверное, такое молоко не пил». Ехали, шутили. Дорога ровная и прямая: ни одной деревни, ни одной развилки, вокруг лес, чуть заметный, но постоянный спуск.

Расположились на обед в сосняке. Началась гроза. Вскипятили воду, заварили лапшу, заправили творог сметаной. «Я, пожалуй, не буду есть, а то у меня с еды сердце не так себя ведет». Разговаривали, строили планы. Много работы, много маршрутов, надо ехать. Приезжает Рольф, свозим его в Углич. Можно поехать в Литву или на Украину. Берлин — накладно, но тоже вполне возможно. «До Берлина доедут не все, но в этом что-то есть». Гроза кончилась, ветер в спину. «Удачно мы отобедали».

И тут вопрос: «Дмитрий Михайлович, если мы постоим несколько минут, это не сильно нарушит наши планы?» — «Конечно, нет». Мы стояли, смеялись, слушали Геннадия Семёновича: «Удивительное дело. Смотришь на колесо, какой-то эпистемический круг получается. Колесо крутится, и жизнь крутится, и никаких проблем, и все хорошо». Поехали. Еду рядом с Батыгиным. «Вы не заметили, Дмитрий Михайлович, сколько памятников на этой дороге?» — «Нет, а что?» — «А вот смотрите, я уже 20 насчитал», —

и он показал мне на придорожный крест. Дорога пошла вниз. Что-то погнало, захотелось прокатиться. Здесь и была максимальная скорость. Женя тоже разогнался. Оторвались. Еду рядом с Женей. Он говорит: «Это, пожалуй, самый короткий наш поход будет. Скоро дома». «Смотри, Женя, не зарекайся, в дороге всякое может быть», — совершенно ненужные и бессмысленные слова.

Притормозили на остановке перед мостом и крутым подъемом. Через несколько минут подъезжают Батыгин с Ларисой. Они хотят остановиться, а я через ветер: «Нет, нет, не останавливаемся, нам еще несколько минут осталось». Лариса встала, не может освоить переключение скоростей. Едем дальше помалу, что-то объясняю. Поднимаю голову — велосипеды в песке, Женя судорожно машет рукой. Потом... Искусственное дыхание. Машины, люди с ненужными советами. Вызвали скорую. Время, время... Испугались и повезли. Пульс остановился в машине. Беготня в реанимационной. Холодный взгляд врача и только для профформы электрошоков. Потом... Объяснение смерти... На полуслове врач осекся: «В общем-то, жалко». Носилки, морг в другом здании. Геннадия Семёновича больше нет. Я выбрал маршрут, я задал темп, я определял остановки. «Это не сильно нарушит наши планы, Дмитрий Михайлович?» До Авангарда, железнодорожной станции, оставалось около семи километров. Это был единственный и последний подъем на этой дороге смерти...

Не стало Батыгина, и оборвались какие-либо ожидания. Я уже писал, что в то время сильно хотел уехать из России, собирался, строил планы. Вмиг они перестали что-либо для меня значить. Человек, силящийся что-то объяснить, удивится. Казалось бы, должно было быть ровно наоборот. Но жизнь не всегда укладывается в схемы, где следствие располагается за причиной. Насколько можно говорить о причинах в контексте человеческой судьбы, вопрос не менее спорный. Всерьез говорить об эмиграции можно лишь в предельных категориях. Отказ от своей страны в надежде на хорошую жизнь, бегство от плохой — всё это лишь оправдание чего-то другого, что подтолкнуло или остановило отъезд, чего-то, что больше рассуждений о безопасности, свободе или справедливости. Пусть я заблуждаюсь, но по-другому думать об этом не получается...

Да, Дима, отталкиваясь от собственного опыта, - а я нахожусь в какой-то странной, весьма нетипичной эмиграции уже два десятилетия, - могу согласиться с Вами. Такое решение, как правило, принимается в предельных ситуациях и в предельных категориях. Но это далеко не всегда бегство от плохой, в обыденном понимании, жизни в надежде на хорошую — тоже в упрощенном смысле. О моих первых годах в Америке я подробно рассказал несколько лет назад в эссе «6000 дней другой жизни», опубликованном в «Социологическом журнале». Есть, скажем, гуманитарные, общечеловеческие обстоятельства, императивы, которые лежат вне континуума «плохой — хороший». И с этим столкнулась не только моя семья, но и масса других людей, окружающих меня здесь. Даже помня драматизм моих первых американских лет и допуская, что я не смог бы многого преодолеть, я все равно бы уехал...

...Хотелось бы продолжить обсуждение заостренных Вами вопросов, но вернемся к рассмотрению траектории (Вы понимаете, это не линия) Вашей жизни. В хронологическом плане мы остановились на рубеже 2002–2003 годов. Сейчас Вы обозначили сингулярную точку на этой траектории — трагическую смерть Батыгина. Вообще говоря, особая, или сингулярная, зона характерна тем, что куда бы из нее ни выходить, в старое пространство вернуться уже невозможно. Как сложились Ваши следующие два-три года?

Прежде чем двигаться дальше, позвольте мне остановиться на моем круге общения в те неполные четыре года, которые я провёл рядом с Батыгиным. Он не только прививал вкус и привычки к жизни среди текстов, но и направлял в выборе собеседников и оппонентов, буквально формировал пристрастие к дискуссионной, критической коммуникации. Обозначу лишь трех наиболее важных для меня людей тех лет.

Во-первых, это упоминавшийся выше Александр Анатольевич Ослон. Он ввёл меня в круг полстерской проблематики, всерьез, без каких-либо скидок поставил перед сложнейшими задачами. Часами обсуждая со мной методические вопросы, он провоцировал поиск нетривиальных аргументов, побуждал к углубленному выявлению причинно-следственных

связей... Именно Александр Анатольевич сформировал у меня установку на особую работу с заказчиком, отрицающую роль пассивного исполнителя. Формула успеха, по Ослону, проста: ответственное отношение к исследовательской работе не терпит чисто исполнительской позиции. Следует совместно формировать задание, искать пути оптимальных решений, а не перекладывать на других ответственность за неверно поставленные вопросы. Успешное исследование начинается с совместного конструирования исследовательской проблемы, и если такого не случается, то лучше отказаться даже от весьма привлекательного предложения. Ослон не ставил напрямую задачи, а инициировал размышления, критически проверяя слабые места, адаптируя спонтанные идеи к текущей ситуации. Работать в таком режиме было чрезвычайно комфортно, и это ощущение совместного творчества я стараюсь воспроизводить и сейчас, время от времени вспоминая те уроки начала 2000-х годов.

Во-вторых, Сергей Валерианович Чесноков, или просто Сергей, как он настоятельно требовал к себе обращаться и в конце концов убедил. Несмотря на разницу в возрасте, превышающую 20 лет, мы общались на «ты» вплоть до его отъезда в Хайфу. Сергей открыл мне проблематичность математических решений в социологии. Часами обсуждали Хи-квадрат или дисперсионный анализ в Институте социологии, но этого не хватало, и я приходил к нему домой, где продолжались разговоры на те же темы. Сергей ставил под сомнение принятые допущения в тех или иных метриках, указывал на несостоятельность и противоречивость многих базовых математических моделей, последовательно приучал вдумчиво подходить к каждому приёму в анализе данных. И наряду с этим я слышал от него песни Галича, цитаты из Высоцкого, Бродского, Мандельштама, заливчатские стихи Пригова и Рубинштейна. Сергей давал публичные концерты. Когда мы оставались одни, он нередко брал в руки гитару. Лирика была органически связана с его поисками математического аппарата для опросных технологий, неудовлетворённостью прописными, закреплёнными в учебниках по измерению в психологии или социологии истинами, сомнениями в базовых основаниях вероятностных моделей. Его спешный, категоричный и какой-то скомканный отъезд в Израиль в конце 2000-х годов опустошил и без того небогатый методический ландшафт в нашей сфере

деятельности. Сейчас, кажется, никто не знает, где он живёт. Ни весточки, ни письма. Я уже не говорю о научных публикациях. До отъезда он запустил в «Социологическом журнале» серию коротких эссе по математической социологии. Всё оборвалось разом, и теперь уже, кажется, навсегда. Сергей — человек решительный и, увы, абсолютно не понятый российскими социологами.

В-третьих, близкий друг Батыгина, лингвист и философ Александр Хамитович Султанов. Встречались мы всего несколько раз. Наиболее содержательный разговор состоялся на батыгинском семинаре, где Александр выступал с докладом о природе научного термина. Энергичная, прерывистая речь, размышления по ходу... Мы тогда активно занимались проблемой концептуального языка, возможностью его описания, последующей операционализации. Потом получилось так, что после похорон Батыгина мы почему-то оказались с ним вдвоём на остановке около Хамовнического кладбища. «Вот и всё», — вздохнул он. Стояли молча. Буквально через несколько дней не стало и Султанова. Это были последние слова, которые я от него слышал. Ходил на отпевание в храм Святителя Николая в Кленниках, что на Китай-городе... Службу вёл ещё один друг Батыгина, священник из Рузы. Я не стал к нему подходить. Просто стоял и молчал, крестился, целовал покойника... Помню ощущение разверзнувшейся бездны, в которую для меня проваливался окружающий мир...

Потом два-три года меня не покидало ощущение безвременья, рваной и бессмысленной во всём жизни. Любые начинания были половинчатыми. Я много ошибался, срывался и при этом перестал ощущать ответственность за последствия своих поступков. Напротив, любую глупость старался довести до логического завершения. А внешне всё выглядело как нельзя лучше. Я стал деканом факультета социологии Шанинки. В Высшей школе экономики получил профессорскую должность. Бордовые корочки с российским триколором и лаконичной надписью «профессор» не раз выручали в метро, когда нужно было провести велосипед через турникеты (хотя Московский метрополитен запрещает перевозку неразобранных велосипедов, однако в летний период их можно встретить в подземке в избытке). Смешно и грустно, но на охраняющих вход бабуй мои документы действовали завораживающе. Лиакадия Михайловна Дробижева, тогда директор

Института социологии РАН, предложила мне возглавить батыгинский сектор. Но, слава богу, хоть тут я сумел отказаться и занял должность старшего научного сотрудника в этом секторе... Геннадий Семёнович безуспешно пытался устроить меня к себе: не было свободной ставки. А тут открылись все двери, и я вновь, впервые за много лет, отнёс свою трудовую книжку в отдел кадров.

Я никак не воспринимал и не использовал открывшиеся тогда административные и академические возможности. Номинально числился в Вышке, так же номинально вёл лекции и руководил факультетом в Шанинке. Не смог отказать Теодору, но реально взяться за административную работу декана так и не получилось. Внешне всё выглядело весьма респектабельно и благопристойно, внутри же царил полный хаос.

Единственной отдушиной в те годы стало участие в электоральных опросах. Как-то незаметно сошёлся с Еленой Николаевной Даниловой, долгие годы работавшей с Ядовым. Раньше мы виделись лишь на совместных посиделках, мельком, между делом. А тут начали работать в одной команде. Она отвечала за содержательные прогнозы, я — за выборку, организацию и контроль полевых работ. Это были первые телефонные опросы на московской выборке, по сгенерированным случайным образом номерам (random digital dialing). Активно читал статьи по теме, организовывал экспериментальные планы, вовлекал новых людей в методическую работу, сам проводил интервью. Именно тогда я окончательно укрепился во мнении, что работа интервьюера — это альфа и омега любого социального исследования. После дня на телефоне, трех-четырёх десятков интервью и к ним пары сотен отказов чувствовал себя абсолютно изношенным, ни о чём не способным думать существом. Но потом наступала эйфория от понимания полевой специфики, неожиданных методических находок, уверенности в новой тогда для нас технологии. Опрашивали исключительно по домашним телефонам, с распределенной сетью интервьюеров, которые сами звонили из дома или с работы. Контролировать несколько десятков человек, работающих таким образом, было чрезвычайно трудно. И только личное участие в сочетании с экспериментальными планами позволяло занимать жёсткую позицию. Не надзирать и не наказывать, а посредством сбора дополнительных, сопутствующих данных (продолжительности разговора, количества результативных звонков,

отказов и т. д.) обнаруживать умышленные или неумышленные отклонения от процедуры, анализировать и корректировать опросную технологию. С Леной мы часами сидели на телефоне, заговаривались глубоко за полночь. Обсуждали результаты, планировали возможные варианты по прогнозам явки и распределения голосов, по контролю интервьюеров и оптимальной организации полевой работы. С одним и тем же заказчиком прошли все московские выборы в течение пяти или шести лет (почему-то почти каждый год оказывалась нужна та или иная прогнозная работа), вплоть до того времени, пока потребность в предвыборных технологиях полностью не отпала. Административный ресурс стал определяющим, и наши кандидаты перестали нуждаться в дополнительных акциях и предвыборных прогнозах.

По результатам экспериментальных планов, реализуемых на телефонных опросах, я написал несколько статей. Две наиболее обстоятельные были опубликованы в «Социологическом журнале»: «Влияние интервьюера на доступность респондентов в телефонном опросе» (2004) и «Результативность телефонного опроса в зависимости от ограничений на выбор респондента внутри домохозяйства» (2005). Вторую за каким-то разговором предложил посмотреть Александру Олеговичу Крыштановскому и впервые после ухода Батыгина получил развёрнутые комментарии, критические замечания, дискуссию. В те годы мои тексты уходили в никуда, и это было ещё одной причиной ощущения обесмысливания жизни. До 2003 года я писал исключительно для Батыгина, потом по инерции старался что-то сформулировать на свой страх и риск, но читателей у меня уже практически не было. Внимание Крыштановского оказалось настолько неожиданным, вдумчивым и соучастующим, что я просто ожил. Мы стали встречаться, обсуждать экспериментальные идеи, какие-то организационные задачи. На факультете социологии Вышки задумали создать экспериментальную лабораторию, которая бы выступила связующим звеном между бизнесом и академической средой.

Как первый декан и организатор социологического факультета Вышки Крыштановский имел большие возможности для любых методических экспериментов. Но главное было в другом — он сам мгновенно загорался

новыми методическими идеями, экспериментальными планами... Его смерть 2 августа 2005 года, резкая и неожиданная, как уход Батыгина, оставила чувство пустоты, сгустившейся невыносимости этого мира. Стоял на похоронах, и было ощущение вывернутой на бегу ступни, когда острая боль парализует тело, застилает глаза, и ты уже летишь, не зная и не понимая в падении ни направления, ни причины происходящего. Единственное, что чувствуешь, — это острая боль. Больше ничего... Статья о результативности телефонного опроса должна была выйти уже в номере с его некрологом. С оборвавшимся криком о невозможности, катастрофичности такого ухода написал выдержанное в академическом стиле посвящение: «Автор посвящает статью светлой памяти А. О. Крыштановского, с которым посчастливилось сотрудничать на протяжении нескольких лет. Несмотря на занятость, Александр Олегович всегда находил время для обсуждения методических вопросов, помогая советом в написании и постановке экспериментальных планов. Горько осознавать, что настоящая работа стала последним поводом для общения с замечательным и неординарным человеком...».

Таким образом, следующие несколько лет после смерти Батыгина оказались для меня временем осмысления потери, сдерживания крика отчаяния. По мироощущению того времени я должен был бы уйти из социологии. Коллеги, их разговоры, устремления, споры перестали для меня хоть что-то значить. Даже не знаю, почему остался.

И вновь, как это ни парадоксально, удержаться в научной среде мне помогла не сосредоточенность на одном исследовательском проекте, одной традиции, а постоянные смены и перескоки с одной тематики на другую. Я, можно сказать, снимал пробы с разных подходов, содержательных проблем. Наряду с электоральными опросами вёл проект по оценке становящегося тогда молодёжного музыкального телеканала «А1», транслируемого по кабельному телевидению, тестировал огромные анкеты Мирового банка по оценке развития местного самоуправления (как раз была запущена реформа, направленная на реорганизацию муниципальной власти), участвовал в этнографических экспедициях по этому же вопросу, изучал быт народов Северного Кавказа, запускал экспериментальные планы по особенностям зрительских оценок в театре и кино и т. д. Как всегда, было много

На конференции «Пути России». Слева направо: Александр Никулин, Валерий Виноградский, Г. С. Батыгин. 2000

идей, порой провальных и бесперспективных, но они на какое-то время увлекали, влюбляли в себя и заставляли забыть о неустроенности и бессмысленности окружающего мира. Объединял весь этот калейдоскоп увлечений неизменный батыгинский вопрос об исследовательской проблеме и жёсткий набор требований по её становлению и последующему развитию.

В Шанинке у нас читал курс лекций по исторической социологии Александр Михайлович Никулин. Потом мы пересеклись в Англии в 2000 году. Помню наши затяжные разговоры в пабах и гостиницах. У нас были разные маршруты, но, договорившись, несколько раз встречались в Манчестере и Лондоне. Там сама собой растворилась привычная дистанция между преподавателем и студентом, пусть бывшим. Оказалось, что у нас много общего во взглядах, а в какой-то степени и в биографии. Саша заканчивал экономический факультет МГУ, но под влиянием Теодора Шанина увлёкся

изучением российской деревни. Но в качестве метода работы выбрал не привычные для экономиста математические модели, а этнографические экспедиции в российскую глубинку. Ценитель Андрея Платонова, поэт, нигде не публиковавший своих стихов и очень редко знакомящий с ними друзей, знаток теории стиха (рифмы, размера, истории) и внимательный наблюдатель за судьбами людей, их биографиями. В 2014 году у Саши вышла замечательная книжка биографий российских крестьяноведов, учёных из разных областей знания, обществоведов, менеджеров и сельских хозяев «Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему».

В смутное для меня время, в 2003–2006 годах, Саша Никулин ввёл меня в круг аграрников-экономистов. Мы немало поездили по югу России. Особенно запомнилась поездка в Адыгею вместе с Тамарой Евгеньевной Кузнецовой, почти ровесницей и коллегой Татьяны Ивановны Заславской, доктором экономических наук, главным научным сотрудником Института экономики РАН. Вечерами в гостинице я раскрыв рот слушал её рассказы о немецкой оккупации и жизни девочки в партизанском отряде, о работе с Татьяной Ивановной, о перипетиях в жизни Института экономики... Но настоящей школой стали для меня, безусловно, наши совместные интервью. Наблюдая за ее умением задавать вопросы, выводить собеседника на неудобные темы, переключать уже назревающий конфликт в шутку, я старался перенять, усвоить увиденное. Тамара Евгеньевна не брала диктофон, но поразительно точно конспектировала речь информантов. В результате к концу поездки у нас с Сашей Никулиным набрались мегабайты аудиозаписей, требующих дальнейшей обработки, а у неё уже была готова аналитическая записка, отвечающая поставленным перед выходом в поле задачам. Этот урок я усвоил и впредь стараюсь не расслабляться в поле, не полагаться там исключительно на записывающую технику.

Иными словами, та экспедиция была для меня недельным мастер-классом. Мы много смеялись втроём, делились впечатлениями, связывали увиденное с прошлым опытом. Непередаваемое чувство общности, единой исследовательской команды живо до сих пор. Если я встречаю Тамару Евгеньевну на конференциях или семинарах, неизменно стараюсь перекинуться с ней хотя бы несколькими фразами. Всегда жизнерадостная, трудоспособная,

с искромётными ироничными комментариями, она оживляет любое общение, придаёт осмысленность до того самой заунывной беседе.

В 2005 году Саша Никулин убедил меня взяться за организацию намеченного на будущий год симпозиума «Пути России» по необычной для такого мероприятия теме — методологии социальных обследований. До этого все симпозиумы посвящались социальным проблемам, представлялись в рамках транзитологии, доминирующей в социально-экономическом дискурсе тех лет. Началась подготовительная работа. Теодор Шанин, Татьяна Ивановна, Саша и я стали основными участниками организационного комитета. Именно тогда я ближе познакомился с Татьяной Ивановной. Её требовательность и принципиальность в прояснении исследовательских задач, категориального аппарата, общей логики построения пленарных и секционных заседаний помогали чётче сформулировать до того смутные и весьма противоречивые представления о том, как должен строиться предстоящий симпозиум.

Для меня этот симпозиум стал «точкой сборки» разрозненных до того взглядов на методологию. Я тогда зафиксировал базовые посылки, над которыми ломаю голову и которые развиваю по сей день. Во-первых, это принципиальная неразличимость качественного и количественного подхода с точки зрения фундаментального для них коммуникативного действия — разговора. Во-вторых, невозможность ответственно говорить о надёжности и валидности исследования, опираясь лишь на собранные прямые данные (ответы на вопросы). Более взвешенную картину, позволяющую выносить суждения о внутренней валидности, дают сопутствующие данные, отражающие особенности коммуникации, а не полученные ответы. В-третьих, центральная фигура социального исследования — это интервьюер, а не аналитик, не проектировщик выборки или социальный учёный. Именно интервьюер формирует исходные данные и задаёт дальнейшие возможные траектории их интерпретаций. В-четвёртых, репрезентация физических субъектов с последующей припиской им неких атрибутов мнений, установок и действий — путь тупиковый. Следует разрабатывать теории репрезентации самих мнений, которые возникают и формулируются в ходе разговора. Соответственно, нельзя считать респондента единственным носителем мнения, а то, что традиционно трактуется как «эффект интервьюера», на деле

есть неотъемлемый атрибут любого разговора, от которого бессмысленно избавляться. Нам следует изучать и регистрировать влияние интервьюера на ход общения, а не пытаться нивелировать это влияние.

Одним словом, в теоретическом, мировоззренческом плане 2006 год стал для меня точкой перелома, преодоления безвременья, сомнений в необходимости изучать методологические проблемы, заниматься опросами общественного мнения. Оглядываясь назад, не перестаю повторять, сколь же многим я обязан окружавшим меня тогда коллегам.

Что же, получается, хотели Вы того или нет, что работа, исследования, научная жизнь поглотили Вас полностью.

Почему же? Отнюдь нет. После смерти Батыгина я думал, что уже не сяду на велосипед. Был долгий перерыв в несколько месяцев. А потом как-то решился. Первый выезд сделал один. Два дня в тишине и яростном изматывании себя — только дорога и напряжение в ногах. Потом втянулся, даже шла речь об организации велосипедного клуба в Шанинке, но как-то не сложилось. Велосипед стал неотъемлемой частью жизни, не просто отдушиной, а волшебным средством осмысления происходящего. Порой компания собиралась большая — Татьяна Глезер, Виктор Вахштайн, Дмитрий Куракин с женой, Дмитрий Марчук с женой, — но всё же основные заезды у меня были либо в одиночку, либо с неизменным товарищем Женей Киселёвым.

Мы знакомы ещё с экономического факультета: учились в параллельных группах и жили какое-то время в одном общежитии. Но тогда не общались, разве что здоровались, просто знали о существовании друг друга. Женя работал в красноярском отделении Центробанка. В самом начале 2000-х перевёлся в Москву. Вот тут как-то само собой получилось, что купили велосипеды, и пошло-поехало. Скатались. Весь день молча смотришь на колесо или вдаль, крутишь педали, обедаешь и на коротких остановках, завалившись на коврик, разглядываешь облака, а по вечерам — разговоры у костра, мечты, споры... Вместе проехали не меньше десятка тысяч километров (тысячу-две в год тогда, в середине нулевых, проезжали).

От каких-то моих поездок остались заметки. Некоторые из них довольно любопытны и хорошо передают атмосферу дороги. Поэтому приведу здесь почти без купюр фрагменты из велодневника.

Июльская гонка: Дорохово — Верея — Пионерский — Кременское — Федоровка — Медынь — Кондрово — Полотняный Завод — Каравай — Льва Толстого — Тихонова пустынь — Калуга — Новая Деревня — Ферзиково — Сашкино — Петрицево — Таруса — Протвино — Большевик — Серпухов.

19.07.2003–20.07.2003

средняя скорость	16,1 км/ч
тах скорость	53 км/ч
расстояние	269 км
время в седле	16 ч 37 мин.

(Участник — Д. Рогозин на Trek820)

После смерти Батыгина сильно сомневался, сяду ли на велосипед снова, по крайней мере в этом сезоне. Решился. Поехал один. Дорога на Калугу — вся с небольшим уклоном, потому разогнался прилично. За первый день прошел 126 километров, потратил шесть с половиной часов. Скорость держал 20–25 км/ч. Перед поворотом на Верею даже пристроился за шоссейником и какое-то время шёл за тридцать. После этого, правда, пришлось долго отходить на обед. Вначале решил ехать по часу вместо привычных 45 минут. До обеда за три часовых ходки прошел 70 километров. Плохая идея — вымотался на нет.

Верея — очень поношенный городишко: дома покосившиеся, почти все церкви полуразрушенные. На холме здоровая часовня и кругом памятники: тут и 1812, и 1941 год. Напротив небольшого рынка — облупленное одноэтажное здание с покосившейся выцветшей вывеской: музей. В Медыни немного плутал и выехал на трассу А-101. Пришлось возвращаться. Проехал мимо единственной церкви. Очень бедно кругом.

На ночлег встал в смешанном лесу. Смеркалось. Бросил полиэтилен, расстелил спальник. Костер, чай. Ночь была беспокойная. Какие-то безумные сны с участием Константиновского и Чередниченко, обсуждение молодежных проектов. Комары. Их было немного, но один-два обязательно вились над ухом. Встал в половине пятого, в полшестого уже на трассе.

Красивые церкви в деревеньке Льва Толстого, но свернул не к ним, а к Тихоновой пустыни. Там царство воды: кругом источники и даже купальня. Небольшой деревянный домик. Из правил: «Лицам женского и мужского пола вместе не находиться, не кричать, спиртные напитки не распивать». Открывается только с восьми. Время – семь, потому помолился и в путь.

Вся дорога от Калуги до Тарусы и от Тарусы до Серпухова – хуже некуда. Постоянный подъем и бесконечные горки. Начал бояться спусков, потому что за ними обязательный косогор, на который закарabкиваешься со скоростью пешехода, а потом очередной тягун. После Тарусы – разбитая узкая дорога. Много машин, большие скорости. Чувство отвратительное. Сама Таруса в яме – крутой спуск и такой же подъем. Постоял у реставрируемого храма, куда зазывал Султанов. Ни его, ни Батыгина уже нет.

По ветру: Жаворонки – Краснознаменск – Алабино – Жедочи – Шишкин Лес – Овечкино – Львовский.

07.09.2003

средняя скорость	18,9 км/ч
тах скорость	43,5 км/ч
расстояние	72 км
время в седле	3 ч 49 мин.

(Участники – Д. Рогозин Trek820, М. Рассохина Trek4300)

По плану маршрут должен был проходить через Апрелевку, Троицк и Подольск, но по Машиному велению держали

направление по ветру и немного отклонились. Скорость была слабая: ветер в спину совмещался с постоянным спуском. Резюме: дорога на юго-восток — лучший путь для скоростных пробегов.

В Краснознаменск нас не пустили (военная часть), и правильно сделали, все одно это было ошибочное решение. Потоптались у шлагбаума и несколько сот метров прокрутили назад.

В Овечкине купил козьего молока, картошки и огурцов, но ничего из этого в дороге так и не поели, поскольку в магазине запаслись традиционной лапшой, шпротами и пряниками. Жгли костер, кипятили чай — все как обычно. Одно ново — Маша была лиха как никогда. Всегда впереди, если и трогалась второй, то тут же начинала кричать в спину, чтобы я пошевеливался. Не выдерживая окриков, так и уступал дорогу весь день.

Одно как-то неладно — выезжаем слишком поздно. На трассу встали только часа в два дня. В половине восьмого уже начало темнеть. А почему не можем выехать раньше, непонятно. Завтра первая лекция в РУДН, по-хорошему надо бы подготовиться.

Открытие сезона: Пушкино — Ивантеевка — Щёлково — Юность — Авдотьино — Горячевка — Макарово — Талицы — Софрино.

25.04.2004

средняя скорость	17,9 км/ч
расстояние	87 км
время в седле	4 ч 55 мин.

(Участники: Виктор Вахштайн Gary Fisher, Дмитрий Куракин Trek4400, Дмитрий Марчук Focus Whistler, Дмитрий Рогозин Trek820, Елена Марчук Jamis Cross Country, Таня Глезер Trek4400)

Запоздалое открытие сезона. Снег уже давно сошел. Хотя в тени видны залежавшиеся сугробы, уже давно плюс. Дороги сухие и солнце необычно яркое. Ремонт велосипеда, неурядицы на работе, неустроенность и ненужная суета — десятки причин, и ни одна не стоит того, чтобы откладывать начало велосезона. Много думал о Маше. Монотонно ноет сердце. Слава богу, к этому прибавилась усталость в ногах. Очень грустный год: расставания, стрессы, обманутые ожидания, страсть, мартовские похождения. Все как прежде, в том числе и дорога.

Кружили. Вместо намеченного Красноармейска оказались в Ивантеевке, а затем в Щёлково. Заехали на старый карьер, заполненный водой. Проселочная дорога, небольшой лесок, огороды с чрезвычайно узкими проходами. Озеро. На другом берегу церквушка. На нашем — бабулька в огороде, скворцы около старенького перекосившегося скворечника. Поели. Вместе с Димой Марчуком потянулись за кофе. Он галантно предложил единственную чашку: «Я после Мальты стал очень вежливым». «Да что ты говоришь, Дима», — это Алена. Пауза. «Значит, показалось». Смешно. Смеху много.

В Авдотьино монастырь, говорят, XVI века. На территорию не пускают. Вывеска психиатрической больницы. Классический желтый цвет, решетки на окнах и люди в белых халатах. Смотрится очень хорошо на фоне высоченной полуразрушенной колокольни. Когда же кончится эта жизнь?

В кассе ж/д вокзала в Софрино: «Я вам сейчас вертаю 60 рублей». Виктор Семенович говорит, что в Пензенской области используют и более сложную конструкцию: «вертать взад».

По Владимирской области: Александров — Елькино — Андреевское — Кольчугино — Литвиново — Юрьев-Польский — Федоровское — Андреевское — Обращиха — Оликово — Новоалександрово — Владимир.

10.07.2004–11.07.2004

средняя скорость	16,6 км/ч
тах скорость	6,5 км/ч
расстояние	158 км
время в седле	9 ч 32 мин.

(Участники: Ася Мануильская Trek4100, Дмитрий Рогозин Trek820)

Электричка на Александров шла новая, с большим тамбуром и отсутствием места для велосипеда в самом вагоне. На Ярославском народ толкается, но сесть можно. Расположились прямо на сиденьях, велосипеды прислонили рядом. Вскоре народу набилось прилично: кто ворчал, кто тихонечко садился.

Одна из остановок в велопоходе Киев — Брест. 2005

Так велосипеды оказались окружены копошащимися и потеющими людьми. Проходящий контролер сразу в крик: «Чей велосипед? Убирай велосипед в тамбур! Там инвалиды стоят! Убирай велосипед!» Тут же скрылся в другом вагоне, однако его громкие звуки породили разговоры, обрывки которых доносились и до меня: «У нас нет естественного прироста... У нас бабы не рожают... А ты, дурак, я говорю, с погонами — и не знаешь, с кем воевать. На кой нам нужна такая армия холуев, если свой народ не может защищать? Холуйство это — за копейку воевать, за поллитра продавать... Был один батюшка в Хотькове. Вот он по-настоящему лечил. Умер. Монах был».

Обедали в Кольчугино. Приличный ресторанчик. С виду мрачноватые охранники, толкается обслуживающий персонал, точно числом не меньше посетителей. Один охранник рассказал про некоего Петра Пронина, его дальнего родственника. Жил в Америке три года, полгода в Японии, на лошадях объехал вокруг света. «Он чокнутый немного, ему лишь бы дома не сидеть. Как и вам, наверно».

Юрьев-Польский впечатляет. Белокаменный кремль, старый и развалившийся. Дмитриевский собор рядом, весь в барельефе с драконами, конями и птицами, точно как во Владимире. Посидели немного... Ночевали под самым городом, отъехав лишь пару километров, в лесополосе. Ночью шуршала мышь и кричала какая-то птица.

Но самое главное — раз в год, вот уже больше десяти лет, мы с Женей Киселёвым выезжаем в дальние поездки. Сначала планировали в разное время, а стали исключительно на майские праздники. Даже традиция какая-то выработалась. Виталий Куренной и Руслан Хестанов из Высшей школы экономики в последние годы также начали ездить на майских в автомобильные экспедиции со студентами. Каждый год зовут, но я неизменно отрицательно качаю головой: «Ребята, перенесите на другие даты поездку, мы-то раньше начали».

Большинство наших дальних поездок проходило по Украине. Как поехали на майские в 2003-м на Киев и Чернигов, так и не могли остановиться. Очень хорошо там было: дороги в начале 2000-х ещё сносные, народ приветливый, интересный, очень вкусная и дешёвая еда, тепло... Только в 2014-м отказались от поездки. Какая же огромная трагедия и беда произошла на Украине... Как неприятны и бесчеловечны все эти телевизионные улыбки или угрозы политиков с их амбициями, претензиями, разговорами о национальных интересах, патриотизме и любви к Родине. По мне, национальные государства с их армиями, полициями и правительствами — самое большое зло, которое породила современная цивилизация. Единственные границы, которые вызывают у меня восторг, — это европейские, между странами Евросоюза: местами полуразрушенные домики, напоминающие о полосе отчуждения, пара кафешек и пунктов для покупки виньеток дорожного сбора (если это предусмотрено законодательством).

Возвращаясь к заданному мне вопросу: работа никогда не была для меня приоритетом, а в те годы подавно. Велосипед дарил ощущение свободы, риска, общения, совсем иной жизни. След от поездок тянулся на весь год, через воспоминания, боль в мышцах, смех и обсуждение пережитого. Исследования оставались всего лишь паузами, остановками между велосипедными поездками. Видимо, поэтому я не сильно прислушивался к другим, не задумывался о том, что нахожусь рядом с удивительными людьми, многих из которых уже нет.

8

Самостояние в нулевых

«Любил, изменял, горевал». Расставание с Машей. Любовь к худенькой, кудрявой девчурке, будущей жене. Путешествие в интеллектуальный мир Германии. Погружение в незначимые проекты. Анализ социально-демографических переменных. Рецензирование книг. Как написать хорошую рецензию? Антиэтнографический проект Института антропологии имени Макса Планка. Смерть Кости Полещука. Социология как наука. Трагедия Бойкова. Производство экспертного знания в Федеральной антимонопольной службе. Моя доля — в ошибках измерения и репрезентации. Методология социальных обследований.

За исключением Т. Е. Кузнецовой и А. Х. Султанова, я знаю или знал тех, о ком Вы написали (Т. И. Заславская, А. О. Крыштановский). Безусловно, Вы прошли очень сильную, уникальную профессиональную школу и школу человеческих отношений. Теперь вернемся к моему вопросу.

Как сложились следующие два-три года? Трудно сказать. Из-за фрагментарности, какой-то надломленности, они вспоминаются странным зигзагом, пунктирной линией, пробелы которой указывают на минуты отчаяния. Были и взлёты, устремления, влюблённость, попытки обустроить быт и профессиональное пространство.

«То было когда-то тогда,
То было тогда, когда нет...
Клубились, звенели года —

Размерены, точно сонет.
Любил, изменял, горевал,
Звал смерти, невзгоды, нужду.
И жизнь, как пират — моря вал,
Добросила к бездне. Я жду!
Я жду. Я готов. Я без лат.
Щит согнут, и меч мой сдаёт.
И жизнь мне лепечет: «назад»...
А смерть торжествует: «вперёд!»

Это строки Игоря Северянина, но ощущение, что мои. Если говорить о тех годах, лучше не скажешь...

В личном, эмоциональном плане эти три года, с 2003 по 2006-й, оказались периодом беспредельного лихолетья, ураганом эмоций, сметающим всё и вся. Привыкший всё доводить до предела, вершины абсурда, я всматривался в свои поступки. Порой ужасался их невозможной беспечности и беспардонности, порой злорадствовал над собственной ничтожностью. Не знаю. Сейчас я вижу в этом какую-то достоевщину, доведение ситуации до звенящей ноты, надрыва, за которым ничего не должно быть... А жизнь продолжалась. Тотальная непрерывность бытия толкала на всё новые и новые поступки, многие из которых весьма сомнительны, порой недопустимы с нравственной позиции. Но даже в самом падении вдруг обнаруживалась красота, и это завораживало, оправдывало невозможное, захватывало дух.

В эти годы я расставался с Машей. Это оказалось весьма длительным периодом, со встречами, разговорами, поездками. Незаметно для себя увлёкся и влюбился в свою будущую жену, Ксению Максимовну Мануильскую, или просто Асю, как её зовут все домашние. Но уже через год-полтора, как раз тогда, когда родился наш первенец, пропал с головой в новом романе с Анной Васильевной Турчик, сначала магистранткой, а потом и моей единственной аспиранткой, защитившей кандидатскую диссертацию. Безумное интимное лихолетье, растянувшееся вплоть до 2009 года, перемолото прежнюю боль, в конце концов превратило её в странное, отстранённое отношение ко всему на свете.

С Машей точку в отношениях мы ставили в Эссексе. Она всё еще была там, а я приехал, воспользовавшись возможностью через Шанинку оформить визу. Сидели в небольшом кафе, разговаривали. «Трудно поверить, вот сидим в чужой стране и стараемся уговорить себя стать чужими», — сказала она тогда. Реплика врезалась в память на всю жизнь. Когда Маша вернулась в Россию, помог ей устроиться помощником к Шанину. Встречались утром в столовой, кивали друг другу, улыбались. А как-то, с решительным взглядом, она попросила меня о разговоре. Мы зашли в «Макдоналдс». «Давай всё бросим и уедем в Англию, вдвоём. Просто оставим здесь всё, что случилось». Когда-то это была моя мечта... Но теперь я отказался. Через пару лет она вышла замуж и резко оборвала какие-либо отношения не только со мной, но и со всем социологическим окружением. Маша всегда очаровывала своей решительностью и категоричностью и, видимо, иначе просто не могла. Одна из любимых учениц Батыгина.

Я уже писал, что после окончания Шанинки факультет издал Машину монографию о метафоре в социологической теории - на мой взгляд, одну из лучших работ, написанных на русском по этой проблематике. Проследившая формирование теоретического языка, Маша проблематизировала границы осмысленности переносов значений, аргументированно представила особенности органической и механической метафор в формировании концептуальных оснований социологических теорий. Так и не защитив PhD, она не стала писать и кандидатскую. У Батыгина занималась советским дискурсом будущего в 1960-е годы. Эмпирическим материалом послужил журнал «Новый мир». В начале 2000-х, до отъезда в Англию, месяцами пропадала в Ленинке, старательно выписывая из журнала все упоминания о будущем. Сначала это были плакатные росписи о коммунизме, потом они сменились технократическими описаниями научного прогресса, индустриальной риторикой. По результатам этих штудий в журнале «Человек» была опубликована её с Батыгиным статья¹⁴. Я помогал делать расчёты в SPSS. Все содержательные выводы основывались на количественном контент анализе, за которым стояла огромная работа по сбору данных.

14 Батыгин Г. С., Рассохина М. В. Семантический комплекс «коммунизма». Дискурс о будущем в журнале «Новый мир». 1950-е годы // Человек. 2002. № 6.

Очень жаль, что Маша не удержалась в науке. Безумно талантлива и, что не менее важно, трудолюбива, с потрясающим умением не теряться в рутине исследовательской работы.

В 2002 году Геннадий Семёнович как-то мимоходом сказал, что нашёл мне толковую магистрантку, которой нужно помочь с дипломной работой, тем более что я уже вёл у неё курс по политической социологии в РУДН. В редакцию (так мы всегда называли нашу комнату 419 в Институте социологии) пришла худенькая, кудрявая девушка с какой-то маленькой папочкой в таком же маленьком портфельчике. Я тогда носил огромную, неухоженную бороду и старался выглядеть не от мира сего, что неплохо получалось, в том числе в силу сопутствующих обстоятельств. Внешняя несочетаемость собеседников была комична до невозможности.

Ксения Мануильская хотела заниматься социологией моды (не помню уже, по какой причине она не пошла к Александру Бенционовичу Гофману). Я не возражал, но как-то за разговорами, после серии встреч, обсуждений незаметно навязал тему тестирования вопросников. На тот момент она работала в маркетинговом агентстве Step-by-Step, вела проекты со сложными клиентами. И мы стали запускать экспериментальные планы как сопутствующий продукт маркетингового исследования. Помню, был у них анализ рынка салонов красоты. Интервьюерам вручили диктофоны, и потом Ася долго возилась с разработкой кодификаторов и последующим анализом полученных данных. С тех пор она занимается пилотажем анкет и разбирается в ошибках измерения. На мой взгляд, Ася принадлежит к немногим специалистам в этой столь непопулярной в российской социологии области. Хотя о пилотаже анкет заявляют все, но делают это мимоходом, с комментариями, за которыми не видны ни методическая работа, ни желание таковой.

Наш роман закружился в марте 2004-го. Сидели в редакции после обсуждения очередного проекта. Задержались. Я за несколько дней до этого купил диск с фильмом «Трудности перевода». Решили посмотреть. Но уже с первых минут что-то произошло. Фильм хороший, я это чувствую, но ни одной сцены из него не помню. После того вечера мы почти не расставались неделю: перезванивались, писали эсэмэски, обмеряли шагами ночные улицы, смеялись прохожим. Я снимал комнату, она жила с отцом, потому роман

вышел какой-то школьный, на весеннем льду под фонарями. У Аси тонкие красивые руки, немного дрожащий голос и какая-то воздушная походка, потому я стал звать её пальцекрылкой...

Ася рано потеряла маму — умерла от рака в сорок с небольшим. Детский, доверчивый взгляд неожиданно сменялся у нее сдержанной уверенностью, какой-то недевической твёрдостью. Тогда изумрудно-зелёные глаза отдавали карим металлом. Это завораживало. У нас разница в возрасте — восемь лет, но я ее абсолютно не ощущал. И привычные, вошедшие после книжки Эрика Берна в повседневность наклейки на отношения «взрослый-ребёнок», «ребёнок-ребёнок», «взрослый-взрослый» у нас не работали. В Асе — целый мир, со всем набором красок и настроений.

Она любит и умеет путешествовать. Я всегда это делал спонтанно, необдуманно, потому бестолково. Именно врождённая внеплановость мешала мне самостоятельно путешествовать за границей. Любые заполнения бумаг на визу, бронирование гостиниц, планирование маршрута вызывали и вызывают непреодолимое сопротивление. Ася все туристические хлопоты взяла на себя, и мы начали ездить. Но поскольку я никогда не разделял работу и отдых, туризм у нас получался своеобразный. Одна из самых удачных поездок тех лет — это романтическое турне по академическому миру Германии. Мы ещё не были женаты и переживали самый пик нашего страстного романа. У Аси свободный немецкий. Списавшись с профессорами и назначив встречи, мы в апреле 2006-го за две недели объехали дюжину немецких городов и посетили пятерых по-настоящему выдающихся и неординарных учёных, посвятивших долгие годы организации и проведению социальных исследований.

Прилетели в Берлин. Погуляли по городу и на следующий день поехали в небольшой городок в центральной Германии, Халле-Зале, расположенный недалеко от Дрездена и Магдебурга. Хайнц Заннер из Университета Халле-Зале занимался методологией опросов еще в далёких 1960-х годах. Пенсионер, потрясающий рассказчик и танцор. Мы встретились у него дома — в большой квартире старого, еще довоенного дома. Книжки. Много, много книг. Полки во всех комнатах, длинном коридоре, прямо под

четырёхметровый потолок. Каталожные ящики из библиотеки, в которых он хранил всякую мелочь, от иголок и наперстков до спичечных коробков. В зале — огромный музыкальный автомат откуда-то из 20-х годов, я такие видел только в американских вестернах. Под его звуки Ася с Заннером отплясывали твист на четвёртом часу наших посиделок. Это была фантастическая встреча. Хайнц всё удивлялся, что мы затеяли поездку за свой счёт, не рассчитывая ни на гранты, ни на университетское возмещение академических контактов. Он пригласил нас переночевать, и разговоры продолжились утром. Хайнц не знал английского, но смех, какая-то удивительная динамика общения отнюдь не прерывались вынужденными паузами, когда Ася переводила фрагменты его высказываний. Хайнц много шутил и искренне радовался нашему приезду. А мы были просто счастливы от той чудной ночи в книжном полумраке профессорского дома.

Вторым нашим собеседником стал Армин Шолль — профессор из Университета Мюнстера, специалист по медиаисследованиям. Вернувшись в Москву, мы с Асей написали рецензию на его книгу по коммуникативным исследованиям¹⁵. Встречались мы с Шоллем в Институте коммуникационных наук, в его рабочем кабинете. Обсуждали развитие медиаисследований. От него узнали удивительное: основателем медиапроектов в Европе, а может быть, и в мире считается Макс Вебер, который впервые провёл опрос в одной из немецких газет. К сожалению, материалы не сохранились, и всё, что можно узнать об этом эпизоде в профессиональной биографии великого социолога, — это устные воспоминания и обрывочные упоминания в некоторых монографиях. Получается, что Пол Лазарсфельд, эмигрировавший в Америку и развернувший там обширный исследовательский проект по изучению медиа, не был первопроходцем. Его европейский коллега многое подготавливал, чтобы стали возможны ставшие теперь уже классическими труды Лазарсфельда по медиаизмерениям.

Мы привыкли воспринимать классиков социологии по титульным публикациям, не отдавая себе отчёта в том, насколько противоречивой

¹⁵ Мануильская К. М., Розозин Д. М. Рецензия на книгу А. Шолля «Формулирование вопросов: Методы общественных наук и их применение в исследовании коммуникаций» // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 2. С. 149–155.

и многосторонней может быть их профессиональная судьба. Так, Томас Петерсен, о котором пойдет речь дальше, рассказал нам о значительном вкладе Фердинанда Тённиса в методологию эмпирических исследований. Мы знаем Тённиса по азбучному различению общины и общества, а он немало лет потратил на развитие количественных методов измерения и анализа (называя это направление социографией). Но эта часть его труда так и осталась маргинальной, практически никому не известной. Я уже не говорю о забытых авторах, лишь вскользь упоминаемых в учебниках (в русскоязычных изданиях их фамилии можно встретить, пожалуй, только у Н. И. Лапина и И. С. Кона)¹⁶.

Во-первых, это Готлиб Шнаппер-Арендт, издавший в 1888 году монографию «Методология социальных обследований», в которой, пожалуй, впервые поставлен вопрос о различении информанта и респондента, намечены методические подходы к определению уровня компетентности и включенности собеседника в тематику опроса. Проблематизация роли и места субъекта социологической информации, с одной стороны, ставит под вопрос репрезентативность выборки или внятное определение целевой группы исследования, с другой — предъявляет более жёсткие требования к инструментарию, формулировкам и порядку вопросов в анкете.

Во-вторых, это Альфред Вебер и Хенрик Херкнер, которые совместно с Максом Вебером в 1909 году провели крупнейшее эмпирическое исследование тех лет — «Выбор профессии и профессиональная судьба рабочих в различных отраслях экономики и крупной промышленности». Необычность и значимость этого проекта заключается в смешанном — качественно-количественном — подходе к социальным измерениям, зарождение которого обычно относят к 1990-м годам. Тогда же, в начале прошлого века, исследователи ничуть не менее искушённые в опросной методологии, нежели наши современники, связывали количественные данные об уровне зарплаты и производительности труда с качественными сведениями о профессиональных биографиях рабочих.

¹⁶ Лапин Н. И. Эмпирическая социология в Западной Европе: Учебное пособие. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004; История буржуазной социологии XIX — начала XX века / Под ред. И. С. Кона. М.: Наука, 1979.

Томас Петерсен из Института демоскопии (Германия). 2006

В-третьих, нельзя не сказать о работах Адольфа Левинштайна и его блестящей монографии «Рабочий вопрос», опубликованной в 1912 году. За четыре года проведения почтового опроса по всем индустриальным районам Германии было разослано 8 тысяч анкет, из которых вернулись 5200, или 63 %. Детальный анализ полученных ответов подтолкнул Левинштайна к качественным исследованиям (еще один сигнал о проблематичности начала отсчёта смешанных исследований от совсем недавнего времени). В результате были опубликованы еще три работы: «Из глубины: письма рабочих», «Рабочие философы и поэты», «Жизненная трагедия одного подёнщика».

После Мюнстера мы поехали в Кёльн — сердце немецкой методической мысли в области социальных исследований. Там нам предстояла встреча с Францем

Бауске. Он заведовал в Кёльнском архиве вводом данных, у него был только один аспирант, в обязанности которого входило приготовление коллективных обедов и закупка вина. Огромный сосуд, до верху заполненный пробками от бутылок, символизировал интенсивность научной работы. Франц — удивительно лёгкий и непринуждённый человек, исследователь с эстетикой искромётного перфоманса. Конечно же, наши разговоры шли за столом, под вино и дым от сигар. Подошли коллеги. Более всего поразила Мария Ролингер, отвечающая за анализ данных, в недавнем прошлом мужчина. Это была моя первая встреча с человеком, изменившим пол, поэтому я ощутил немалую оторопь от густого баритона в сочетании с плотно напудренными щеками и яркой помадой губ.

Последняя встреча состоялась на самом юге Германии, недалеко от Констанца, в небольшой деревушке Алленсбах, в Институте демоскопии. Том самом, основанном знаменитой Элизабет Ноэль-Нойман вскоре после войны. К сожалению, в те дни она себя плохо чувствовала, и мы встречались с Томасом Петерсенем, её учеником, коллегой, соавтором третьего издания одной из наиболее известных в России методических монографий «Все, но не каждый. Введение в методы демоскопии». Институт расположен в небольшом деревянном особняке, обросшем несколькими постройками. В коридорах — книги, фотографии, живые растения. Удивительное ощущение уюта с мгновенно возникающим желанием работать. Я засмотрелся на фотографии Ноэль-Нойман в молодости. Потрясающая красавица, от которой только незрячий мог не потерять голову. Долго разговаривали с Петерсенем, затронули ситуацию с исследованиями, развитием эмпирической социологии в Германии. Обсуждали роль частной, коммерческой организации в накоплении социального знания и развития методологической рефлексии.

Тут я вспомнил Грушинскую конференцию 2014 года, где возникла и сама собой угасла идея съезда полстеров, ухода от академического формата. Что-то подобное происходило в Германии в середине прошлого века. В 1951 году был проведён первый крупный съезд исследователей общественного мнения в Вайнхайме, на котором собрались представители 38 университетов и 30 частных исследовательских организаций. Но, в отличие от Америки, немецкие исследователи не смогли удержать связь между

эмпирическими, полевыми обследованиями и миром академического знания. Отношения с университетами, попытки наладить какое-то деловое сотрудничество были прекращены практически всеми опросными организациями. Видимо, не нашлось среди инициаторов изменений хоть кого-то с темпераментом Лазарсфельда, который решился заявить, что настоящая наука делается в общении не со студентами, а с предпринимателями, и бизнес-задачи не могут рассматриваться в качестве вторичного материала для подтверждения или опровержения абстрактных лекционных построений.

Вопрос здесь не в категоричности, а в расстановке приоритетов. Ни Институт демоскопии в Алленсбахе, ни Кёльнский архив, ни исследовательские компании Дармштадта или Дортмунда не отрекались от академической среды. Они скорее стали её обучать и формировать. Именно поэтому в 1951 году на встрече полстеров во главу угла были поставлены методологические вопросы, а не доминировавшие тогда в общественном сознании гранд-теории и масштабные объяснительные схемы социальных явлений. История социальных исследований в Германии сильно отличается от истории развития социологии, социальной психологии, этнографии, антропологии — любого другого научного знания о человеке, развиваемого и поддерживаемого университетской средой. Может быть, в нашем сообществе раз за разом происходят осечки в консолидации полстеров и академических работников именно из-за инфантильности профессионального сознания, из-за отсутствия чёткой позиции по отношению к тому кругу вопросов, который необходимо вынести за скобки образовательной и воспитательной практики, столь привычной для российской высшей школы.

Материалы поездки в Германию и обширная переписка с немецкими исследователями легли в основу кандидатской диссертации Аси, которую она защитила в 2015 году. В таком растянутом на долгий период вхождении в тематику немецкой исследовательской культуры есть и свои плюсы: написаны и опубликованы многочисленные статьи, издана небольшая книжка и набран богатый опыт личных эмпирических проектов. И что куда более важно, за это время у нас родились два сына и дочка. Мне просто повезло, что семейная жизнь оказалась неразрывно связанной с кругом профессиональных интересов. Возможно, по-другому я бы и не смог.

Прежде всего спасибо за фрагмент с оптимистическим финалом. Я не знаком с Вашей женой, но написанное о паломничестве в немецкие исследовательские центры настолько интересно и важно, что надо помочь Асе долепить «кирпич» и представить диссертацию к защите.

С трудом допускаю, что в течение нескольких описанных Вами лет Вы не участвовали в каких-либо значимых проектах, не размышляли о тех или иных методолого-методических проблемах, не думали о желательных направлениях будущей работы.

Жена с дочкой в Литве. 2014

С каким собственно научным багажом Вы завершили 2006-й год, какие обстоятельства позволяют Вам считать, что в 2007 году начался новый этап Вашей жизни?

Пожалуй, я никогда не участвовал в значимых проектах. Иначе не метался бы от темы к теме, не находился в постоянном поиске заказчиков, не ломал бы голову над их затруднениями как над своими. Поначалу завидовал зарубежным коллегам, которые всю жизнь посвятили одному-двум теоретическим вопросам, стали специалистами в узкой теме, а потом успокоился и смирился. Причина банальна: какой бы темой ни приходилось заниматься, как бы ни отталкивала проблематика поначалу, через какое-то время втягивался и уже не мог уснуть, размышлял, спорил, строил модели. И всё это на абсолютно незначимых проектах. Кроме уже упомянутых исследований и академических авантур, могу упомянуть три небольших проекта: 1) методический анализ социально-демографических переменных, инициированный фондом «Общественное мнение»; 2) личный трехгодичный проект по написанию рецензий; 3) международный антропологический проект по изучению городских и сельских семей, проводившийся в пятнадцати, кажется, европейских странах, в котором за Россию отвечали мы с Сашей Никулиным.

Анализ социально-демографических переменных проводился по схеме, разработанной ещё совместно с Батыгиным во время написания магистерской диссертации в Шанинке в 2000 году. Объектом исследования были выбраны вопросы об уровне образования, доходах, профессиональном статусе и социальном самочувствии. Составили из них небольшую анкету и провели несколько десятков интервью с респондентами, отобранными по стандартной процедуре поквартирных опросов. Все интервью записывались на аудионосители. Отличие от обычной практики опросов заключалось в том, что в дополнение к каждому тестируемому вопросу задавалась серия соответствующих ему уточнений: «Почему вы выбрали этот вариант ответа? Как вы поняли этот вопрос? О чём он? Попробуйте сформулировать его своими словами. Расскажите, пожалуйста, где вы учились? Что окончили? Работаете ли вы еще где-нибудь, кроме основной работы? Расскажите о своих работах. Расскажите, пожалуйста, как вы подсчитывали количество членов семьи.

Перечислите всех членов семьи, которые проживают с вами, например отец, брат, сестра... Расскажите, как вы подсчитали доход. Сколько лично вы заработали в прошлом месяце?» Это позволило реконструировать более широкий смысловой контекст, в котором респондент формулировал ответ, создать дополнительное информационное поле для последующего кодирования. Затем пара месяцев ушла на кодирование зафиксированных поведенческих особенностей и подготовку первичного массива данных, в котором единицей наблюдения выступал заданный в процессе коммуникации вопрос.

Центральным теоретическим конструктом для построения методического плана исследования я выбрал «эффект ответа», или особенности изменения респондентом первоначальных намерений автора анкеты. После упомянутых переводов двух книг и собственной книжки, казалось, не нужно повторять избитые истины о том, что стандартизированное интервью, какие описываются в учебниках, является лишь мыслительным конструктом. В ходе интервью мы получаем весьма подвижные устные конструкции, подвергаемые массивным изменениям со стороны интервьюера и респондента. Но после серии презентаций проекта даже в кругу «своих» (Олег Оберемко, Иван Климов, Елена Петренко, Григорий Кертман, Людмила Преснякова и др.) я обнаружил, что нужно вновь и вновь приводить аргументы в пользу непростой коммуникативной ситуации интервью, отрицающей возможность линейного, директивного решения. Увы, но и сейчас разговор о том, что стандартизированное интервью — лишь методологический конструкт, остаётся актуальным. В региональных опросных центрах рассказывают истории, как некоторые педантичные заказчики из Москвы штрафуют за любое отклонение от опросного задания, будь то смех, незначительное изменение порядка слов, пояснения или комментарии интервьюера. Удивительно, насколько устойчивым может быть неприятие коммуникативной реальности. В нашем экспериментальном плане подобные отклонения не считались ошибкой. Мы обращали внимание на куда более содержательные коммуникативные сдвиги: собственные, отличные от исследовательского задания рассуждения респондента, изменение точки зрения в ходе ответов на дополнительные вопросы, сомнение или отказ от ответа. Во всех проявлениях эффекта ответа нас в первую очередь интересовала личная интерпретация заданного вопроса респондентом, то, как он сам видит и описывает эту ситуацию.

На всём массиве данных было получено 42 % ответов, содержащих те или иные смещения. С ними и велась дальнейшая интерпретативная работа. Худшие результаты показали вопросы о доходах и профессиональном статусе, наименее проблематичным оказался вопрос о месте в жизни, отвечающий за социальное благополучие: «Скажите, пожалуйста, удалось или не удалось вам найти своё место в сегодняшней жизни?» Весьма показательный результат, который очень трудно объяснить привыкшим к допросной технике исследователям. Совсем недавно мы обсуждали с коллегами особенности направленных на изучение социально-демографической ситуации в стране анкет, которые мы уже не первый год безуспешно пилируем. Включая большое количество фактологических вопросов о доходе, благосостоянии, составе и изменении состава семьи во времени, они не позволяют респондентам даже на миг почувствовать себя интерпретирующим человеком, дать какие-то оценки ситуации. В результате — целый каскад смещений и фальсификаций. Формально нет ничего проще, чем задать фактологический вопрос и получить правдивый или лживый ответ на него. Задача исследователя, как учит Мягков, — отличить первый от второго. Вот только контекст разговора с чужаком (а интервьюер по самой процедуре опроса не может быть никем другим) делает невозможным предъявление не только цепочки фактологических ответов, но и, как было показано на материале эксперимента в ФОМе, единичных суждений такого типа. Для адекватного и полного описания прошлых или текущих событий и состояний требуется целая батарея оценочных вопросов, позволяющих скорректировать возможные смещения, связанные с когнитивными особенностями респондента (воспоминание, оценка информации, формулирование и произнесение ответа). Но такой подход блокирует любые попытки сыграть в омнибусный опрос обо всём, собрав за одно посещение всю необходимую информацию. Потому ни рядовые исследователи, ни заказчики не хотят слышать очевидных доводов, говорящих о профанации ими попыток изучать общественное мнение в допросной манере.

Исследование, о котором я говорю, получилось весьма продуктивным в теоретическом плане. Пухлый отчёт подталкивал на размышления и поиск дополнительной литературы, открывал новые границы методических штудий. По существу была написана монография о коммуникативных

особенностях социально-демографических переменных в массовом опросе. Но с её публикацией как-то не сложилось. Возможно, проект и вовсе не оставил бы следов, если бы ФОМ не начал издавать журнал «Социальная реальность», а Иван Климов, отвечавший в редколлегии за методический раздел, не обратил внимание на «бесхозный» отчёт. Фактически его трудами в журнале была помещена серия статей по темам проведенного исследования¹⁷. В одной из них, посвященной особенностям вопросов о доходах, вклад Ивана перешёл рамки редакторской работы, и я настоял на включении его в число соавторов.

Второй проект — по написанию рецензий — связан с самообразованием, что на языке либеральных экономистов принято называть «вкладом в человеческий капитал». Когда Батыгин попросил меня написать рецензию на книгу А. Ю. Мягкова о проблеме достоверности в опросах¹⁸, я, мягко говоря, растерялся. Ни опыта, ни желания этого делать не было, о чём я уже писал выше. Проходя с книжкой почти месяц, выписывая спорные места, выстраивая полемику с автором, я осознал, что на вид простой и безыскусный жанр таит в себе множество затруднений. Речь не шла об информационной заметке о вышедшей работе с кратким описанием её содержания и рекомендацией прочитать тем или иным специалистам. Мне была интересна расширенная версия рецензии, с собственным прочтением книги, со своего рода диалогом, вскрывающим индивидуальное восприятие рассматриваемых сюжетов. Первоначальная версия оказалась неудачной. Помню, принёс её Батыгину. Он открыл файл: «А где же указание на страницы приводимых цитат?» Даже такая азбучная норма рецензирования научной литературы была мною упущена. Что уж говорить о более высоких профессиональных требованиях к такого рода текстам... Тем не менее после редактуры рецензия была опубликована в «Социологическом журнале», а я, озадаченный допущенными

17 *Рогозин Д.* Как правильно задавать вопросы о социально-демографических характеристиках респондента: композиция исследования // Социальная реальность: Журнал социологических наблюдений и сообщений. 2006. № 9. С. 97–105; *Рогозин Д., Мануильская К.* Тестирование вопросов о профессиональном статусе // Социальная реальность... 2006. № 10. С. 111–118; *Рогозин Д., Мануильская К., Климов И.* Тестирование вопросов о доходе // Социальная реальность... 2006. № 11. С. 103–115; *Рогозин Д.* Тестирование вопросов о социальном самочувствии // Социальная реальность... 2007. № 2. С. 97–113.

18 *Мягков А. Ю.* Социально-демографические переменные в социологическом исследовании: проблемы достоверности самоотчетов респондентов. М.: Флинта, Наука, 2002.

ошибками, принялся за дальнейшее рецензирование. Подошёл к этому делу систематически. Брал только что вышедшую книгу, находил свободное время (как правило, это была поездка на юг или какое-нибудь путешествие) и читал с карандашом в руках. За три года я написал таким образом почти дюжину рецензий. Перечислю их здесь.

1. Мануильская К. М., Rogozin Д. М. Рецензия на книгу А. Шолля «Формулирование вопросов: Методы общественных наук и их применение в исследовании коммуникаций» // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 2. С. 149–155.
2. Rogozin Д. М. [Рец.] Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир / Пер. с нем. М. Черденченко; Пер. с англ. Ю. Турчаниновой, Э. Гусинского; Под ред. Т. Шанина. М.: Просвещение, 2006 // Человек. 2007. № 2. С. 178–185.
3. Rogozin Д. М. [Рец.] Pavlenko A. Emotions and multilingualism. Cambridge: Cambridge University Press, 2005 // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 182–185. Рецензия переведена на английский: Rogozin D. [Rev.] Emotions and multilingualism. Aneta Pavlenko (2005). Cambridge University Press / Transl. by M. Volynsky // Sociolinguistic Studies. 2007. Vol. 1. No. 2. P. 327–335. [DOI: 10.1558/sols.v1i2.327]
4. Rogozin Д. М. Ситуационный анализ по Адель Кларк // Человек. 2007. № 1. С. 38–48.
5. Rogozin Д. М. Рецензия на книгу Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен «Дискурс анализ: теория и метод» // Мониторинг общественного мнения. 2006. № 4. Слегка изменённая версия опубликована в журнале «Полис»: Rogozin Д. М. Мультиперспективный дискурс-анализ, или О вреде излишнего рвения // Политические исследования. 2006. № 5. С. 171–174.
6. Rogozin Д. М. Рецензия: Панина Н. В. Технология социологического

- исследования: Курс лекций. 2-е изд. Киев: Институт социологии НАН Украины, 2001 // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2006. № 1. С. 187–194.
7. *Низгораев И. И.* [Рец.] Методика систематических обзоров: Torgerson C. Systematic reviews. London, Continuum, 2003 // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 169–175.
 8. *Рогозин Д. М.* [Рец.] Сенокосов Ю. Власть как проблема: опыт философского рассмотрения. М.: Московская высшая школа политических исследований // Человек. 2005. № 6. С. 180–182.
 9. *Рогозин Д. М.* Антифеноменологический проект Ирвинга Гофмана // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 41–50.
 10. *Рогозин Д. М.* [Рец.] Интимное гражданство Кена Пламмера: Plummer K. Intimate citizenship: Private decisions and public dialogues. Seattle: University of Washington Press, 2003 // Человек. 2005. № 5. С. 187–192.
 11. *Рогозин Д. М.* Рецензия на книгу Б. З. Докторова «Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина» // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 3. С. 131–138.

Рецензии получались развёрнутыми, иногда с приличным списком дополнительной литературы. В двух случаях редакторы не стали рассматривать тексты в жанре рецензий и трансформировали их в самостоятельные статьи. Вскоре выработалась определенная практика написания подобных текстов, появился некоторый стандарт, преобразующий творческую активность в разновидность рутинного действия.

Во-первых, при прочтении из текста монографии выделялись фрагменты и маркировались особым образом. Крестиком обозначались важные для понимания места; восклицательным знаком — значимые авторские находки, которые следует взять на вооружение; сочетанием восклицательного

и вопросительного знаков — проблематичные суждения, о которых следует ещё подумать; вопросительным знаком — положения, с которыми не согласен, явные логические или смысловые ошибки. Кроме того, иногда я следил за стилем изложения, выделял наиболее характерные для автора метафоры, повторы, фигуры речи.

Во-вторых, уже на этапе прочтения я выстраивал связи между отдельными выделенными фрагментами. Для этого рядом с каждым из них помечал карандашом или ручкой страницы тех фрагментов, с которыми он связан. И делал такую разметку по всем фрагментам. Соответственно, рядом с фрагментом накапливался целый список ссылок на другие страницы. Таким образом формировался своего рода тематический указатель, который позволял потом лучше увидеть смысловые связи в тексте.

С Анной Турчик. 2007

В-третьих, я изрядно портил книги. Да, я люблю записывать на полях проходящие в голову мысли. Книга для меня не священный свиток, а рабочий инструмент, и чем более он приспособлен к моим нуждам, тем больше я его ценю. Это спорная позиция, но слова из песни не выкинешь. Монографии, о которых я писал рецензии, исчерканы и исписаны на многих страницах.

В-четвёртых, я выстраивал собственную структуру книги. В рецензии я не ставил задачи изложить, что хотел сказать автор. Напротив, уходил от этого, делая акцент на том, что смог вычитать в тексте. Именно поэтому какие-то рецензии оказывались настолько далекими от оригинала, что редакторы предпочитали рассматривать их как самостоятельную работу. Но это было следствием моей сознательной позиции. Меня всегда интересовала не авторская мысль сама по себе, а то, как читатель препарирует и видоизменяет первоначальный замысел произведения, фрагментирует и ломает стройный и порой с большими затратами выстроенный план изложения.

В-пятых, я никогда не ограничивался рецензируемой книгой. Проверял ссылки и смотрел, что автор оставил за рамками приводимой цитаты, искал уже опубликованные рецензии, старался написать автору или встретиться с ним и задать хотя бы в косвенной форме интересующие меня вопросы. Книга была поводом, чтобы начать разговор по одному-двум сюжетам, занимавшим меня ранее, или по той проблематике, которая возникала в ходе прочтения.

Я отдаю себе отчёт в спорности такой технологии написания рецензий, но мне было с ней комфортно. Она давала ощутимый результат. Тексты получались не сухими, подталкивали к полемике — возможно, самому важному свойству научной работы.

Третий упомянутый проект оказался для меня полным провалом. По времени он растянулся на два или три года, но уже в начале второго, полностью разочаровавшись в предлагаемой методологии и поняв безуспешность попыток её модификации, я из него вышел. Руководство проектом осуществлял Институт антропологии имени Макса Планка, расположенный в Халле-Зале, а директором был хороший английский знакомый Саши

Никулина Патрик Хэди. Проект позиционировался как антропологический, качественный, но с элементами стандартизации. Для этого в головном офисе разработали программу регистрации генеалогического древа семьи, подключив к нему не только родственные связи по всем членам семьи, но и различные материальные и нематериальные трансферты. Кроме семьи, учитывались еще и друзья, а потом и их семьи. Причём программа жёстко требовала заполнения всех полей. Интервью проводилось на ноутбуке и занимало около пяти-шести часов чистого времени только для того, чтобы внести фактологическую информацию о семье. Понятно, что были сбои как коммуникативные, так и технические. Как-то пришлось полностью заново вводить информацию по одной семье. Постепенно участники проекта стали заполнять анкеты небрежно, пошли фабрикация, на которые подталкивали как программа, так и сами утомленные респонденты. Я не раз поднимал вопрос об этом. Но Патрик, переквалифицировавшийся в «качественники» после работы в статистическом бюро, упорно настаивал на стандартизации, видя в ней единственную возможность проведения сопоставимого межстранового исследования.

Я отвечал за опрос в масштабе всего города (это была Москва). Три выпускницы Шанинки — Елизавета Валерьевна Полухина, Анна Васильевна Турчик и Ирина Игоревна Солодова (в замужестве Краснопольская) — работали интервьюерами в семьях, проживавших недалеко от Института социологии. Место выбрали потому, что в те годы я большую часть времени проводил в редакции «Социологического журнала».

Для представления сельской местности Саша выбрал село Каликино Липецкой области, где у него жили родственники. Несколько раз туда ездил он сам, и около трех месяцев там жил и проводил регистрацию данных Константин Станиславович Полещук, или просто Костя, как его называли в личном общении. Удивительный человек. Нейрохирург, специализирующийся на сложных операциях головного мозга, но не выдержавший коммерциализации медицинских услуг и ушедший из медицины. Они были дружны с Сашей и делали совместные проекты. Костя всегда очень скептически смотрел на гуманитарные исследования. Его критический взгляд был удивительно проницательным, комментарии подчас едкими, но неизменно ироничными

и точными. Как он ругался на программу исследования Патрика, трудно передать. Но дело своё делал и, в отличие от меня, удержался в проекте до его завершения. В последние годы он вновь вернулся в медицину и стал работать главным врачом-неврологом в медицинском центре «Столица-Медикл» на Дубровке. Центр специализируется на общей реабилитации после травм, устранении болей в спине, шее, суставах, лечении гипертонических болезней. Весной 2014 года Костя скоропостижно скончался. Ему было всего 48. В папке с моими документами я нашёл некролог, который написал, поражённый известием о смерти этого человека:

«Готовился к лекциям, предстоящей встрече, обсуждал конференцию, что-то писал... и во всей этой повседневной суете вдруг грянуло: «вчера не стало нашего друга». Костя для меня был в разговорах, планах походов, спорах, совместных проектах, потом даже какое-то время учёбе в Шанинке. Немногословный, всегда критичный, с улыбкой и запинкой, никогда никому ничего не доказывая, он чётко диагностировал ситуацию. Порой резко, без ухищрений, но настолько весомо, что слова не нуждались в трибуне, какой-то огласке, внешнем подтверждении. Правда живёт в тиши, искренность не разменивается на лозунги и призывы. До слёз больно от чувства утраты, от несостоявшихся бесед, от одиночества, которое подступает, отрывает от близких людей, крепнет невосполнимыми утратами...

Социологию часто отождествляют с возвышенной патетикой, высоким философским штилем, не приемлющим простых, безыскусных слов. Видимо, поэтому Костя чурался идентификации социолога, повторяя о своей незамысловатой роли наблюдателя за тем, что происходит вокруг. Врач, хирург. Казалось бы, человек совсем из другой сферы, из другой жизни, он во многом был гораздо ближе к социологической проблематике, чем остепененные коллеги, с жаром отстаивающие свою правду, призывающие и укоряющие других. Но правда не может быть приватизирована, она не определяется политической ориентацией и сословными веригами.

Порой мне казалось, что Костя рожден православным. Настолько органично в нём проявлялись смирение и послушание, отсутствие какой-либо злобы перед несправедливостью мира, перед врагами. В какие-то моменты

стараешься подражать таким людям, но хватает ненадолго. Я всегда чувствовал в его словах силу, а в его поступках — не податливую внешним обстоятельствам уверенность. Поэтому так неожиданно, так неправдоподобно узнать о его кончине. 48 лет. Это так мало, прежде всего для близких, друзей, коллег, для людей, которые были рядом, могли общаться и понимать. Светлая, светлая память... И упокой, Господи, душу раба твоего».

Если же говорить о новом этапе в моей жизни, то такого в 2007 году не случилось. Конференция «Пути России» 2006 года укрепила теоретическую позицию, но рездёрганность, разноплановость, порой бессмысленность текущих проектов, в которые я по глупости втягивался, не позволяла реализовать концептуальные построения в какой-то целостной исследовательской программе. По-прежнему занимаясь одновременно множеством тематически не связанных вопросов, я метался между научными школами, читая урывками то одних, то других авторов, вовлекался в исследовательские авантюры, на которые ни один здравомыслящий учёный не обратил бы внимания.

9

Пятый десяток, итоги

Непрятие отечественной социологии. Уход В. Э. Бойкова. Правовая экспертиза в Федеральной антимонопольной службе РФ. Узкая доля методологии социальных исследований. Принуждение к профессии. Игры с дисциплинарными стандартами. Социология – это не профессия. Работа в Шанинке. Социальные исследования и методические эксперименты в РАНХиГС. Внутренние мотивы автобиографии. Методические затруднения в биографическом подходе. Публикации – это наша жизнь.

Ох, Дима, все наши минусы — продолжение плюсов, интерес ко многому оборачивается разбросанностью поисков. Это нормально. Однако здесь важно не расплескаться, но все же объединить внешне различные, даже противоречивые интересы под общей «шапкой». Прошло почти десятилетие после описанного Вами периода. Во что вся неопределенность тех лет вылилась? Где Ваша доля на огромном поле социологии, которые мы все вместе пашем и обиходим?

На поле социологии — совсем незначительная, можно сказать мизерная. И тому есть две причины.

Во-первых, я не склонен толковать социологию в расширительном ключе как прародительницу и хранительницу всего социального знания. Потому многое, что я делаю, на чём специализируюсь, можно отнести с таким же успехом к когнитивной или социальной психологии и социальной экономике — это из больших гранд-наук. Но более точно моя работа будет описываться

На Московском урбаническом форуме. 2014

в дробных дисциплинарных границах — политических исследованиях, юзабилити-исследованиях, этнографических наблюдениях, изучении организационного поведения, исследованиях кино, опросах общественного мнения, наконец, методологии социальных обследований. Постоянно находясь в междисциплинарном поле, я вынужден подбирать литературу без оглядки на то, к какой области знания она относится. Вы скажете: это нормально для любой дисциплины. Но если говорить о социологии, то в моём случае она уже не удерживает связующей роли, некоторого интегратора разнообразных информационных потоков.

Во-вторых, мне совсем не хочется ассоциироваться со многими из тех, кто в России на каждом углу говорит о своей принадлежности к цеху социологов. И дело не в ханжестве или надменности по отношению к зачастую старшему поколению. Скорее я ощущаю абсолютную чужеродность тех речевых конструкций и практических действий, которые вижу у как если бы коллег

по социологическому цеху. Руководство Института социологии, академики от социологии, многочисленные директора институтов и околоправительственных учреждений, в названия которых включено что-то эдакое социологическое, — это всё хочется вычеркнуть из своей жизни. Когда ведёшь переговоры с чиновником и слышишь: «Сделайте мне социологию», — то эхом отдаются результаты деятельности этой когорты учёных. И как не раз повторял Сергей Чесноков, здесь больше трагедии, нежели коварства и злого умысла.

Сильнейшим образом я ощутил это, когда пересекся — как оказалось, в последние годы его жизни — с Владимиром Эриховичем Бойковым, социологом старой школы, формировавшим опросную культуру в 1990-е годы со стороны Российской академии государственной службы (РАГС). Свой институт, исследовательский центр в академии, журнал «Социология власти», выпускающая кафедра, диссертационный совет и сотни общероссийских проектов, проводимых на бюджетные средства, — все это имело отношение к нему. Все атрибуты успешного исследователя, достигшего вершины карьеры. Когда объединяли РАГС и АНХ (Академию народного хозяйства), создавая единый, порой весьма неповоротливый РАНХиГС, Бойкову сначала резко ограничили количество проектов, потом забрали журнал, центр, великолепный кабинет и прочие атрибуты институционального статуса и престижа. Он запил. Я встречался с ним всё это время, поскольку входил в число тех, кто должен был экспроприировать символический капитал, но заниматься этим не было никакого желания. С одной стороны, потратив достаточно времени, чтобы разобраться в особенностях методического сопровождения и организации исследований, я обнаружил очень большие нарушения, граничащие с халтурой, массовыми фабрикациями и некомпетентностью региональной сети, которая обслуживала проекты бывшего РАГСа. С другой — я увидел думающего, всерьез рассуждающего о методологической проблематике высококвалифицированного специалиста, того, с кем хотелось бы совместно входить в проекты, искать решения, даже ошибаться... Такая дуальность.

Когда летом 2014 года мне мимоходом в коридоре сказали, что умер Бойков, я не поверил. Настолько, что силится набрать его номер, позвонить, услышать неизменно хорошо поставленный, располагающий к общению голос,

но... не сделал этого. А через пару месяцев увидел небольшой некролог в журнале «Социальные исследования». И дело не в том, что практически никто не заметил его ухода и не было публично объявлено о прощании и похоронах. А в том, что большая часть его наследия — без ссылок на его хороший характер, мужество и особенности существования в фактически партийной структуре - содержательно ничего собой не представляет. Если посмотреть на последние лет двадцать жизни Бойкова, от него не осталось ни одного текста, заслуживающего дальнейшей работы, проверки заложенных гипотез или теоретических построений, продолжения исследовательского труда. И это огромная трагедия для специалиста высочайшего уровня, который реализовался вовсе не по полученной специальности, а в организации некоторого вида деятельности, который у нас принято называть социологией. Схожие нотки пустоты и разрушения слышались мне в тронных речах Горшкова и Осипова или в менее пафосных ситуациях общения с Толстой, Косолаповым, Масловой...

Некоторое время назад я представлял в Федеральной антимонопольной службе экспертизу одного исследования по делу о нарушениях рекламного законодательства. Был проведен неплохой онлайн-опрос по оценке восприятия рекламы медицинских препаратов, хотя, как водится, со многими недоработками и ошибками в построении аргументации. Это нормально. Ошибки — хлеб методиста, основа роста методического знания. Ненормально другое: в обсуждении стороны мерялись не аргументами, полученными из опыта, из экспериментальных планов, а институциональной весомостью. Оценивалась не чистота проведённых исследований, а вес экспертного голоса в юридическом поле. Как-то слишком устойчив партийный душок у отечественной социологии, и странным образом он не выветривается, а настаивается и наслаивается на всё новые и новые реалии.

Поэтому я не вижу своего места на «огромном поле российской социологии» и идентичность социолога мне чужда. Не раз приходилось от неё отрекаться, утверждая на переговорах с заказчиком, что я не социолог, а исследователь, готовый решать реальные задачи, а не заниматься пустыми разговорами. Безусловно, есть сюжеты, в которых я активно использую теоретические ресурсы этой области гуманитарного знания, опираюсь на них, рассматриваю как основу дальнейших рассуждений. Например, изучение

коррупции, или эрозии социального порядка. С разных сторон подходя к этой теме, я раз за разом обнаруживаю весьма схожие элементы коррупционных отношений в бизнесе, государственной сфере или академических (социологических) исследованиях. В более широком толковании коррупции я опираюсь на всё еще актуальную эволюционную теорию, когда-то блестяще разработанную Гербертом Спенсером. Или проект по изучению некоммерческих организаций, где в качестве оптики выбран «новый институционализм» — весьма почтенное направление с несомненными социологическими корнями. Или обращение к социологии труда и к ядовской теории диспозиционной личности, когда возникает необходимость реконструировать культуру заводских рабочих, приблизиться к пониманию их жизненного мира.

Но в большинстве случаев моя «делянка» намного скромнее и находится где-то у самого края возделанного поля. Это — в широком толковании — методология социальных обследований, а в узком — ошибки измерения и репрезентации. Об этом уже много говорилось здесь. И я искренне полагаю, что приписывать социологии эту область знаний — ошибка. Концептуальные описания, теоретические схемы, экспериментальные планы и полевые записи следует искать в иных дисциплинах. Я не социолог. И хотя не исключаю, что когда-нибудь смогу найти своё место в этом поле, но саму идентичность навряд ли примерю на себя.

Что значит «приписывать социологии»? В науке нет такой надструктуры, которая способна ей что-либо приписать. Методология социальных исследований сама возникла внутри всего комплекса социальных наук, и попробуйте ее теперь оттуда извлечь. Как только Вундт, Гальтон, Фехнер начали свои психологические, психофизиологические, антропологические измерения, так сразу же возник вопрос об ошибках. Напомню, что измерение массовых установок в Америке начинали психологи — Гэллап, Кэнтрил, Линк, Старч, обучавшиеся у профессоров, которые сами прошли школу названных выше классиков. И первое, о чем задумывались основоположники изучения общественного мнения, это метрологические характеристики измерений. Так что Ваша опущка — той же важности элемент лесного массива, как и все другие опущки, пригорки, низинки.

В силу сказанного Вами могу допустить, что семь-восемь лет, прошедших после указанного Вами рубежа, вместили многое. Попробуйте их разбить на несколько достаточно однородных — в том отношении, как Вам это видится временных интервалов, обозначьте их границы и дайте им самое общее описание. Но я не удивлюсь, если, поразмыслив, Вы решите, что прошедший период — многоцветный, но целостный.

Недавно мы как раз обсуждали это в «Фейсбуке» с А. Ф. Филипповым. Речь не идёт об институции. Приписками занимаются люди. Наташа Дёмина (я уже упоминал о ней выше как ученице Батыгина) весьма образно передала недавний публичный диалог Александра Фридриховича на тему массовых опросов.

[15 ноября 2014 в 17:50, страница в «Фейсбуке» Натальи Дёминой]

«Александр Филиппов, как обычно, зажигает. Какая-то женщина: "У меня вопрос: можно ли доверять социологическим опросам?" Народ засмеялся. Татьяна Малкина с места: "А если можно, то каким?" Народ вообще лёг. На лице А. Ф. диапазон эмоций. Борис Долгин, давая шанс тихо отползти: "Этот вопрос не относится к теме лекции, и вы можете не отвечать..." А. Ф. героически: "Хоть и работаю на философском факультете, я не философ. Вот Спиноза — философ, а я лишь преподаватель. Но даже преподаватель философского факультета не должен бояться вопросов о том, каким опросам можно доверять". И он ответил. А. Ф. начал с того, что ни одна опросная контора не является социологической...»

Я давно подметил: чем дальше человек от исследовательской работы, тем больше у него желание представить свои хлопоты и переживания как общецеховую проблематику, поднять их значимость до общедисциплинарной. Это в равной мере относится к преподавательскому корпусу, зачастую обладающему лишь навыками пересказа когда-то прочитанных учебников, и к руководителям опросных компаний, тратящих время на поиск и удержание заказчиков. Весьма показательна очередная инициатива разработки стандарта профессии «социолог», под которой подписались председатель ассоциации «Группа 7/89», А. В. Благодарова и руководитель Департамента социологии

НИУ ВШЭ А. Ю. Чепуренко. Призыв к Министерству труда утвердить «функционал и требования, предъявляемые к специалистам-социологам» я и называю предписаниями по отношению к социологии, эдаким принуждением к профессии. Игры со стандартами и попытки переопределить целую дисциплину через своё узкое понимание вызывают недоумение. От такой «социологии» хочется бежать, поскольку в ней, кроме лозунгов, бесконечных выступлений и борьбы за востребованность, ничего нет. Не дай бог, бумага попадёт под руку чиновника в подходящий момент, и он запустит процедуру разработки стандартов и надзора за их исполнением. Большой беды не представить...

Когда-то Мераб Мамардашвили заметил, что философия — это не профессия, а темперамент, умение удержать мысль другого как свою. Социология, как и любое серьезное направление гуманитарной мысли, также не редуцируется до набора понятных процедур, стандартных требований и смысловых полузаготовок. Обнаружить зачатки мысли, помочь ей сформироваться, сделать явной и доступной для коммуникации, наконец, дать шанс другим высказаться, причем даже тогда, когда высказывание ещё не сформировано и прячется от публичности... Социальность возникает в разговоре и через него становится доступной для понимания. Социология изучает возможность такого разговора. Социология — это умение обнаружить социальные основания мысли, расширенную и укорененную в коммуникации природу сознания. Мы можем называть разговор коммуникацией, взаимодействием, социальной динамикой, структуризацией, как угодно усложнять простой и безыскусный способ бытования социального, но предмет изучения от этого не изменяется. Разве что невежеством или вненаучными, достижительными целями объясняется стремление переопределить социологию до набора доступных любому чиновнику признаков. Конечно, в науке нет никакой «надструктуры». Только вот гуманитарное знание развивается в куда более широком и одновременно противоречивом контексте, нежели любое естественно-научное. Чем чаще в речи возникают наукообразные термины, а собственная позиция определяется через принадлежность к какому-либо научному знанию, тем дальше говорящий от этого знания, тем разрушительней последствия его активности. На днях, обсуждая предстоящую очередную Грушинскую конференцию, я услышал слова

о «большой социологии», понимаемой как мозаика чего угодно, что можно отнести к социологическому знанию. Говорить о себе как специалисте в области «большой социологии» или стремиться стать таковым — нет более ироничной фигуры речи для определения собственной ограниченности в понимании призвания и профессии социолога.

Что касается последних лет, боюсь, что ни интервалов, ни целостной картины нарисовать не сумею. Чем ближе к настоящему моменту приближается мое повествование, тем оно дробнее и противоречивее. Очень трудно разобратся в том, что происходило за последние годы, выделить какие-то направления. Наверное, это и есть то настоящее, в котором я сейчас живу. Одно могу сказать: что эти годы были для меня чередой потрясений и резких решений, которые всё ещё не завершились. Могу лишь календарно перечислить некоторые из событий относительно недавнего времени.

В 2007 году рождается сын Фёдор. В 2008 году Теодор уходит с поста ректора Шанинки, и новый ректор увольняет меня с должности декана. На общем собрании мне устраивается разнос за плохую организацию факультета, но предлагается остаться в качестве профессора. Я отказываюсь. У нас были практически на этапе завершения переговоры о создании совместно с ФОМом образовательного проекта — магистратуры по методологии социальных обследований. Но, узнав о моём разрыве с Шанинкой, Ослон закрывает проект. «Я договаривался с тобой, а не с абстрактной Шанинкой», — категорически заявил Александр Анатольевич на одной из встреч. В это же время с факультета уходит Вадим Валерьевич Радаев, завкафедрой экономической социологии в Высшей школе экономики, и практически полностью прекращаются отношения Шанинки с Вышкой. В семье у нас разлад. Я несколько раз собираю вещи, но всё же остаюсь. Реализую один из интереснейших коммерческих проектов в «Билайне» (крупнейший оператор сотовой связи) по разработке инструмента оценки юзабилити пользовательских интерфейсов. Казалось бы, абсолютно другая область, но навыки когнитивного тестирования оказываются как никогда востребованы здесь. Покупаю машину и права. Начинаю путешествовать с семьей, на несколько месяцев выезжая сначала в Крым, потом в Румынию. В 2009 году знакомлюсь с Сергеем Гордеевым, крупнейшим московским девелопером

В библиотеке Шанинки с Виктором Вахштайном. 2004

и миллиардером, у которого обнаруживаются страсть к кино и желание инвестировать средства в его изучение. Тржусь над разработкой экспериментальных планов и осмыслением особенностей зрительского восприятия голливудских фильмов. Практически с нуля создаю когнитивную лабораторию кино, оборудованную по самым современным требованиям (закупали последние разработки напрямую из США). После завершения проекта путешествую с семьей по Европе. Доехав до Испании, на несколько месяцев остаюсь там, поражённые фантастической природой и удивительными людьми.

В 2010 году возвращаемся в Москву. В сентябре рождается дочка Александра, или Аля, как мы её зовём в семье. Устраиваюсь доцентом в Вышку на кафедре культурологии. Год читаю самые невообразимые курсы, с полной нагрузкой и бессмысленной тратой времени на аудиторных часах. Регулярно хожу

в храм. Получаю благословение от отца Тихона (Шевкунова). После лекций иду на всенощную, утром — на литургию. У жены завязывается роман. Мы окончательно отдаляемся. В конце концов я год сплю в спальнике и всерьез размышляю о нелегальной эмиграции в Европу. Скитания, любая, самая тяжёлая, работа и храм — больше ни к чему не хочется прикасаться, ни во что вникать. Защищает диссертацию Анна Васильевна Турчик. Несмотря на бурный роман прошлых лет, мы обращаемся друг к другу только по имени и отчеству. Такая условность. Отношения у нас смяты, и мы давно практически прекратили общаться, но эмоциональное напряжение возникает при каждой случайной встрече. После защиты кандидатской она проходит конкурс и устраивается работать стюардессой на авиалинии ОАЭ, переезжает жить в Дубай.

В 2011 году в Шанинке снова сменяется ректор. Теперь это Сергей Зуев. Деканом на тот момент был Виктор Вахштайн. Он размышляет об отъезде и предлагает мне вернуться в Шанинку, заняв его место. Формально соглашаюсь. Фактически высшее образование интересует меня всё меньше. Основные силы уходят на исследовательскую работу. А. Ф. Филиппов зовёт меня на должность старшего научного сотрудника к себе в Центр фундаментальной социологии в Вышке. Вновь соглашаюсь. Но моя совместная с командой центра работа не клеится. Единственный видимый результат — запуск онлайн-площадки для профессионального общения «Мануфактура «СОЦПОХ» (последнее слово расшифровывается как «социологические похождения»).

Знакомлюсь с ректором РАНХиГС Владимиром Александровичем Мау и его командой. Возглавляю социологический блок в так называемой Стратегии-2020, масштабной правительственной акции по привлечению экспертов к построению прогнозов и освоению бюджетных средств. Вместе с Вахштайном создаём социологический центр РАНХиГС. Через год срываюсь от бессмысленности, методологической ущербности и экономической неэффективности проводимой исследовательской работы. Прошусь к Саше Никулину научным сотрудником в его Центр аграрных исследований. Мне отказывают и предлагают создать свой. В сентябре 2012 года что-то неожиданно меняется в моих отношениях с женой. Мы днями разговариваем с Асей

на кухне, гуляем по Тропарёвскому парку. Заново открываем друг друга, сближаемся, я начинаю лучше её понимать. Она влюблена в другого. На Новый год собирает вещи и уходит к своему возлюбленному, но возвращается почти под бой курантов. Я её жду и одновременно размышляю о возможном новом завихрении в своей биографии. Организую Центр методологии федеративных исследований. Знакомлюсь с Татьяной Малевой, экспертом по вопросам бедности, среднего класса и в целом по социальной политике в РФ, перехожу в создаваемый ею Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. Очень много спорим с экономистами, стараемся согласовать их анкеты с требованиями стандартизированного интервью. Поначалу это большие развороты из табличных фактологических вопросов, требующие многочасового общения в формате допроса. Теперь анкеты куда лучше, но поле для исправления вопросов всё ещё огромно.

В 2012 году совместно с Сашей Никулиным, Теодором Шаниным и Романом Бумагиным учреждаем некоммерческую организацию «Социальная валидация». Первоначальная идея заключалась в реализации проекта по обучению в Шанинке людей с ограниченными возможностями. Но проект по разным причинам схлопывается, и «Социальная валидация» полностью отдаётся под организацию и проведение социальных обследований. В 2013-м центр переименовывают в лабораторию. Работая в Институте социального анализа и прогнозирования, вхожу в бюджетный конфликт с Шанинкой. Меня вновь снимают с должности декана. На этот раз причина — в отсутствии лояльности. Через год с факультета уходит последний из его основателей — Александр Фридрихович Филиппов. Работаю над организацией и проведением больших общероссийских проектов. Постепенно набираю новых сотрудников. Основной интерес — методические экспериментальные планы. Но невольно включаюсь и в содержательные вопросы — от вызовов, предлагаемых непрерывным образованием, человеческого и социального капиталов до изучения старения, инвалидизации и смерти. С 2013 года, как я упоминал выше, в составе нескольких человек начинаем регулярно встречаться и обсуждать методические вопросы, называя нашу группу «методическим цехом», а на следующий год вместе с Тимуром Османовым и Дмитрием Сапоновым регистрируем одноименную коммерческую организацию, основные цели которой — обучение анализу данных (прежде всего

на SPSS) визуализация данных, проектирование выборок и проведение маркетинговых и социальных исследований.

Потрясений и неудач за этот период было гораздо больше, нежели побед и каких-либо достижений. Но я давно перестал смотреть на проблемы и затруднения в качестве неприемлемых атрибутов своей жизни. Гораздо хуже, когда вместо них наступают полный штиль и безразличие без каких-либо волнений, забот и ошибок. Со временем выводящие из себя события теряют прежний вид глобальных поражений, прошлое сглаживается и встает на свои места в биографии. Только поэтому она начинает приобретать некоторую понятность и если не линейность, то по крайней мере смысловую законченность в рамках мысленно представляемых циклов. В текущих событиях слишком много эмоций, чтобы вот так рационально выделять временные интервалы, обозначать границы, давать обобщенные описания.

Где-то в середине нашей переписки Вы заметили, что ближе к концу хотели бы обобщить опыт работы над этим интервью в виде методолого-методических размышлений. Мне кажется, что время для этого подошло.

По всей видимости, Вы правы. Пора показать внутренние мотивы моего участия в этом биографическом проекте, который сам стал частью моей биографии. Методических размышлений накопилось за это время немало.

Биографический метод многим представляется настолько естественным и безыскусным, что, кажется, начни рассказывать о жизни — и получится биография. Но начинаешь слушать, читать такого рода рассказы — и тут же обнаруживаешь весьма специфические оттенки жанра. Невольно вспоминаются советские каноны написания героических биографий учёных: «Имярек известен как пламенный борец за торжество научного мировоззрения, как блестящий экспериментатор, смелый учёный и человек передовых убеждений...» или «Жизнь и деятельность имярека — блестящий пример того, как человек, охваченный стремлением к науке, благодаря неустанному труду, настойчивости и мужеству достигает огромных успехов в развитии научного

знания...» Биография — это прошлое, представленное в красках настоящего, сконструированное здесь-и-сейчас подручными средствами, с определенными целями и желаниями. Мы можем ругать за неискренность и патетику советский канон биографических описаний, насмехаться над ним, но с точки зрения выбора стилистических средств выражения для конституирования образа советского учёного он безупречен. Другое дело, что к процессу познания и к судьбе учёного подобные описания не имеют никакого отношения.

Зачем мы вновь и вновь обращаемся к биографическому методу? Что позволяют увидеть жизненные истории, рассказанные другими людьми? Как освободиться от навязчивого желания подчинить биографию некоторому линейному движению к понятной на данный момент цели? Как следует вести разговор? Как выделять важное и отсекал второстепенное в рассказе? Как помогать собеседнику раскрыться, не пропустить поворотные пункты судьбы? Где границы между интимным и публичным? Где следует остановиться в разговоре, а где остановка грозит возникновению фальшь-объектов, запутывающих интерпретаций? Попробую подытожить, и если не дать ответы, то хотя бы усилить и обосновать значимость поставленных вопросов.

Основной побудительный мотив нашей столь продолжительной и развёрнутой беседы в форме переписки (кроме любопытства и естественной склонности следить за вопросами, отвечать и вступать в полемику) — это возможность осмыслить методические затруднения, с которыми раз за разом приходится сталкиваться, общаясь с людьми. Свое объяснение я сведу к нескольким смысловым пунктам.

Во-первых, это проблематичность адекватности получаемых в коммуникации кратких, искусственно оторванных от биографии ответов. Не принимая и даже сторонясь споров о количественном и качественном подходах, я легко и естественно принял идеологию смешанных исследований. Хотя многие маркетинговые и полстерские компании могут сколь угодно много писать о смешанных исследованиях, понимая под ними совмещение опросов, экспертных интервью и, допустим, фокус-групп, это отнюдь не реализация куда более фундаментального представления об особенностях со-

циальных обследований, в основе которых лежит интервью или наблюдение. Какое бы исследование мы ни проводили, наш акцент на количественных или качественных его характеристиках свидетельствует лишь о неполноценности или ущербности выбранного нами инструментария. Первейшая задача смешанного подхода — извлекать из любого опросного инструмента обе составляющие: количественные оценки и распределения, качественные интерпретации и нарративы. Даже отвечая на краткие фактологические вопросы (далеко за примерами ходить не нужно — название своего возраста или уровня образования), респондент часто не ограничивается кратким, вполне достаточным и информативным для интервьюера ответом. Он или она поясняет, приводит примеры, сомневается в ответе, улыбается, рассказывает какие-то ассоциативно всплывающие истории, которые возникают и лопаются, как мыльные пузыри. Игра в идеального, кратко и по существу отвечающего на анкетные вопросы респондента, которую старательно навязывают в учебной литературе новичкам, — это не правило, а исключение для стандартизированного интервью. Сухой, формально точный и соответствующий анкетным закрытиям ответ зачастую таит в себе иронию, желание уйти от вопроса, его недостаточное понимание или усталость от беседы. Важно, что огромное количество отвлекающих, казалось бы, реплик в стандартизированном интервью относится к биографии рассказчика, связывает его судьбу, события его жизни с предлагаемыми ответами.

Кто-то хочет видеть в респонденте эксперта, взвешивающего и рационально оценивающего выбираемый ответ, кто-то ждёт так называемых спонтанных, первых реакций, того, что приходит в голову сразу, без каких-либо размышлений. Но в любом интервью, профанном или экспертном, перед нами прежде всего человек, отвечающий на вопросы, выражающий свою точку зрения, которая неразрывно связана с его биографией. Получается, что нет более фундаментального вопроса перед исследователем, чем судьба опрашиваемого. Его позиция, круг референтных лиц, переживания и заботы опосредованы тем жизненным ритмом, той событийной канвой, в которых он пребывает и считает их значимыми для текущего разговора. Другими словами, если интервью — это прежде всего разговор, то разговор — это прежде всего рассказ о себе и своей жизни. Даже представляя других, передавая информацию или впечатления об увиденном, человек невольно ведёт беседу о себе,

о собственной биографии, в которой он выступает участником, очевидцем или слушателем той или иной истории.

Многие поборники количественных методов опросов пресекают подобные излияния и откровения респондентов, искренне полагая их лишними и не относящимися к существу дела. Изгнав такие реплики из своего инструментария, они не в состоянии запретить человеку мысленно проговаривать случившееся, искать в памяти прошлые события и оценивать их релевантность поставленному вопросу. Отметая весь подготовительный для ответа нарратив, мы не только обедняем коммуникацию и понимание происходящего у нас на глазах конструирования ответа, но и убиваем его осмысленность, буквально подталкиваем себя к додумыванию за человека его позиции. Актуализация биографического нарратива — это наиболее гуманный и точный способ сформировать контекст, необходимый и достаточный для интерпретации любого предельно лаконичного ответа, например о поле, возрасте, доходе или социальном благополучии. Это способ гуманный, или экологичный, прежде всего потому, что человек в естественной разговорной среде всегда ведёт речь о личном опыте. Точный, потому что вне такого опыта любое высказывание лишено контекста, задающего его смысл и интерпретацию, без которых самый беспроblemный ответ грозит если не ввести нас в заблуждение, то сильнейшим образом сместить наше понимание социального.

Во-вторых, отсутствие биографических аллюзий и подтверждений в ответе приводит к его неустойчивости, острой контекстуальной зависимости и эмпатической неподкреплённости. Респондент легко меняет ответ, приводит противоречивые суждения, предлагая гипотетические доводы и не придавая значимости своим высказываниям. Убивая в коммуникации субъекта, лишая его биографии и эмоционального отношения к предмету разговора, мы трансформируем ответ в весьма специфический, отвлеченный от человека объект анализа.

Объективированные ответы и вопросы возможны лишь в общении, построенном на давлении и доминировании вопрошающего над отвечающим. На одну из конференций к нам в Шанинку пришёл социолог в погонах (в звании

старшего лейтенанта или капитана) из московских органов. Он искренне не мог понять, с чем связаны наши бесконечные разговоры о неответах и возрастающей недостижимости включённых в проектируемую выборку людей. «У меня 100 % отвечают. Я даже не помню, чтобы кто-нибудь из интервьюеров пожаловался на то, что с ним отказались разговаривать», — недоумённо ответил он на мой прямой вопрос. «Но как это возможно? Как вы это делаете?» — «Не знаю. У нас всё проходит в штатном режиме. Интервьюер вежливо представляется: "Вас беспокоят из прокуратуры. Ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов"». Зал просто лёг от смеха, услышав такое, а мне стало немного легче. Когда сталкиваешься со столь простым и неказистым объяснением, расставляющим всё по своим местам, лучше понимаешь, что не зря годами задавался одним и тем же вопросом. После этого я не раз на конференциях и в публичных выступлениях упоминал услышанное когда-то от Батыгина: «Лучший опрос — это допрос», — и перед глазами вставал образ улыбающегося человека в погонах, который дружелюбно предлагает ответить на несколько вопросов.

Я помню, как лет 10–15 назад Вы впервые в России заговорили об «обогащённом мнении» как методе, подготавливающем респондента к разговору, создающем почву для осмысленного и взвешенного участия в интервью. Тогда это представлялось новым, постгэллаповским развитием опросной технологии, которое приводит к существенному росту надёжности и валидности собираемых сведений. Базовой метафорой для респондента оставалась некоторая ёмкость, наполненная данными, «чёрный ящик», где как-то циркулирует и преобразуется загружаемая информация. Основное требование заключалось в своевременном, полном и компактном «обогащении» респондента новыми сведениями об интересующем исследователя предмете. Но в свете размышлений о биографическом подходе подобное конструирование исследовательского метода как искусственного оплодотворения респондента информацией и возвращение его до статуса эксперта отвлекает от иного — необходимого, если не сказать достаточного — требования для адекватной вопросо-ответной коммуникации. Это формирование некоторого биографического следа, предоставление респонденту возможности не только попасть в некоторую *ad hoc* историю общения с незнакомым человеком, но и прожить (не подготовиться, а именно прожить!) с предложенной

проблематикой какой-то отрезок своего личного времени. Не информирование, а приобретение опыта, переплетение биографии с внешними до этого вопросами формирует адекватную позицию собеседника, способного размышлять, дискутировать и выносить ответственные суждения.

В модели информационных потоков мы пытаемся представить респондента как эксперта, обладающего полной и хорошо структурированной базой данных. Напротив, в биографической интерпретации постепенно формируется роль собеседника, эмоционально и личностно включенного в разговор. На мой взгляд, именно это базовое непонимание, ложное толкование нового подхода, подстраивание его под устаревшую кибернетическую модель передачи информации и привело к невостребованности на российской (и не только!) почве метода «обогащённого мнения». Наши коллеги не увидели в нём красоту и изящность коммуникативного обогащения респондента, осмысленное формирование эмоциональной поддержки будущего короткого разговора. Другими словами, чтобы говорить по существу, нужно иметь такой опыт, который невозможен без атрибута «личностный» (по Майклу Полани). Эмпатическая подкреплённость ответа — это то, чего пытаются всячески избежать стандартизаторы, отказывающие собеседнику в личной судьбе, переживаниях и сомнениях. Биографический нарратив, напротив, открывает проход в область личностного знания и снижает до минимума контекстуальные эффекты текущего разговора.

В-третьих, красота и осмысленность окруженных биографическим контекстом ответов предъявляют повышенные требования к обработке информации. Соглашаясь часами выслушивать личные истории, мы подвергаем огромному риску собственное коммуникативное задание, исследовательский вопрос. Увлечёшься историей рассказчика, забыв о собственном интересе, — естественное состояние сопереживающего собеседника. Раз за разом получая развёрнутые, многочасовые рассказы о чьей-либо жизни, мы рискуем погрязнуть в многостраничных текстах, не получив ответа ни на поставленные ранее вопросы, ни на возникшие по ходу прочтения. Биография как удовлетворение любопытства, медленное чтение может заканчиваться переключением на другие, более насущные и контекстуально важные дела — от заботы о детях до написания рекомендаций незадачливому клиенту.

Я не считаю правильным понимание математического подхода к социальным данным как средства редукции комплексности до набора обозримых и понятных категорий. Именно в таком виде подаются достоинства, например, факторного или кластерного анализа. Огромное заблуждение. Аналитические процедуры обработки больших массивов информации направлены не на свёртывание их сложности и многомерности, а на извлечение адекватных исследовательскому вопросу атрибутов; это способ сохранения первоначальной сфокусированности на получении ответа, а не описание многомерной реальности в некотором ограниченном наборе признаков. Ситуация с текстовыми массивами ничем не отличается в этом отношении от ситуации с массивами закодированных числовых данных. Перед нами огромные информационные потоки, в которых мы не отделяем сигнал от шума (как это навязывается в кибернетической модели), а конструируем, создаём сигнал из разрозненных элементов, придавая им смысл в контексте исследовательского вопроса.

Выше я уже упоминал о Саткинском этнографическом проекте. После завершения полевой части этого проекта мы закрыли отчётную документацию, предоставив коллегам и заказчику итоговые материалы. Один вариант — это многостраничные нарративы, конечно, видоизменённые и усиленные интерпретацией, структурированные в разделы и главы. Второй — краткие выводы на четыре страницы, где аргументация была сжата до простых предложений, а последовательность изложения задана скорее логическими операторами, нежели нарративом многочасовых бесед. Можно рассматривать второй текст как выжимку из первого. Но это не так. Я склонен различать их как самостоятельные работы, основанные на биографических рассказах наших собеседников и нашей личной биографии, поскольку мы были участниками тех летних бесед, уличных разговоров или достаточно формализованных фокус-групп и экспертных интервью. Именно краткий текст вызвал жесткую дискуссию среди своих и подтолкнул заказчика на формулирование нового задания, продолжение работы. Длинный текст был принят благосклонно, с ним согласились, поскольку в нём было развернуто слишком много позиций и собственная растворялась в многоголосии информантов и респондентов. Проблематичность биографического подхода как построения долгого нарратива — в его усыпляющей монологичности,

обтекании предмета и расфокусировании внимания воспринимающего. В биографии как воспоминании и упорядочении прошлого очень трудно сохранить диалогический режим общения, не соскользнуть в рассказывание увлекательных и самодостаточных историй, не оставляющих собеседнику места для личной рефлексии и действия.

В-четвёртых, любая биография имеет адресата, реального или воображаемого — значения не имеет. Рассказывая о себе, об отдельных фрагментах своей судьбы, человек попутно её создаёт, конструирует для кого-то с какой-то целью. Не бывает биографии, составленной для абстрактных потомков, некоторого набора сентенций или хронологически изложенных фактов, раскрывающих всю «правду» частной жизни. Безусловно, в рассказе о себе человек выступает основным очевидцем прошлых событий, ему могут быть открыты самые потаённые уголки личных страхов, амбиций, непонимания или просветления в тех или иных ситуациях. Но одновременно отсутствие личностной дистанции и желание вписать собственную историю в некоторую общепринятую в данной культуре канву (а по-другому мы просто не умеем), сделать её понятной для собеседника создаёт уникальную, аутопоэтичную, по Матуране, реальность биографического дискурса.

Воспоминание не переносит нас в прошлое, не выступает фотографической картинкой, на которой в не зависимом от нас порядке расположены пиксели воспринятых когда-то образов. Воспоминание деятельно. Происходит поиск в памяти информации, оценка её релевантности, переход от одного узла (сигнала памяти) к другому, предложение тех или иных сюжетов и толкований, формулирование их на определенном языке и связывание с текущим пониманием себя и своего места в жизни, будь то семья, друзья, коллеги или, шагнём дальше — страна. В результате конструируется уникальный биографический нарратив, в котором настоящее не менее важно, чем прошлое. Автобиография — это «расширенное настоящее» (в Вашей терминологии), или конструирование личной идентичности, сборка через воспоминание себя как целостного субъекта, попадающего в определенные стадии, циклы или ритмы жизни.

Не только интерпретации и оценки принадлежат текущему состоянию рассказывающего о прошлом, но и порядок изложения, пропуск каких-то личных событий или упоминание о происходившем вовне. Самые нейтральные описания прошлого перегружены настоящим и говорят о человеке и его мотивах подчас больше, чем это представляется на первый взгляд.

Итак, четыре методических затруднения, с которыми сталкивается любой исследователь в нашей сфере: 1) смысловая проблематичность небιοграфических ответов; 2) эмпатическая неопределенность объективированных суждений, оторванных от личной истории; 3) избыточность и монологичность биографического нарратива; 4) адресность и целеполагание в конструировании биографии. Они, на мой взгляд, описывают особенности биографии как коммуникативного жанра, лежащего в основе многих разговоров, независимо от того, проводятся ли они в бытовом или профессиональном контексте.

Проводя интервью, разговаривая мимоходом на улице или участвуя в семейном застолье пригласивших меня к себе информантов, я часто задаю неудобные, личностные вопросы. Порой мне неловко переходить на ту или иную тему, но, не подавая вида, я продолжаю разговор. Перед глазами проходят судьбы, трагическое и комическое часто соперничают в рассказе, представляя удивительный мир, который порой, мне кажется, был раньше сокрыт от самих рассказчиков. Прямые вопросы о каком-либо предмете давно перестали меня устраивать. Зачастую они подталкивают к пресным, шаблонным ответам, настолько плоским и похожим друг на друга, что быстро забываются, не подталкивают к размышлениям, более похожи на шум и коммуникативный сор, нежели на ростки какого-то понимания. Отсюда неподдельный интерес к биографии другого, его интерпретации событий. И чем важнее вопрос, чем требовательнее мое отношение к себе как исследователю, тем больше биографического нарратива присутствует в диалоге с информантом или респондентом.

Разговор о себе, подчинение собственной биографии методичному изложению — чрезвычайно ценный опыт для осмысления методологии социальных исследований как таковой. Для меня участие в Вашем биографическом проекте — это процесс обучения, настройка исследовательской оптики, в которой

формируется «незаинтересованный наблюдатель» (по Щюцу). Наш разговор, растянувшийся на год, можно представить как своего рода театральную постановку, увлекающие или нагоняющие скуку личные истории, анекдоты и случаи, расположенные в некотором хронологическом порядке и определяющие становление меня как исследователя, со всеми моими ограничениями и возможностями к познанию.

Возможна и другая интерпретация нашего диалога. Состоявшееся общение — это когнитивная лаборатория, коммуникативный эксперимент по формированию наблюдения, прагматика которого состоит не в конструировании некоторого «образа пути в науку», а в понимании самого биографического метода. Только при обращении к себе, к своей жизни я волен, стараясь не нарушать этические нормы, идти до конца, смешивать интимное и публичное, создавать смыслы там, где принято ставить многоточие и переходить к другим темам. Безусловно, рассказывая о себе, я находился в некотором культурном поле, а состоявшийся эксперимент проходил в контексте определенного социального взаимодействия — нашего уже достаточного продолжительного знакомства, Ваших книг, мимолётных встреч в Москве и, наконец, переписки, которая была несколько шире представленных здесь вопросов и ответов. Но тот ряд социальных событий, в котором создавался наш текст, — это одно, а формирующаяся позиция, направленная на познание и осмысление самой переписки, — совсем другое. Лучше Альфреда Щюца об этом различии никто не сказал, поэтому позвольте привести развёрнутую цитату из его методологических размышлений.

«Наш анализ обыденных интерпретаций социального мира в повседневной жизни показывает, как биографическая ситуация человека в естественной установке сознания определяет его цели в любой момент времени. Принятая им система релевантностей определяет круг отдельных объектов и их типичных свойств, являющихся непроблематизированным фундаментом того, что принимается как само собой разумеющееся. В повседневной жизни человек считает себя центром социального мира, сгруппированного вокруг него на разных уровнях и с различной степенью близости и анонимности. Решением принять позицию незаинтересованного наблюдателя, или — в принятой нами терминологии — определяя

научную работу как свой жизненный план, социальный учёный дистанцируется от собственной биографической ситуации в социальном мире. То, что в биографической ситуации повседневной жизни принимается как само собой разумеющееся, учёный может проблематизировать и наоборот: то, что кажется в высшей степени важным и значимым, может полностью потерять своё значение. Центр ориентации в социальном мире претерпевает радикальный сдвиг, равно как и иерархия планов и проектов. Решение осуществить план научной работы во имя бескорыстного поиска истины в соответствии с ранее установленными правилами научного метода погружает социального учёного в организованную систему значений, называемую корпусом науки. Он также должен принять то, что установлено другими учёными, или объяснить, почему он не может этого сделать. И только в рамках этого знания он может сформировать свою научную проблему, дать ее научное решение. Эти рамки конструируют его "пребывание в научной ситуации", заменяющей ему биографическую ситуацию как человека в социальном мире. Как только научная проблема поставлена, ею и только ею определяется то, что имеет, а что не имеет отношение к её решению и, таким образом, что надлежит исследовать, а что лишь принять к сведению как данные»¹⁹.

Наш разговор с такой степенью открытости и бескомпромиссности в изложении любых деталей прошедших событий — это моя самая радикальная исследовательская авантюра 2014 года. В повседневной, обыденной интерпретации подобное действие может вызвать недоумение и прямое неприятие, поскольку в самом изложении нарушены многие привычные повествовательные нормы. Повседневное и бытовое перемешано с теоретическим и концептуальным, предельно личное окрашивает упоминания о важных с точки зрения российского гуманитарного знания событий и фигур, нарушена последовательность изложения, перемешаны типажи. Но всё это (вернёмся к цитате из Шюца) подчинено первоначальному замыслу идти до предела, разворачивая биографический нарратив в рамках создаваемых посредством диалога областей смыслов и систем релевантностей. В нашей

¹⁹ Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия / Пер. с англ. Н. М. Смирновой // А. Шюц. Избранное: мир, светящийся смыслом: Пер. с нем. и англ. М: РОС-СПЭН, 2004. С. 37–38.

переписке я на деле увидел, что собой представляет коллаборативная автоэтнография. Термин, воспринимавшийся ранее в чужих текстах в качестве оксюморона, постепенно обрёл для меня новый смысл, наполнился личными практиками и приёмами. Диалогичность и коммуникативное напряжение — одно из базовых условий коллаборации, которая мобилизует, создаёт интригу, подталкивает к творчеству, оппонированию, размышлению над прошлым и настоящим. Растянувшееся на год интервью может служить примером коллаборативной автобиографии — еще более странного, если исходить из здравого смысла, понятия. Для меня это стало маленьким методическим чудом, и я благодарен Вам за такую инициативу, поддержку и столь аккуратное, вовлечённое участие в диалоге.

Не менее важен в этом автобиографическом эксперименте научный контекст, включающий обращение к исследованиям и публикациям коллег, которые находятся в поиске методологии и методики биографического подхода. Не отступая от привитой Батыгиным практики, параллельно с нашим разговором я составлял библиографический список трудов, в которых проблематизируются упомянутые выше методологические затруднения, практикуется методическое знание. Исследователь, еще раз повторю слова Шюца, «должен принять то, что установлено другими учёными, или объяснить, почему он не может этого сделать». Отвечая на Ваши вопросы, вспоминая прошлое, перечитывая когда-то написанные тексты и опубликованные статьи, я не переставал работать над текущими проектами. Но наш автобиографический сюжет забирал всё больше и больше времени и внимания. Постепенно его значимость и методическая полнота поглотили и переопределили содержание и теоретическую интерпретацию текущих исследований. Я всё чаще стал рассматривать их в перспективе биографического подхода, трансформировать первоначальные исследовательские планы, устанавливая новые, заостряющие биографический контекст в программных вопросах.

В исследовательской среде после предпринятой Томасом Куном в его знаменитой книге «Структура научных революций» (1962) концептуализации смены научных парадигм стало принято писать о тех или иных резких поворотах, нарушающих привычную рутину экспериментальных планов

и теоретических обобщений. Похоже, биографический поворот произошёл и в моей жизни. Помню, кажется, в начале 2000-х Батыгин в библиотеке протянул мне только что вышедший сборник с биографиями социологов 60-х годов²⁰. «Геннадий Семёнович, подпишите, пожалуйста», — попросил я. И услышал в ответ: «Не нужно. Это же часть нашей жизни, автографы здесь излишни».

* * *

...Это я пишу уже после того, как наша длившаяся год переписка с Борисом Докторовым была закончена. Общение с Докторовым не требует поводов или мотивировок. Это тот редкий случай, когда каждое письмо, реплика, казалось бы, случайно брошенная фраза дополняют и поддерживают твои размышления, наталкивают на формирование новых идей, проверяют на прочность прежние убеждения. Поэтому когда возникла возможность регулярного и плотного общения, я ухватился за неё с нескрываемым энтузиазмом.

Начиналось всё неспешно, и ничто не предвещало столь грандиозной авантюры — на год растянутого автобиографического повествования. Перерывы в ответах порой превышали месяц, но где бы я ни находился, вновь и вновь возвращался к обдумыванию поставленных вопросов, поиску наиболее релевантных выражений, позволяющих точнее высказаться, упаковать в слова не только часть жизни, представлений и мнений из прошлого, но и указать на возможные их трансформации. Прошлое в биографии — это вид из окна настоящего, и открывающаяся перспектива во многом определяется положением наблюдателя, или рассказчика, если вернуться к метафорике письма.

Нет смысла объяснять целесообразность и оправданность подобных эпистолярных диалогов для Б. З. Докорова как исследователя науки. Целостность и системность масштабного проекта по изучению российской социологии не вызывает сомнений. Сделано уже столько, что каждая новая глава,

²⁰ Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

новый биографический рассказ уже в определенной степени predeterminedены накопленным материалом. Вместе с тем в диаде интервью меня всегда интересовал респондент — его мотивация, настрой, рациональные объяснения участия в разговоре. Долгие годы находясь на стороне задающего вопросы, легко потерять ощущение реальности, перестать удивляться странной (не)возможности разговора, который, по всей видимости, и есть единственное условие для бытования социального. Повторю: общение с Борисом Докторовым не требует оправданий. Но личных симпатий,

Сотый перевал, граница Республики Хакасии и Республики Тыва. 2014

предрасположенности к диалогу отнюдь не достаточно, чтобы удержать этот диалог в столь продолжительном и систематическом виде, сделать усилие над собой и обстоятельствами, не потерять интерес, не развернуться перед неминуемыми затруднениями в реконструкции прошлого через настоящее, в понимании настоящего через прошлое. И я хочу высказать несколько соображений со стороны респондента, которые хотя бы немного объяснят ситуацию состоявшейся коммуникативной (не)возможности.

Во-первых, биографический нарратив — единственный универсальный способ высказывания. Он не зависит от пола, возраста, уровня образования или социального статуса. Каждому человеку есть что сказать о своей жизни. И даже в самой короткой, никчёмной со стороны внешнего наблюдателя судьбе обнаруживается множество уникальных, завораживающих событий. Нужно всего лишь дать человеку высказаться, позволить ему освободиться от предрассудков, блокирующих саму возможность внятного повествования. Проводя интервью по заказу государственных служащих, бизнесменов или коллег, я вновь и вновь обнаруживал устойчивость биографического нарратива, который неизменно указывал на осмысленность и оправданность всего диалога. И дело не в примерах, не в весомых аргументах для подтверждения своей позиции или оспаривания мнения оппонента. Сформулирую радикальней: вне биографии нет смысла.

Объективированные, оторванные от личностного, интимного, эмоционального контекста описания могут быть использованы для подавления, насилия, оправдания или убеждения, но никогда — для понимания и принятия.

Во-вторых, автобиография — этическое упражнение. Она пишется в рамках определённых культурных и социальных норм. Даже простой перечень, упоминание событий содержат оценку, реинтерпретацию произошедшего и происходящего сейчас. Мы легко закрываемся и лишаем себя и других возможности этического осмысления через презумпцию личной жизни. Ссылка на частное, приватное, не предназначенное для постороннего, с одной стороны, оберегает личное пространство, с другой — создаёт лауну нравственного штиля, невозможности помыслить себя. Подталкивая респондентов к разговору о личном, исследователь должен быть не только готов раскрыть

собственные представления, быть видимым и очищенным от соблазнительного образа нейтрального, незаинтересованного свидетеля, но вновь и вновь выполнять этические упражнения как необходимое и достаточное условие социального взаимодействия. Предельные вопросы о любви, смерти и понимании немислимы вне этических оснований биографии.

В-третьих, в личной судьбе всегда ощущается дыхание истории. Биография не индивидуальна. Это рассказ о других людях, друзьях и недругах, близких и далёких, влиятельных и никчёмных, потерянных в этой жизни. Удивительным образом предельное, эгоистическое представление себя становится возможным лишь через указание на опыт взаимодействия с другими. Именно через это расширенный автобиографический нарратив трансформируется в автоэтнографический. Описание себя становится описанием мира, где важны и пропущенные, невысказанные эпизоды. Сопоставляя высказанное со скрытым, оставленным вне рамок повествования, можно зафиксировать значимые сломы и разрывы социальных, культурных, психологических констант человеческого существования. Мы не можем добраться до пределов воспоминаний другого, но собственная память и возможные внешние сигналы её активизации нам более чем доступны. Именно этим так притягательны автоэтнографические практики для современных исследователей.

В-четвёртых, автобиография немислима без коллаборации, коллективного письма. Для высказывания нужен собеседник, для напряжения мысли — диалог. Биографическое интервью — прекрасный инструмент для поддержания мысли в тонусе. С одной стороны, формальная рамка предъявления вопросов позволяет сохранять динамику, преодолевать возникающие этические или коммуникативные затруднения, с другой — инициирует, подталкивает к понятности и аргументированности высказывания, контекстуальной полноте речи. Нельзя быть понятным вне диалога, нельзя составлять архив для потомков, не включаясь в диалог с современниками.

Наблюдая за собой отвечающим, я раз за разом обнаруживал все четыре причины продолжения разговора: универсальность коммуникации, этическое напряжение, наиндивидуальность и продуктивную диалогичность.

Биографический проект Б. З. Докторова позволил мне не только увидеть вне формальных рамок коллег, познакомиться с десятком новых имён в методологии социальных исследований, стимулировал чтение и детальный разбор множества публикаций, но и создал условия для открытия себя, обнаружения ограничений, срывов, несуразностей личного опыта, удержания в пространстве этических вопросов. Не результат, а путь, становление нарратива притягивает и мобилизует к участию в автобиографическом разговоре, авантюренность которого в полной мере понимаешь после его завершения.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

АВТОБИОГРАФИЯ В ПЕРЕПИСКЕ С БОРИСОМ ДОКТОРОВЫМ

Дмитрий Рогозин

Редактор А. Черняков

Дизайн, верстка, корректура ООО «ФОМ.РУ»

Подписано в печать (дата)

Формат

Тираж (экз.)

Издательство (название)

Адрес

Контакты